

Письма из

Томск.

9(47)17
п 35

П 84
387 П-90
пок

9(47)1

п 35

ПИСЬМА ИЗЪ ТЮМЕНИ

ПРЕТЕНДЕНТА

на должность городского головы

КЧ.184297

Издание единственно для кроткихъ друзей автора
и исследователей истории.

Александр Иванович Дальвиконов

Ж. XII. 2.

автор

тобольскъ

Губернская Типография

1894.

1849.97

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗДНЕЕ
обозначенного здесь срока

Тип. „Новая Жизнь“.

Изъ „Тобол. Губ. Вѣд.“

1893. №№ 38—41, 43—46, 48 и 50 и 1894. 3, 10, 11, 14 и 15.

ПИСЬМА ИЗЪ ТЮМЕНИ.

I.

10-е сентября.

Вы, разумѣется, знаете, г. редакторъ, какое непреодолимое желаніе питаю я сдѣлаться тюменскимъ городскимъ головою! О, Господи, даже теперь, при одномъ представлениі объ этомъ счастьї, духъ захватываетъ отъ удовольствія. Вотъ почему, въ виду предстоящихъ выборовъ новаго состава городского управлениія, прошу васъ дать мѣсто заявлению моихъ правъ на эту почетную должность. Уже цѣлыя десять лѣтъ слѣпой случай устранилъ отъ управлениія городомъ такихъ людей, какъ я, а шаловливый жребій выдвигаетъ другихъ лицъ, за спиной которыхъ настоящимъ дѣятелямъ приходится обдѣлывать только мелкія дѣлишки. Сплю и вижу, какъ смѣняю я засаленную сибирку на шитый мундиръ и буду стоять на парадахъ. Засвидѣтельствовать почтение и пожать мою руку не побрезгуетъ тогда кто угодно. Словомъ, хочу быть городскимъ головою, а потому и нужно мнѣ, чтобы читатели ваши не только знали меня за человѣка хорошаго, но и считали человѣкомъ практическимъ, „съ должностными попытіями“. А такимъ, по самоновѣйшимъ воззрѣніямъ экономистовъ, можетъ быть только человѣкъ, прошедшій огонь и воду; положимъ, съ мѣдными трубами я не знакомъ, а пройти чрезъ таковыя, по теперешнимъ временамъ, также необходимо для практическаго человѣка, но за то польза шицрутеновъ преподана была мнѣ въ пору самой цвѣтущей молодости, а потому въ благонравіи и благонадежности моихъ помысловъ не можетъ быть сомнѣнія.

Происхожу я не отъ какого-нибудь кабатчика, которымъ теперь и входъ въ городскую думу запрещенъ, и не отъ хлыща чиновника, который даже кровь-то отцовскій кабатчику заложилъ. Нѣтъ, я сынъ ветерана-солдата, который всю жизнь го-

тось бы пролить кровь свою за отечество, хотя и не представилось къ тому благопріятнаго случаю. Учился я въ школѣ кантонистовъ, а потому и далекъ отъ тѣхъ свободомыслія и вольнодумства, которыми заражено теперь большинство городскихъ головъ, получившихъ образованіе въ реальныхъ и коммерческихъ училищахъ. Охъ, ужъ эти мнѣ училища, давно бы ихъ въ щебень обратилъ, да улицы вымостили. Боюсь свободомыслія, больше геенны огненной, а потому образованіе дѣтей своихъ довѣрилъ я не школѣ; а одному благородному джентльмену, сосланному въ Сибирь за неблагородные поступки. Итакъ, читатели должны убѣдиться теперь, что благонамѣренность свою доказалъ я не только словомъ, но и дѣломъ.

Но мнѣ нужно, чтобы знали вы, милостивые государи, что хоть я и кантонистъ по образованію, однако же человѣкъ „съ понятіями“, а о практическости моей и говорить не стану. Всему этому обучили меня купцы: сначала Рѣшетинины, а потомъ Скотинины (вѣчна имъ память—теперь покойники); у нихъ я состоялъ „молодцомъ на побѣгушкахъ“, приказчикомъ и, наконецъ, главнымъ распорядителемъ. „Хороши же должны быть понятія у человѣка при такомъ воспитанії!“—воскликнутъ школьніки старшаго класса Маріинской школы и зрѣлые классики въ гимназіи. Не хочу я, молодые люди, вступать съ вами въ полемику, скажу только, что не въ гимназіяхъ, а именно здѣсь, въ практической школѣ жизни, на „побѣгушкахъ“, да на „подзатыльникахъ“ вырабатываются „настоящія понятія“. Въ семнадцать-то лѣтъ я былъ молодецъ-молодцомъ, не вамъ чета; аршинъ въ моихъ рукахъ становился то длиннѣе, то короче, смотря по желанію, а вѣсы—такъ тѣ колебались отъ одного моего взгляда, въ какую угодно сторону. Вотъ какъ! Ну и путешествія по чужимъ краямъ придали бодрость. Польза таковыхъ засвидѣтельствована даже Карамзінымъ, „ибо они развиваютъ въ насъ умъ и сердце“. Пишу для того и другого извлекать я изъ побѣздокъ со своими благодѣтелями, то въ Ирбить, то въ макарѣвскую ярмарку. Ну и практическихъ знаній у меня попаконилось, когда разъ полсотни пришлось прогуляться туда и обратно на облучкѣ, рядомъ

съ кучеромъ. За всѣ труды Скотининъ произвелъ меня въ приказчики, а я, не будь дуракъ, пристройлся къ его племянницѣ, и когда старикъ умѣръ, собралъ его пожитки, да и былъ таковъ.

Итакъ должны же ваши читатели, г. редакторъ, убѣдиться, что я человѣкъ благомыслящий, съ „понятіями“, и достаточно практичный, но нужно мнѣ еще, чтобы всѣувѣровали, что я гражданинъ, искренно любящій свою родину. Утверждаютъ, что такая любовь должна выражаться благотворительностью; а благотворителемъ-де не можетъ быть человѣкъ съ „понятіями“. Утвержденіе сіе совершенно ошибочно, ибо правая рука можетъ съ такой же готовностью выражать благотворительность, съ какой лѣвая обнаруживать самыя широкія „понятія“. Когда-нибудь я побесѣдую объ этомъ предметѣ пространно и надѣюсь защищить положеніе мое побѣдоносно. Положимъ, что я усыѣль убѣдить вашихъ читателей въ честности моей и искренней любви къ родинѣ, несмотря даже на то, что имѣю „свой понятія“. Теперь же, спрашивается, желаете ли вы, чтобы такой, какъ я человѣкъ, сидѣлъ городскимъ головою города Тюмени? Желаете ли вы? спрашиваю я. Находите ли вы это выгоднымъ сообразнымъ съ вашими интересами?

Тюмень, известно вамъ, помойная яма—разсадница всякихъ болѣзней. Нужны силы Геркулеса, чтобы очистить эти Авгіевы конюшни. Вѣдь, вамъ должно же быть пріятно, когда такой интеллигентный, съ понятіями, человѣкъ заведетъ тамъ чистоту и порядокъ, какихъ не найти не только въ Сибири, но и во всемъ отечествѣ. Такъ, еще разъ, спрашиваю: желаете ли видѣть меня тюменскимъ городскимъ головою?

Пожалуйста, не удивляйтесь моему вопросу и не подумайте, что я шучу съ вами. Да и права вы на это не имѣете. Отчего же, спрашивается, не сочли вы за шутку, когда у насъ даже некій Борисовичъ и тотъ мечталъ о городской кассѣ и шитомъ мундирѣ, но его отвлекъ вкусный пирогъ, испеченный кѣмъ-то на золотыхъ пріискахъ. Съ какой же стати, послѣ этого, принимать за шутку мой вопросъ!

Но вы, можетъ-быть, спросите, какова въ настоящее время

моя профессія? Батюшки мои! Самаго-то главнаго я и не сообщилъ вамъ о себѣ. Каковъ претендентъ на должность городского головы и профессію-то скрываеть,—подумаете вы. Не беспокойтесь, отвѣчу вамъ такъ же, какъ отвѣщаю любознательнымъ спутникамъ въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, когда они интересуются моей особой.—Профессія моя торговля и промышленность!—Чѣмъ торговать изволите?—Торгую хлѣбомъ, въ лабазахъ, а промышлю на счетъ гуманныхъ тенденцій, т. е. газету издаю. Нынѣ это вѣдь порядкѣ вещей: издательство газетъ въ рукахъ мукомоловъ кабатчиковъ, жидовъ, просоловъ и т. под. представителей гласности; поэтому каждая газета, за недостаткомъ содержательности, удовлетворяетъ подписчиковъ преміями въ видѣ романовъ, картинъ, олеографій, носовыхъ платковъ и выкроекъ. И же, когда буду городскимъ головой, предложу каждому своему подписчику, въ видѣ преміи къ газетѣ, полушибофъ „Свѣтланы“. Этотъ продуктъ хоть и не у меня приготовляютъ, но все же изъ моихъ материаловъ.

Сообразите же теперь, какъ выгодно избрать меня тюменскимъ городскимъ головою. Въ лицѣ моемъ городъ приобрѣтѣ образованнаго распорядителя, а подписчики на мою газету будутъ имѣть на новый годъ даровой полушибофъ „Свѣтланы“, очищенной на водочномъ заводѣ моего друга Мокрятникова. А гуманныя то тенденціи—вы не во что ставите? Нѣть-съ, извините: съ помощью этого орудія, въ качествѣ городского головы, я устрою такую благотворительность, которая привлечетъ въ Тюмень обездоленный людъ со всей губерніи. Устрою я кофейныя для нѣмцевъ, чайныя для чиновницъ, распивочныя для чернаго люда и столовыя для всѣхъ. Наши дамы будутъ у меня цѣлыми днями щи разливать, да тѣсто мѣсить; въ карты играть перестанутъ и проигрываться не будуть, за что мужья ихъ преподнесутъ мнѣ въ день именинъ благодарственный адресъ.

Впрочемъ, по этому поводу будетъ особая трактациѣ; въ слѣдующемъ письмѣ я изложу программу своей дѣятельности. А теперь спрошу васъ въ послѣдній разъ: хотите ли, милостивые государи, имѣть меня тюменскимъ городскимъ головой?

II.

23-го сентября.

Въ первомъ письмѣ рекомендовалъ я вамъ, милостивые государи, свою особу на должность тюменского городского головы и, вообразите, никто на это въ отвѣтъ ни единимъ словомъ не обмолвился. Одни выжидаютъ, какую дамъ я программу своей дѣятельности, а другіе давно рѣшили, что съ умнымъ головой, по теперешнимъ временамъ, только „бѣду наживешь“.—„Намъ, говорятъ они, нужно голову попроще—незамысловатую“.—Какъ, почему? спросите вы, удивленные и пораженные такою неожиданностью.—А потому, во-первыхъ, милостивые государи, что у гласныхъ городской думы своего ума достаточно, а во-вторыхъ въ св. писаніи сказано, что умная голова „и во тмѣ зрящетъ“. Вотъ этого-то многимъ и не надобно!

Если такъ, то Богъ съ вами, не хочу я служить такому обществу. Предъявляя свои права и способности, я не столько искалъ почетной должности, сколько имѣлъ въ виду сдѣлать маленькое неудовольствіе доброму Анатолію Алексѣевичу и за то именно, что, состоя городскимъ головою, не удостоилъ онъ у меня въ нынѣшнемъ году имениннаго пирога откушать.

Такъ, повторяю, не хочу я служить тюменскому обществу, да и выбрать-то меня „въ городскіе головы“, строго говоря, оно не можетъ, уже по тому одному, что баллотировать себя я не позволю, считая дѣяніе сіе, въ такомъ общегосударственномъ дѣлѣ, конституціонной продѣлкой, которая противорѣчить моимъ высоконравственнымъ стремленіямъ. Намъ ли, россіянамъ, въ странѣ земледѣльческой, перепимать механику парламентаризма и конституціонизма. До парламентаризма ли тутъ, когда мы готовы другъ съ друга послѣдній лапоть стащить и никакихъ интересовъ, кромѣ „шкурныхъ“, знать не знаемъ, да и знать не хотимъ. Исторія указываетъ намъ только на одну пренапомнятную Марфу Новгородскую, которая могла въ своей республикѣ народъ вольницу держать въ „ежовыхъ рукавицахъ“. Нашъ же городской парламентаризмъ ведеть къ тому, что Прохоръ да

Иванъ выбираютъ Петра и Луку, а Петръ и Лука радѣютъ Прокору и Ивану, со всей ихъ братіей; и такъ до послѣдняго свата, кума и всего сонма „рука руку моетъ“.

Скажите на милость, какая мнѣ нужда окунуть свою сѣдую голову въ лужу разныхъ городскихъ дризгъ? Чтобы заслужить память потомства? Да кого изъ честныхъ городскихъ дѣятелей помянули вы добрымъ словомъ, надъ чьимъ прахомъ мавзолей воздвигли? Неужели не было у васъ во главѣ управлениія ни одного честнаго человѣка? Какъ не быть, были люди, да оцѣнки-то отъ васъ не выслужили. Вотъ и служи вамъ!

Разъяснивъ, такимъ образомъ, почему не можете вы избрать меня городскимъ головой, перехожу теперь къ изложенію того, какими благами пользуюсь я въ настоящее время и какимъ бы я былъ несчастнѣйшимъ существомъ въ почетной должности. Теперь я живу, можно сказать, „припѣвающи“, торгую мукой, издаю газету и не могу безвинно подвергнуться даже малѣйшей непріятности. Развѣ только корова, изъ тѣхъ, что гуляютъ по всѣмъ бульварамъ и улицамъ, вздернетъ меня на свои рога, но, зная это, я избѣгаю праздныхъ прогулокъ по городу. Встрѣтившись на улицѣ „съ молодцомъ изъ конторскихъ въ веселомъ настроеніи“, почтительнѣйше даю ему дорогу и скожу съ тротуара въ грязь, чтобы не быть сверженнымъ, куда придется. Хожу я чаще всего въ церковь и притомъ въ такое время, когда кабакъ—„нашъ отечественный парламентъ“—еще закрытъ и чающіе движение воды сидятъ пригорюнившись. Въ церкви хоть я и не стою бокъ-о-бокъ съ капитаномъ-исправникомъ, однако, при большомъ стечениі народа, ревностные богомольцы выдавить изъ тѣла мою христіансскую душу ни въ какомъ случаѣ не могутъ, такъ какъ пристроился я къ одной благочестивой вдовушкѣ, которая ограждена отъ черной публики крѣпкимъ дубовымъ барьеромъ. За этимъ-то барьеромъ душа моя находится въ всякой опасности, и молимся мы со вдовицей единными устами, единственнымъ сердцемъ и объ единомъ только спасеніи.

Насчетъ благосостоянія моего подвергнуться какой-нибудь непріятности я также не могу. Такъ, напримѣръ, въ случаѣ по-

хищенія имущества, я даже полицію не беспокою, а отправляюсь прямо въ кладовую моего благопріятеля и заявляю свои права на собственность.— „Да развѣ это твоё? Ну извини, братецъ, не разглядѣлъ!“— только и скажетъ онъ мнѣ, возвращая все до ниточки.

Наконецъ, чтобы тѣло мое даже послѣ смерти не попало какъ-нибудь въ волчій желудокъ (кому-же охота похоронить себѣ въ волчьемъ желудкѣ?), завѣщаю я похоронить себя не на городскомъ погостѣ, а въ монастырской оградѣ, гдѣ купилъ я, на всякий случай, аршинъ землицы, рядомъ со вдовой-благодѣтельницей.

Видите ли теперь, милостивые государи, какъ гарантировалъ я себя отъ всякихъ непріятностей? Сравните же теперь мое безопасное положеніе съ тѣмъ, какое можетъ постигнуть меня, когда я буду избранъ тюменскимъ городскимъ головой. Всѣмъ известно, что тюменцы самый неспособный народъ въ мірѣ и на нихъничѣмъ не угодить. При томъ между обывателями города господствуютъ три влиятельныхъ партіи: пароходчики, кожевенные заводчики и виноторговцы. Вотъ и извольте вы первымъ благотворить, ко вторымъ снисходить, а третьихъ не стѣснять только—имъ и этого достаточно. Не ублаготвори я первыхъ, сдѣлай какую-нибудь непріятность, ратуя хотя бы о тѣхъ же городскихъ интересахъ, и возстанутъ противъ тебя всѣ поголовно, назовутъ самодуромъ, притѣснителемъ, распустятъ дурную молву по всей обской рѣчной системѣ, нажалуются и низвергнутъ тебя съ преданіемъ осмѣянію, да и впредь избирать не будуть.

Къ кожевеннымъ заводчикамъ нужно относиться снисходительно. Попробуй только занкнуться, что, отравляя воду рѣки Туры подзоломъ и ошурками, посягаютъ они на общественное здравіе,—поднимется все Зарѣчье, и докажутъ вамъ, какъ дважды два—двадцать четыре, что наша-де вода, благодаря близости кожевенныхъ заводовъ, не только безвредна, но даже и питательна. У насть-де есть свои натуралисты, инженеры и юристы, которые не меныше вашего знаютъ. Если бы и нашелся какой порядочный человѣкъ, далекій отъ „шкурныхъ“ интересовъ, ко-

торый бы началъ доказывать что-либо, особенно съ медицинскаго ^{фн}
~~положенія~~, то противъ него поставятъ адвоката, который старин-
ными сенатскими указами подтвердить ему, что водѣ въ рѣкѣ
Турѣ такой и быть надлежитъ, ибо отравлять ее дозволено еще
въ прошломъ столѣтіи и съ тѣхъ поръ запрещенія на это не
послѣдовало.

Наконецъ, стѣсненіе винокуренныхъ заводчиковъ и кабатчи-
ковъ можетъ повести къ тому, что получишь нѣкоторыя повреж-
денія благородныхъ частей организма, какъ, напримѣръ, случи-
лось это въ Томскѣ, съ моимъ благопріятелемъ Ревуновымъ.

Какъ видите, милостивые государи, положеніе въ Тюмени
городского головы таково, что не всякій ему позавидуетъ. Сядутъ
на тебя и поѣдутъ сначала пароходовладѣльцы — вывози-де скать
кляча, на то тебя и въ оглобли поставили; запрягутъ въ телѣгу
кожевники, да на тебѣ же и начнутъ рѣку унаваживать — вези,
скажутъ, кляча, на то тебя и выбрали. Ну, а если, да какой-
нибудь сумасшедший поступитъ съ тобой такъ же, какъ въ Моск-
вѣ съ бѣднаго Алексѣевымъ? Примѣръ заразителенъ, а прецен-
дентовъ къ тому въ Тюмени не мало!

Словомъ — посрамленіе или смерть ожидаютъ меня, чтобы я
не сдѣлалъ, за что бы полезное для общества не взялся, не го-
воря уже о томъ, что у меня явится цѣлая куча соперниковъ,
которые рады будутъ извести меня всячески, лишь бы на буду-
щее четырехлѣтіе занять мое незавидное положеніе.

III.

30-го сентября.

Положимъ, милостивые государи, что, состоя тюменскимъ
городскимъ головою, не буду я ни посрамленъ, ни изгнанъ, ни
лишенъ драгоцѣнной жизни, а буду такимъ же самоуправителемъ,
какъ, наприм., Рыковъ въ городѣ Скопинѣ. Что жъ, думаете вы,

выгодно было бы мнѣ промѣнять теперешнее мое материально обезпеченнное положеніе на то, въ какомъ находится городской голова? Такъ невыгодно, такъ невыгодно, что я съ ужасомъ помышляю о подобной возможности. Вотъ вы сами убѣдитесь въ этомъ, когда сообразите внимательно слѣдующія обстоятельства.

Доходы мои въ настоящее время отъ хлѣбной торговли, да отъ газетной промышленности простираются до 7,000 руб. На эти деньги я не только живу въ свое удовольствіе, но и откладываютъ „малую толику на черный день.“ Чай пью ежедневно два раза и не въ прикуску, а въ накладку. Обѣдаю сытно и вкусно; жена у меня сама стряпней не занимается, а нанята „за повариху“^{*)} известная Анна Васильевна, которая даже для путейскихъ инженеровъ обѣды готовила. А, вѣдь, всѣмъ известно, что инженеры да лицеисты хорошо кушать пріучаются еще на школьнй скамье—не то, что технологии, лѣсники и прочие студенты, которыхъ помышлять о единомъ хлѣбѣ не доводится. Попы въ комнатахъ хозяйка миѣ не моетъ, а нанимаю я для того осторожныхъ бабъ; развѣ съ-изрѣдка и то не корысти ради, а чтобы не потерять привычки—вымоетъ она попъ въ одномъ моемъ кабинетѣ. То же можно сказать и относительно стирки бѣлля, которая производится въ кухнѣ. Маленькая непріятность состоить единственно въ томъ, что паръ вынимаемаго изъ кипятку бѣлля разглаживаетъ на раздолѣ по всему дому и сильно щекотить наше привычное обоняніе. Живу я съ семьей въ нижнемъ, подвальномъ этажѣ, поэтому приемные комнаты у меня всегда чисты отъ пыли и отъ клоповъ, которые вообще такъ беспокоятъ особъ, когда съ дороги останавливаются они отдохнуть у нашего брата. Курить я самъ не курю, но для гостей изъ благородныхъ имѣю гаванскія сигары, подъ названіемъ „amatoria“, порожніе ящики отъ нихъ наполняю я для своихъ друзей благовоннымъ Крафтомъ, потому что обоняніе ихъ снисходительно и не избаловано. Въ именинны дни у меня всегда пирогъ и сухая закуска: поземы,

^{*)} Такъ называютъ у насъ хорошихъ кухарокъ, которые однако въ кулинарномъ искусствѣ не достигли степени поварихъ.

балыкъ, муксунъ, икра отъ разныхъ рыбъ, рыжики и пр. произведенія нашихъ обширныхъ рѣкъ и лѣсовъ. Наливки у меня изъ всевозможныхъ ягодъ: изъ ягодъ-же приготовлю я и вина^{*)} для повседневнаго употребленія, а бауэрскимъ разливомъ щеголяю только предъ заѣзжими изъ губернскаго города.

Видите теперь, м.м. гг., что живу я не хуже покойнаго Ко-корева и за всѣмъ этимъ остается у меня нѣкоторая сумма на другія потребности животныя и духовныя. Такъ, наприм., по части удовлетворенія потребностей нравственно-эстетическихъ, отправляюсь я въ театръ Текутьева и упиваюсь тамъ до седьмого поту прелестями французскихъ душу раздирающихъ драмъ. Попсѣща эти зрелища, доставляю я удовольствіе не только лично себѣ, но и своему другу-антрепренеру театра—моему коллегѣ по мучной торговлѣ. Оба мы приняли на себя нелегкій трудъ пробужденія въ обществѣ гуманныхъ тенденцій: я—путемъ гласности, а онъ—чрезъ посредство Мельномены, Таліи и Терпихоры. Вечерами музы эти вдохновляютъ актеровъ, а днемъ отыхаютъ въ мучномъ лабазѣ, тамъ, гдѣ крупчатка сложена. Въ зимнее время у бѣдныхъ небожительницъ отъ стужи „зубъ съ зубомъ“ не сходится, только однимъ чаиншкомъ и отогрѣваютъ они свои окоченѣвшіе члены. Платить^{за} наше къ нимъ невниманіе самой звонкой монетой. Прекрасная половина человѣческаго рода въ г. Тюмени, насмотрѣвшись французскихъ драмъ, начинаетъ прибирать къ рукамъ нашего брата. Эманципація наступаетъ! Шопробуй теперь злочастный мужъ раскуражиться—„уйду“, говорить ему жена, „и дѣло съ концемъ; видѣль, во вчерашнемъ театрѣ, какъ Жули бросила Пьеро и бѣжалась съ Альфонсомъ, такъ и я сдѣлаю!“ Ну и мужья тоже—„не даютъ маху“: чего прежде и въ голову не приходило, стало теперь цѣлью всичкихъ помысловъ. Сценическое искусство—великая сила! Оно способно образно и надолго запечатлѣвать въ мысляхъ и чувствахъ человѣка какъ высокіе идеалы, такъ равно и низменные инстинкты, поэтому

^{*)} И между прочимъ такъ называемую „мадеру-топтунецъ“ изъ чернослива съ бадьянскимъ настоемъ, въ хорошо очищенной водкѣ.

злужить величайшимъ орудіемъ развитія общества въ хорошую и въ дурную сторону.] Я вотъ и стариkъ, а все же, когда бывало посмотрѣши душу раздирающую драму или французскій „удивильчикъ“*), приходитъ желаніе привести себя въ пріятное расположение духа и тѣла. Для этого отправляюсь я въ общественный клубъ, гдѣ имѣю возможность наслаждаться танцами и учиться деликатному обращенію. Правда, старики и старушки здѣсь очень чопорны, а молодцы черезъ-чуръ игравы, но что же мѣшаетъ мнѣ уйти въ клубъ приказчиковъ, гдѣ все дышетъ откровенностью отношеній между гостями „за всяко просто и по русскому обычаю вполнѣ «на распашку»?“ По части потребности въ просвѣщеніи, госпожа смотрительша записала меня членомъ попеченія объ учащихся и, благодаря такой любезности, слушалъ я въ прошломъ году за умѣренную плату, во-первыхъ, публичные чтенія съ туманными картинами о кулачныхъ бояхъ вообще и о дѣяніяхъ купца Калашникова въ частности, а во-вторыхъ, на годичныхъ собраніяхъ этого общества созерцаль въ маленькомъ видѣ всесословную палату общинъ, съ участіемъ женского пола и даже подъ предсѣдательствомъ женщины (какъ мы однако опередили Европу!). Эти собранія напоминали мнѣ изъ глубокой древности новгородское вѣче съ тою только разницей, что въ старое время, когда разноздавшаяся публика начинала галдѣть, Мареа посадница изъ подъ душегрѣйки свой кулакъ показывала—теперь же публика призывается къ порядку мягко, нѣжно и ласково: „если вы меня любите и уважаете, то прошу умолкнуть“—говорить предсѣдательша: шумъ стихаетъ и звѣрь-человѣкъ обращается въ агнца. Таково, мм. гг., въ главныхъ чертахъ житѣ-бытие мое въ Тюмени при 7,000 руб. дохода.

Посмотрите, какое жалкое существованіе ожидаетъ меня, когда я буду городскимъ головою при томъ же самомъ содержаніи. „Какъ при томъ же самомъ содержаніи?“ спросите вы. „Да развѣ городской голова въ Тюмени жалованья не получаетъ?“—

*) Наше тюменское выраженіе—вѣроятно отъ глагола „удивляться“—означающее водевиль.

Какъ не получаетъ, получаетъ онъ болѣе любого директора департамента, вѣроятно и мнѣ назначать не менѣе 3,000 руб. годового содержанія, но поймите, м.м. гг., что долженъ я буду за такое вознагражденіе свои торговыя операциі сократить и газету совершенно закрыть. Только подъ этимъ послѣднимъ условіемъ и могутъ избрать меня городскимъ головою. „Да развѣ нельзя совмѣстить общественную службу съ издательствомъ газеты?“ спросите вы.—Ни коимъ образомъ—отвѣчу я на это. Какъ городской голова долженъ я буду очень многое удерживать въ секрѣтѣ отъ публикаціи, а какъ газетчикъ—все это передавать гласности и, притомъ, наводить критику на такія дѣянія, за которыя въ старое время у членовъ управы ноздри рвали, да въ Сибирь ссылали. Самое же главное затрудненіе будетъ въ томъ, что цѣны на жизненные припасы, которыя я сообщаю въ своей газетѣ, не сойдутся со справочными городской управы и тогда господа экзекуторы казенныхъ заведеній предадутъ меня анафемѣ на всѣхъ городскихъ перекресткахъ. Положимъ премія, въ видѣ „свѣтланы“, склонить въ городской думѣ на мою сторону всѣхъ тюменскихъ виноторговцевъ, а гуманныя тенденціи увлекутъ туда же благотворительныхъ дамъ и либеральныхъ дѣвицъ. Положимъ, чрезъ своихъ мужей и отцовъ, составить онѣ мнѣ большинство на выборахъ въ городского голову, даже безъ всякаго ограниченія правъ на изданіе газеты, но обсудите и оцѣните сами вы, м.м. гг., въ какое безвыходное положеніе поставляю я себя такимъ образомъ!

Иду затѣмъ далѣе. По части альтруизма всякия операциі будутъ обходиться мнѣ при новомъ моемъ положеніи несравненно дороже, чѣмъ въ настоящее время, и вотъ по какимъ весьма простымъ обстоятельствамъ. Въ настоящее время отзывчивость моя на всякое доброе дѣло даже и границъ не знаетъ, а, главное, она мнѣ ничего не стоитъ. Чтобы не предприняли для общаго блага, общественную ли столовую, обѣдъ ли по подпискѣ, музей, ночлежный домъ, стипендію—вездѣ и всюду несу я свою посильную лепту. Стоитъ мнѣ потомъ только накинуть нѣсколько грошей на пудъ моего товара и жертва моя покрывается съ лихвой. „Съ

бѣдниковъ по ниткѣ, голому рубашка!“ говорить пословица. Недобно бываетъ покрывать такимъ образомъ расходы мои только въ голодные годы, ибо гешефтъ становится очевиднымъ, почему я и прибѣгаю тогда къ разнымъ спасительнымъ суррогатамъ, какъ-то: мелкій песокъ, березка, камышъ толченый и пр. и пр.

Разсудите теперь, во что обойдется мнѣ такое же проявленіе альтруизма, когда, по должности городского головы, будетъ принадлежать мнѣ ініціатива проявленія благотворительности во всѣхъ ея видахъ; покрывать же таковую обычнымъ образомъ будетъ невозможно. А представительство, а приемы въ высокоторжественные дни, вы думаете, дешево обходятся? Не могу же я самъ бывать, а къ себѣ никого не принимать! Такихъ людей у насъ въ Тюмени съ презрѣніемъ называютъ „чужа ужна“. Скажите на милость, кому охота получить такую репутацію? Итакъ, въ концѣ концовъ, видите вы, что отъ всѣхъ высшихъ благъ, которыми смягчается горечь нашей будничной жизни, долженъ я буду отказаться: газету, если не закрыть совершенно, то значительно сократить; благотворительные порывы обуздать; а для посѣщенія театра и публичныхъ лекцій не будетъ у меня ни средствъ, ни времени.

Нѣть, господа, ни за какія коврижки не промѣняю я теперешняго моего положенія. Но назначенію отъ правительства, могъ бы я еще стать во главѣ городского управлѣнія, но и то только въ надеждѣ получить званіе коммерціи совѣтника. Въ этихъ видахъ и буду терпѣливо излагать вамъ въ слѣдующихъ письмахъ программу своего управлѣнія. Не назначать меня городскимъ головою, тогда пусть на доброе здоровье замѣститель мой воспользуется этимъ проектомъ: дѣло отъ этого ничего не проиграетъ. „Каковъ, скажете вы, претендентъ: еще въ головы не попалъ и заслугъ не обнаружилъ, а ужъ къ наградѣ приговаривается; да вѣдь званіе-то коммерціи совѣтника къ генеральскому чину приравнивается?—Эхъ, господа, господа, да кому на роду написано, того и изъ дьяконовъ мандариномъ сдѣлаютъ! Вотъ въ Китайской имперіи, напримѣръ, генеральскіе-то чины жены своимъ мужьямъ въ шахматы выигрываютъ. На такой фо-

кусь, разумѣется, и не разсчитываю, но надѣюсь заслужить почетное званіе вѣрной своей службой па пользу отечеству. За всѣмъ симъ не думайте, что одно только честолюбіе руководитъ мою настойчивостью; въ слѣдующемъ письмѣ изложу я и другія къ тому законныя причины.

IV.

6-го октября.

Изъ предыдущихъ писемъ моихъ должны наши читатели прийти къ убѣжденію, что едва ли подобный мнѣ благомыслящей и „съ понятіями“ гражданинъ рѣшится связать себя съ тюменскимъ обществомъ, а тѣмъ болѣе поставить себя отъ него въ зависимость. Да, и однакожъ я желаю, чтобы правительство назначило меня головою городского управлениа. Повѣрьте, не однотицеславіе руководитъ мною, нѣть, мм. гг., не настолько еще мелочны и низменны мои стремленія! Намѣренія мои чисты и цѣли возвышенны! Дѣло въ томъ, что, сколько мнѣ известно, финансовые средства города и вообще ресурсы его всякаго рода находятся въ состояніи, близкомъ къ банкротству; такъ вотъ я и желаю спасти отъ такового моихъ милыхъ согражданъ.

Имѣю я также въ виду и проучить ихъ за одну скверную непріятность, которую они разъ мнѣ сдѣлали. Въ чемъ заключается эта непріятность, не скажу вамъ теперь, но потомки ваши узнаютъ о ней изъ моихъ записокъ, надъ которыми я давно уже работаю. Много тайнъ узнаетъ потомство изъ этихъ записокъ, такихъ тайнъ относительно нѣкоторыхъ персонъ, что персоны эти даже въ гротѣ будуть переворачиваться при чтеніи обѣ ихъ подвигахъ. Чтобы кто-нибудь изъ васъ, мм. гг., не похитилъ мои труды, или не пожрало таковые пламя пожаровъ, намѣренъ я помѣстить ихъ въ несгараемыхъ шкафахъ англійскаго банка, рядомъ съ многообѣщающими мемуарами маститаго нѣмецкаго канцлера. Открою вамъ,

господинъ редакторъ, по секрету, что первая часть моихъ записокъ окончена и заключается въ нихъ, между прочимъ, одна статья о томъ, какими путями создались тюменскіе капиталы и куда дѣвались они въ послѣдніе тридцать лѣтъ; другая—о томъ, какъ прозябаемъ мы вдали отъ просвѣщенныхъ центровъ и какъ отъ скуки нѣкіе молодцы „саврасы“, съ университетскимъ даже образованіемъ, отогрѣваютъ себя въ жаркихъ баняхъ, поддавая на каменку вмѣсто воды шалонское шампанское. Однако я заговорился.

Еще въ первомъ письмѣ обѣщалъ я изложить вамъ, м.м. гг., программу своей будущей дѣятельности и, только теперь, послѣ длиннаго предисловія, рѣшаюсь приступить къ этому. Но прежде всего нужно мнѣ, чтобы сознали вы, господа, что стоите на краю пропасти и находитесь въ состояніи полной беспомощности. О, нечестивый городъ Тюмень! Денегъ на черные дни ты не принашь, а земельныя имущества, какъ говорятьъ, профершили. Проигрался-то ты очевидно не съ похмелъя, а по невѣжеству. Будешь влакить теперь свою жизнь постылую, какъ чиновникъ гаванскій*)! Банкротство и неминуемое банкротство ожидаетъ тебя!

Вы думаете, я шучу: готовъ дать руку на отсѣченіе, если этого не послѣдуетъ. Оглянитесь только на свое хозяйство. Вода въ водопроводахъ испорчена, да и дѣйствовать-то они скоро у насъ откажутся по той простой причинѣ, что трубы давно перегнили; водокачка разрушается, мостъ черезъ Тюменку грозитъ крушеніемъ, а будущая каменная мостовая, думаете вы, мало потребуетъ расходовъ. Сообразите только, что черезъ каждые полгода будетъ она заплывать грязью, которая потребуетъ устраненія, а ремонтъ-то, ремонтъ-то во что обойдется! Одинъ велѣумный риторъ, изъ гласныхъ разумѣется, хотя и доказывалъ мнѣ, что мостовая „стелется-де по всѣмъ техническимъ требованіямъ“, однако мѣстами ее такъ низко (не по уровню) упрятали въ землю, что даже съ улицы во дворъ не вѣдешь**). Подумайте,

*) Отдаленный уголокъ Петербурга называется Галерию гаванью; онъ населенъ преимущественно бѣдными чиновниками разныхъ учреждений Петербурга.

**) Противъ дома Колмакова и лавокъ.

подумайте только, какие расходы предстоять вамъ и чѣмъ вы ихъ покроете!

Должны же вы были памятовать, что все въ этомъ мірѣ тлѣнно и не вѣчно, а капитальная городскія постройки сооружены вашими отцами и дѣдами. Въ то самое время, когда русскаго парламентаризма не было и когда городскіе доходы простирались не болѣе 20.000, предки соорудили вамъ гостиный дворъ, загородный садъ, водопроводы, мосты, бульвары и проч. и проч. Спрашивается, что сдѣлали вы за время дарованнаго вамъ самоуправлени? Воздвигли-ли хотя одно городское зданіе, церковь, школу? Ничего не сдѣлали, несмотря на то, что на нѣкоторыя сооруженія даже и деньги давно собраны. Не трудно догадаться, что говорю я о той часовнѣ, которую тринадцать лѣтъ готовитесь вы выстроить, но не можете только прийти къ соглашенію, какую часть города ею украсить.

Разумѣется, во всемъ этомъ нельзя винить теперешнее городское управление съ его руководителемъ. Боже меня упаси отъ этого! Сколько извѣстно, нашъ составъ городской управы проникнутъ самыми благородными побужденіями, но старые грѣхи скоро не выправишь. Всему виною опять таки парламентаризмъ, играя въ который въ теченіе 20-ти лѣтъ, большинство русскихъ городовъ достукалось до поразительныхъ фактовъ нерадѣнія къ общественнымъ интересамъ и злоупотребленія ими для личныхъ цѣлей. Весь этотъ періодъ можно охарактеризовать: безконтрольностью, безответственностью и безнаказанностью. Самоуправлени, дарованное Верховной Властью, какъ *summum jus*, оказалось всюду на практикѣ *summa injuria*.

Постигаете-ли по крайней мѣрѣ, мм. гг., свое беспомощное, безвыходное положеніе? спрашиваю я. Желаете-ли вы сойти съ того скользкаго пути, на которомъ находитесь? Горестное положеніе ваше извѣстно мнѣ давно; десять съ лишнимъ лѣтъ помышляю я, какъ бы помочь вамъ, и потому въ зрѣлости моихъ мѣропріятій, надѣюсь, сомнѣваться не будете.

Кто хочетъ приготовить зайца подъ соусомъ, нужно сперва поймать зайца, говорятъ наши друзья-французы; такъ точно и

здѣсь: чтобы сдѣлать васъ счастливыми и богатыми, нужны прежде всего деньги, деньги и деньги. По моему мнѣнію, нужны еще хорошие распорядители. Будь у меня подборъ подобныхъ хорошихъ распорядителей, деньги мы изъ земли ковать станемъ и будетъ у насъ ихъ сколько угодно. Стало быть, прежде всего нужно реформировать составъ городского управления и реорганизовать канцелярію.

Настоящая городская дума даже помѣщенія благоустроеннаго не имѣть. Скажите на милость, какой порядочный дѣлецъ съ мало-мальски культурными привычками рѣшился остатся даже на нѣсколько часовъ въ ужасной атмосфѣрѣ городской управы и подвергнуть себя истязанію клоповъ, которые завели свои колоніи въ мебели еще съ прошлаго столѣтія. Какъ вы думаете, отчего господа гласные до сего времени такъ рѣдко посѣщали городскую управу и такъ пубережно относились къ своимъ обязанностямъ? А оттого собственно, что помѣщеніе для засѣданійказалось имъ мало уютнымъ и неопрятнымъ. Анtre хуже чѣмъ въ порядочномъ почлежномъ домѣ: залъ для совѣщаній малъ и загроможденъ мебелью, которую давно пора-бы пожертвовать въ Тобольскій археологическій музей; кабинета для уединенія членовъ нѣть, а потому для секретныхъ совѣщаній отправляются они въ холодныя сѣни. Согласитесь, вѣдь это-же ни на что не похоже!

При вступленіи въ управление городомъ, прежде всего займусь я привѣтриваніемъ, т. е. вентиляціей помѣщенія городской управы. Для канцеляріи найду другое помѣщеніе и соединю его телефономъ со столомъ городского секретаря, благо теперь затѣя эта ничего не стоитъ. Въ благоустроенной думѣ, по моему мнѣнію, долженъ быть залъ для засѣданій, залъ для уединенія и залъ для думскихъ собраній въ свободное отъ занятій время. Будь только у насъ въ распоряженіи залъ для собраній, тогда мы и въ клубѣ не станемъ ходить. Въ думѣ совершили бы мы разные акты, читали-бы публичныя лекціи, устраивали бы общественные балы въ высокоторжественные дни; а главное, послѣ продолжительныхъ и шумныхъ засѣданій, могли бы мы получить здѣсь отдохновеніе и разсѣять злобу дни какъ-бы горька она намъ не

показалась. Разумѣется, стѣны зала я украшу портретами бывшихъ градоправителей, чтобы не было нареканій въ недостаткѣ къ нимъ вниманія; подъ небольшой нишей устрою буфетъ, гдѣ гласные могутъ найти во всякое время стаканъ чаю и бутербродъ. Разрѣшеніе вина будетъ допущено только въ дни высокоторжественные, а, впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ воспользовался бы я указаніями всеоправдывающихъ обстоятельствъ.

Замѣчаете, какъ это все обдумано и вижется одно съ другимъ! Прощайте до слѣдующаго письма, въ которомъ буду излагать вамъ, какъ среформирую я городскую управу и переустрою канцелярию.

V.

13-го октября.

Руки прочь! говорить думскимъ дѣльцамъ новое городовое положеніе. Оно призываетъ господъ гласныхъ сбросить съ себя тотъ историческій халатъ, въ которомъ развилась русская лѣнь и который первомъ Гончарова названъ «обломовицей». Сбросить говорю, или подобрать такъ, чтобы не препятствовалъ онъ быстрому безостановочному ходу впередъ. Необходимо это, милостивые государи, потому собственно, что условия общественной жизни предъявили намъ много такихъ требованій, о которыхъ до сего времени мы и помышлять не могли. Всѣмъ извѣстный надворный совѣтникъ и кавалеръ Порфирий Никитичъ Усѣкновенный скажаль бы теперь, что «наступили для гласныхъ городской думы времена жестокіе и порядки строгіе»!

Подумайте, сколько на первый разъ, придется создать намъ разныхъ инструкцій, правилъ, обязательныхъ постановлений, распоряженій и проч. и проч. По необходимости думскія засѣданія увеличимъ мы какъ по количеству, такъ и по ихъ продолжительности. Вотъ почему, господинъ редакторъ, надѣюсь я, что чита-

тели наши вполнѣ одобряютъ прекрасную мысль на счетъ небольшого буфетика, о которомъ говорено было въ предыдущемъ письмѣ моемъ. Не улыбайтесь, пожалуйста, милостивые государи—въ моихъ словахъ не вижу я ничего такого, что заслуживало бы осмѣянія. Угощеніе при отправлениі служебныхъ обязанностей проголодавшихся чиновниковъ чаемъ и кофе принято теперь во многихъ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ. Почему-же, спрашивается, не воспользоваться и намъ указаніемъ опыта?

За всѣмъ тѣмъ, какъ бы «изба не была красна углами», какъ бы не были благоустроены думскія помѣщенія, все же разумное управлениѣ городомъ будетъ зависѣть отъ благонамѣренности и благонадежности моихъ сотрудниковъ. Но согласитесь, что служить подъ руководствомъ такого способнаго и «съ понятіями» человѣка, каковъ вашъ покорѣйший слуга, сочтутъ для себя за великую честь самые лучшіе дѣятели. Разумѣется, чести этой будутъ добиваться и многія выскочки, но мы ихъ политично отстранимъ и изберемъ только трехъ членовъ управы, считая число три символическимъ и многообѣщающимъ.

Первому члену управы поручимъ мы городскую кассу и всѣ сборы городскихъ доходовъ; какъ видите, нуженъ здѣсь человѣкъ честный, грамотный и съ хорошими познаніями по счетной части. Протежировать на эту должностъ буду я тому самому благопріятелю, къ покровительству котораго, какъ сказано было ранѣе, прибѣгаю въ случаѣ похищенія моего имущества. Имя и отчество гражданина сего позволяю себѣ удерживать въ секрѣтѣ; скажу только, что будущій дѣлецъ образованъ и ловокъ, умѣеть хорошо считать, насчитывать и обсчитывать, а въ бухгалтеріи, какъ говорится, «собаку сѣль».—Вѣроятно кабатчикъ какой-нибудь!—подумаете вы.—Можетъ быть, можетъ быть... отвѣчу я, но во всякомъ случаѣ кабаки и трактиры его подъ чужимъ именемъ значатся.

Не такъ проста функція второго члена управы, которому вѣбримъ мы часть санитарную, водоснабженіе города, присмотръ за перевозами чрезъ рѣку и за промышленными заведеніями. Сложныя обязанности требуютъ на эту должностъ человѣка

интеллигентнаго и съ познаніями. А слабость наша, какъ извѣстно всякому, въ томъ-то и заключается, что тюменская интеллигенція крайне бѣдна капиталомъ, а капиталъ крайне бѣденъ образованіемъ. Вотъ почему, милостивые государи, при выборѣ кандидата на эту должность будемъ мы имѣть въ виду только одну талантливость. Талантливый человѣкъ, состоя на службѣ, можетъ и наукамъ у насъ обучаться. Для этого въ проектированныхъ мною залахъ городской думы предполагаю я устроить публичныя лекціи—сначала по санитарной части, а по томъ и по гидравликѣ. На первую кафедру приглашу врача изъ западнаго края и притомъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Выказавъ такую религіозную терпимость и вниманіе къ еврейству, надѣюсь впослѣдствіи получить кредитъ у французскихъ банкировъ, въ которомъ встрѣтится наибѣзотлагательная надобность. Назначивъ по пяти рублей за каждый часъ, въ прибавокъ разрѣшу я своему лектору, когда думскія залы будутъ свободны, развлекаться тамъ излюбленнымъ «ганделемъ». Перспектива «ганделя» дѣйствуетъ на сердце жида неотразимо, почему вполнѣ надѣюсь, что въ доцентахъ санитаріи недостатка у меня не встрѣтится.

На кафедру гидравлики завербую я доморощенаго профессора физики и агронома. Скажутъ, пожалуй, мнѣ, что лекторъ этотъ будетъ «не тово». Я и самъ думаю, что «не тово», но нужно отдать справедливость,—человѣкъ онъ милый и покладистый. Дѣлать доклады въ ученыхъ обществахъ имѣть онъ непреобразимую склонность, а потому уповаю, что предложеніе мое приметъ съ радостью и будетъ читать намъ лекціи gratis, т. е. безвозмездно. Въ вознагражденіе за трудъ позволимъ мы ему именовать себя на визитныхъ карточкахъ профессоромъ гидравлики и докторомъ физики. Пусть, по крайней мѣрѣ, въ воображеніи вознаградить онъ этимъ свое научное убожество.

Лекціи—лекціями, но нужно мнѣ, чтобы сотрудники мои могли провѣрять и самого лектора, а для этого при городской управѣ предполагаю я основать популярно-научную библіотеку, въ составъ которой по интересующимъ насъ предметамъ войдутъ

сочиненія, указанныя ниже въ примѣчанії*).

На обязанность третьяго члена управы возложимъ мы оцѣнку недвижимыхъ имуществъ, выдачу плановъ, разрѣшеніе и наблюденіе за постройками и сооруженіями общественныхъ и частныхъ зданій и проч. и проч. Избранное лицо должно будетъ, во-первыхъ, изучить «отъ корки до корки» строительный уставъ, а во-вторыхъ, для развитія художественно-архитектурнаго вкуса, познакомиться хотя съ «Хозийственнымъ Строителемъ». Журналъ этотъ полезенъ во многихъ отношеніяхъ, и потому войдетъ въ составъ думской библіотеки. Но такъ какъ предстоитъ намъ надобность въ капитальнѣйшихъ городскихъ соруженіяхъ, катакомбы соборъ, гостиный дворъ, школы, сады, фонтаны и проч., то для руководства моему сотруднику по постройкамъ вынешу я трудъ Іосифа Дурма *Nadbuch der Architectur*. Первый выпускъ знаменитаго «гандбуха» вышелъ въ свѣтъ, когда я былъ еще юношой, а послѣдній увидягъ вѣроятно мои дѣти и даже внучата. Въ тридцатомъ томѣ этого обширнаго сочиненія, кропотливый нѣмецъ, окончивъ съ постройкою зданій вчернѣ, приступилъ къ трактациіи о сооруженіи парадныхъ лѣстницъ; судите сами— сколько еще предстоитъ ему труда, чтобы завершить свое предпріятіе?

Такими-то благоразумными распоряженіями намѣренъ я поднять умственное развитіе моихъ согражданъ и пополнить пробѣль въ познаніяхъ моихъ сотрудниковъ. Много, много хлопотъ предстоитъ мнѣ на первыхъ шагахъ общественнаго служенія. Да, господа, не будь 1967 статьи город. полож., которая устраиваетъ женщину отъ участія въ городскомъ самоуправлениі, не то было. Весь составъ городской управы ангажировалъ бы я тогда изъ прекраснаго пола; но чего нельзя—о томъ и говорить нечего.

Перехожу теперь къ преобразованію думской и управской

*) Бензингеръ. Объ оздоровленіи городовъ. Федоровъ. Объ удаленіи нечистотъ изъ городовъ. Эрисманъ. Различные способы удаленія нечистотъ изъ городовъ. Панакевъ. Земляная система оздоровленія городовъ. Доврославинъ. Гигиена. Флюге. Руководство къ гигиеническимъ способамъ изслѣдованія. Кѣнніга. Водоснабженіе. Колльдевина. Книга по гидравликѣ, и проч.

канцелярії. Весь штатъ ея, какъ известно, состоить изъ лицъ по найму, правами государственной службы не пользующихся. Поэтому, увѣренъ я, не будетъ мнѣ никакого затрудненія организовать его изъ дѣвицъ одобрительного поведенія. Въ виду предполагаемой реформы въ женскомъ образованіи, завербую я къ себѣ тѣхъ педагогичекъ, въ образовательныхъ правахъ которыхъ интеллигентные родители «искали суррогата материального обеспечения» („Рус Вѣдом.“) и остались въ своихъ надеждахъ обманутыми. Означеною мѣрою пріобрѣту я сочувствіе всѣхъ прогрессивныхъ органовъ русской печати и укажу путь тысячамъ бѣдныхъ дѣвицъ къ честному заработка. Скажите на милость, что мѣшаетъ женщинѣ заниматься въ городской управѣ канцелярскимъ трудомъ? Вѣдь допущена же она къ занятіямъ по управлению желѣзными дорогами и по телеграфному вѣдомству? Въ Америкѣ, напримѣръ, по послѣдней переписи, число женщинъ, занимающихся свободными профессіями, достигло 250.000*). Онѣ подвизаются тамъ на различныхъ служебныхъ поприщахъ, где требуются умъ, осторожность и энергія. Въ занятіяхъ дѣвицъ по городскому управлению заключается, кромѣ того, глубокая внутренняя логика. Сообразите, какъ пріятно будетъ родителямъ видѣть дѣтей своихъ въ общемъ трудѣ на пользу общественную. Эта реформа послужить, наконецъ, къ смягченію правовъ моихъ согражданъ, а сколько деликатности внесетъ она въ ихъ взаимные отношенія, особенно при обсужденіи спорныхъ вопросовъ, когда затронуты «шкурные» интересы двухъ противуположныхъ сторонъ. Дружить съ прогрессомъ, такъ дружить! Въ качествѣ городского головы исхлощочу я введеніе въ нашей женской гимназіи преподаванія бухгалтеріи и основъ городового положенія. Ввелъ бы я еще латинскій языкъ, но боюсь обременить молодые умы чрезмѣрной много предметностью. Знай наши прогимназистки

*) Въ этомъ числѣ насчитывается 110 женщинъ-адвокатовъ, 165 женщинъ-насторовъ, 320 писательницъ, 580 занимающихся журналистикой, 2061 художница, 2136 женщинъ-архитекторовъ, 5135 состоящихъ на службѣ правительству, 2438 женщинъ врачей и хирурговъ, 13182 учительницы музыки, 21,071 женщинъ бухгалтеровъ, 155,000 учительницъ и проч.

латинскій языкъ, сколько бы фельдшерицъ могли мы изъ нихъ приготовить?

Преобразование канцеляріи поведу съ должной постепенностью. Управскаго секретаря замѣщу я особой пожилой, преимущественно изъ оставленныхъ за штатомъ начальницъ прогимназій, съ правомъ составить себѣ на службѣ «приличную партію». По моему мнѣнію, въ этой должности должна быть дама высокаго роста, стройнаго тѣлосложенія, сухощавая, смуглая, энергичная; по душевнымъ качествамъ: привѣтлива, находчива и словоохотлива (однако не болтлива); специальная познанія ея должны быть въ русскомъ языкѣ и ариѳметикѣ. Въ бухгалтерскій столъ нужна старая дѣвица, потерявшая надежду на замужество и при этомъ утратившая свою привлекательность. Она должна быть мало общительна и мало разговорчива, ибо бухгалтерія требуетъ напряженного вниманія и образцовой тщательности. Въ качествѣ помощницъ вышерѣченной особѣ, назначимъ мы трехъ дѣвицъ среднихъ лѣтъ съ отличной аттестаціей по каллиграфіи и ариѳметикѣ. Въ распорядительный столъ, гдѣ будетъ сосредоточена выдача справочныхъ цѣнъ, свидѣтельствъ на трактиры, постоянные дворы и проч. и проч., помѣщу я двухъ педагогичекъ специалистокъ русскаго языка. Одна изъ нихъ должна быть блондинка съ великорусскими чертами лица, а другая — смуглая южанка, по возможности съ классической профилю. Второй столъ будетъ занятъ дѣлами по городской больницѣ, по острогу и по воинской повинности; здѣсь же будутъ выдаваться свидѣтельства на званіе почетныхъ гражданъ. Сюда ангажирую я одну фельдшерицу и одну специалистку ариѳметики; знаніе русскаго языка обязательно для обѣихъ, за то красота и миловидность могутъ быть не обязательны. Должности столоварачальныхниковъ упраздняются, а журналистомъ можетъ быть дѣвица изъ не окончившихъ курсъ прогимназіи.

Гуманности-то, гуманности сколько въ моемъ проектѣ! А главное, обойдется мнѣ вся эта музыка, дѣлопроизводства вдвое дешевле, чѣмъ обходится она въ настоящее время. Имѣйте въ виду при этомъ, милостивые государи, что дамы вообще не лю-

бить безполезного бумагомарания, а потому и расходы на канцелярскія принадлежности значительно сократятся. Чтобы поддержать похвальную бережливость въ этомъ отношеніи, всѣ распоряженія своимъ сотрудникамъ, т. е. членамъ управы, которые занимаютъ мѣсто за однимъ со мною столомъ, буду дѣлать я не письменно, какъ обыкновенно заведено въ городскихъ управахъ, а устно.

Батюшки мои, отцы родные! Кажется все предусмотрѣно, а о юрисконсультатѣ-то я и забылъ. Какъ же можно по нынѣшнимъ порядкамъ вести отвѣтственное дѣло и безъ такой особы? Можно было это только въ глупое старое дореформенное время, когда городской голова не умѣлъ даже фамиліи своей подписать. Но откуда-же, спрашивается, возьму я такую персону? Всѣ наличные адвокаты-юристы прямо или косвенно связаны контрактами съ тройственнымъ союзомъ пароходовладѣльцевъ, кожевенныхъ заводчиковъ и виноторговцевъ. Думая объявить войну этой коалиціи, могу-ли я пользоваться услугами ихъ соиспѣщниковъ? — Превосходная мысль! Вспомнилъ я, что есть у насъ Лейба Мойшевичъ Ширманъ — единий изъ людей, съ успѣхомъ занимающейся адвокатурой, т. е. составленіемъ разныхъ кляузъ... Его-то я и завербую къ себѣ юрисконсультомъ!

Полагаю, милостивые государи, что вы раздѣляете мой взглядъ на переустройство городского управления, однако, въ ожиданіи вашихъ замѣчаній на изложенные въ этомъ письмѣ соображенія, честь имѣю пребывать вашимъ покорѣйшимъ слугою.

VI.

25-го октября.

Раздѣлиете ли вы, милостивые государи, мои проникнутыя гуманностю соображенія по переустройству управской канцеляріи? Не сомнѣваюсь, что вы вполнѣ мнѣ сочувствуете, а потому

смѣло ставлю на очередь самый серьезный вопросъ: какъ добуду я деньги, чтобы приступить къ городскому благоустройству?

Видите сами:—не хочу я занимать васъ пустяками, ни къ чему неведущими белендрасами, а поднимаю на ребро сущность самаго дѣла.

Прискивал способъ добыть денегъ, остановился я на одномъ капитальнѣйшемъ предположеніи, которое вполнѣ достойно рожденного для великихъ дѣлъ. Знаю я, что геніальнѣйшія вещи не оцѣниваются современниками, но уѣшился мыслью, что «нѣсть пророкъ въ отечествѣ своемъ.» Предположеніе мое состоять въ томъ, чтобы добыть денегъ путемъ пріобрѣтенія концессіи на желѣзную дорогу.—«Старая это штука», скажете вы; «изъ моды вышла, нѣтъ ли чего-нибудь по-современнѣе?» Было время, когда многіе истинные сыны отечества считали концессіи самымъ наивѣрнѣйшимъ способомъ зашибить копейку. Для постройки желѣзной дороги, хотя бы на луну, имъ ничего не стоило тогда придумать разныя неотложныя нужды, сочинить невѣроятные по количеству грузы, обставить вопросъ экономическими потребностями и раздуть все это путемъ гласности. Къ печатному слову относились тогда съ большимъ довѣріемъ. Акціонерныя компаніи, съ гарантіями отъ казны, парождались, какъ грибы въ сырую погоду!—«Опоздали—скажете вы мнѣ—со своимъ проектомъ; безшабашное время прошло, начался теперь періодъ экономического отрезвленія!»—Тише,тише, messieurs, выслушайте меня пожалуйста! Вы совершенно справедливы, опытъ научилъ кого слѣдуетъ относиться къ проектамъ желѣзныхъ дорогъ съ большою осмотрительностью, но вотъ этимъ-то самымъ обстоятельствомъ мы и намѣрены воспользоваться.

Желая быть понятымъ, начну издалека. Составители проекта сибирско-уральской желѣзной дороги, очевидно, не досмотрѣли, что рѣка Тура—мало-судоходная, а Тюмень давно потеряла свое промышленное значеніе. По роковому недоразумѣнію, городъ нашъ признанъ за начальный пунктъ водяныхъ сообщеній въ Западной Сибири; вотъ этимъ и объясняется его, ни чѣмъ не заслуженная, торгово-промышленная репутація. Ошибка обнаружилась,

но, какъ и нужно было ожидать, къ сожалѣнію, тогда, когда же лѣзная дорога была построена. Оказалось, что рѣку Туру курицы, временемъ, въ бродъ переходятъ, а тюменская промышленность выѣденного яйца не стоитъ.

Господи Боже мой, что я натворилъ! Опять проговорился! Языкъ мой—врагъ мой! Давно хочу обуздать свою правдивую откровенность, и все не могу собраться съ силами. Разнесетъ меня теперь имепитое зарѣчное купечество, ну и горшечники не похвалятъ, а торговки махровыми тюменскими коврами, въ порывѣ озлобленія, назовутъ меня не иначе, какъ «черной немочью». Да Богъ съ ними! Пусть разносить и бранятъ, а я буду продолжать свою рѣчь далѣе.

Чтобы поправить ошибку, нужно теперь или русло Туры углубить или желѣзную дорогу удлинить до Тобольска. Казна остановилась на первомъ предпріятіи. Что же намъ остается дѣлать? А мы, милостивые государи, будемъ желѣзную дорогу строить!—«Какъ желѣзную дорогу? Къ чему желѣзная дорога, когда мелководную Туру инженерная техника скоро обратить въ рѣку судоходную?» воскликните вы въ недоумѣніи. Такъ я и зналъ, что ничего не поймете, а мысль моя между тѣмъ совершенно ясна. Эхъ господа, господа! Дальше вы своего носа ничего не видите, да и видѣть не будете, пока не протрете глаза свои, какъ слѣдуетъ. Гдѣ требуется умомъ-разумомъ раскинуть, гроша вы мѣднаго не стоите. Сосредоточтесь на вопросѣ и обдумайте хорошенько, какая надобность казнѣ заботиться о вашихъ карманахъ въ ущербъ своимъ интересамъ. Если бы господа инженеры, напримѣръ, изъ усердія не по разуму, русло Туры засорили, деньги на «вѣтеръ выпустили» (я бы разумѣлся въ карманъ припряталъ), да кстати и водочерпательные машины всѣ перепортили, то, поймите же, что и тогда казна будетъ только въ одномъ выигрышѣ. Не понимаете? Ну, слушайте далѣе. Будь Тура въ теченіе осени мало-судоходной рѣкой, тогда всѣ нижегородскіе грузы (съ нижегородской ярмарки) направятся въ Сибирь великой желѣзной дорогой, и доходность ея до Томска увеличится, по крайней мѣрѣ, на миллионъ рублей, если не болѣе. Неправда-

ли, заработка на первый разъ очень хорошій; и его-то безвозвратно лишится казна, какъ только русло Туры будетъ расчищено*). Не полезнѣе ли теперь же затѣю съ гидротехническими работами предать забвенію?—«Поздно—скажете вы—объ этомъ рѣчь заводить, ибо деньги на очистку Туры давно ассигнованы, и даже машины куплены. Но согласитесь—не лучше ли казнѣ бросить „на вѣтеръ“ какія-нибудь 400 тысячъ**) единовременно (куда наша не пропадала!), чѣмъ по миллиону терять ежегодно.

Однако, Богъ не безъ милости! Суди по капитальнымъ заказамъ стальныхъ пароходовъ, съ необыкновенно дорогой и уютной обстановкой, нужно думать, что руководители гидравлическими работами надѣются улучшать фарватеръ Туры долго и основательно. На пароходахъ-броненосцахъ, которые назначаются для техническихъ работъ—слышали мы—предполагается устроить салонъ для главнаго инженера, салонъ для его сподвижниковъ, концертный салонъ, столовую, бильярдную и дортуары съ ваннами, душами и фильтрами. Простыни въ каютахъ будутъ зеркальные, освѣщеніе электрическое, полы изъ прессованной англійской пробки, покрытой бархатной „шерстью“. Все тщательно обдумано и предусмотрѣно***); теперь озабочены очень серьезнымъ вопросомъ—чѣмъ обить красивую мебель: шелковымъ-ли трипомъ или китайскимъ штофомъ. Пловучая лѣтняя дача, какъ видите, обставляется полнымъ комфортомъ, а если прибавить къ этому солидные оклады, экономіи отъ работъ, близость дорогой семьи, присутствіе хорошаго повара и запасы прохладительныхъ напитковъ, то, скажите на милость, кто, при такой обстановкѣ, изъ руководителей работами захочетъ спѣшить ихъ окончаніемъ?

Хотя углубленіе фарватера Туры не представляетъ такихъ

*) Предполагая, что на улучшеніе рѣкъ Туры, Томи и верховьевъ Иртыша ассигновано 1.500,000, я отдаю на очистку русла Туры примѣро 400,000 р.

**) Легко понять, что доставка грузовъ водой отъ Нижнаго до Перми и отъ Тюмени до Томска обойдется дешевле, чѣмъ чрезъ Самару, Уфу, Курганъ, и т. д. по желѣзнымъ дорогамъ, если только по Турѣ уничтожатъ перекаты.

***) Точь-въ-точъ, какъ въ „восточномъ византійскомъ лабиринтѣ“, что показывается теперь въ Петербургѣ, въ домѣ Кононова.

техническихъ препятствій, какія встрѣтились, напримѣръ, въ Кетскомъ каналѣ, но, зная свойства нашихъ рѣчныхъ наносовъ съ петрографической точки зрѣнія, осмѣливаюсь надѣяться, что гидротехническія работы затянутся надолго, и въ желѣзной дорогѣ на Тобольскъ надобность будетъ неотложная. Чѣмъ терять время и деньги въ періодъ мелководій, да еще казну въ убытокъ вводить на бесполезныя сооруженія, не лучше ли пойти на встрѣчу грозящимъ намъ бѣдствіямъ, а моментъ теперь для этого самый подходящій. Давнишняя ошибка въ направленіи уральско-сибирской дороги обнаружена, и денегъ на улучшеніе фарватера Туры затрачено немногого.

Итакъ, пока гидротехники будутъ свой комфорть устраивать, составлю я, милостивые государи, акціонерную компанію и испрошу на желѣзную дорогу концессію. Мнѣ бы только концессію исхлопотать, а перепродать ее съ сотнями тысячъ барыша—плевое дѣло. Вотъ тогда у насъ и денежки появятся. Банкиры-жиды дружественной Франціи купятъ у меня это предпріятіе съ радостію, а не будетъ охотниковъ-покупателей, такъ съ руками оторвутъ у меня концессію Богословскіе заводы, по той роли, какую дорога молъ будетъ имѣть къ ихъ промышленности, если соединю я съ Тюменью рѣку Тавду, вполнѣ судоходную.

Разсчитываю я, м. гг., что въ концессіи отказа мнѣ не будетъ, ибо знакомъ я, по золотымъ промысламъ, съ такой вдовушкой, которая въ Петербургѣ отлично можетъ устроить эту операцію. Чая добрую память мужа, почетнаго гражданина нашего города, сдѣлается она для насъ все, что отъ нея потребуется, такъ ей по завѣщанію указано. Ну и еврейство можетъказать намъ не мало услугъ, хотя бы въ благодарность за то, что дозволю я ему развлекаться „ганделемъ“ въ общественныхъ залахъ.

Слѣдовательно, чтобы строить дорогу, остается только выбрать направленіе. Относительно Тобольска я мало озабоченъ, ибо стариkъ этотъ со слезами на глазахъ отблагодарить насъ, если мы на первый разъ хоть немного къ нему приблизимся. Для Богословскихъ заводовъ важно только, чтобы рельсовый путь до Тавды продвинулся, а если еще избавимъ мы пароходовладѣль-

цевъ отъ осеннихъ перегрузокъ и пересадокъ, то будуть они за насъ вѣчно Богу молиться. Остается, стало-быть, только наши городскіе интересы соблюсти, потому что проектъ мой на первый разъ покажется для нихъ убыточнымъ. Подумайте хорошенько: стоитъ только удлинить уральско-сибирскую желѣзную дорогу, и Тюмень придется въ разореніе.

Несмотря на природную остроту ума моего, усовершенствованную опытомъ жизни и путешествіями, едва удалось мнѣ согласить между собою приведенные условія. Рѣшаюсь я принять направлениѣ желѣзной дороги, по проекту Подгаетскаго, отъ Тюмени до деревни Паченки*). Оно имѣть то преимущество, предъ направленіемъ на Артамонову, по проекту министерства путей сообщенія, что представляетъ экономію въ сорокъ верстъ желѣзно-дорожнаго пути. Изысканія показали, что Тюмень отъ Артамоновой удалена на 120 верстъ, а Паченка только на 80. При этомъ общее разстояніе отъ Тюмени до Тобольска остается почти одно и то же**). Избравъ такое направлениѣ дороги, легко согласить интересы пароходовладѣльцевъ, тобольскихъ гражданъ и правителей Богословскими заводами. Чтобы не пострадали наши общественные тюменскіе интересы, буду строить я дорогу узколинейную, принимая въ соображеніе, что весь зимній сезонъ будетъ она оставаться подъ снѣжнымъ саваномъ безъ движенія. Не ищите, господа, въ такомъ проектѣ, что-нибудь новое и оригинальное. Вѣдь построена же желѣзная дорога между группами кавказскихъ минеральныхъ водъ, для одного только лѣтняго сезона, и признано такое сооруженіе выгоднымъ, несмотря даже на то, что дорога эта на грузы совсѣмъ не разсчитывается. Для казны наша „чугунка“ выгодна будетъ уже по тому одному, что избавитъ ее отъ непроизводительныхъ тратъ на стальные пароходы-броненосцы и на водочерпательные машины, съ которыми, кстати сказать, въ нашей Турѣ и повернуться даже будетъ не-

*) Паченка—деревня на правомъ берегу р. Тавды, близъ с. Тавдинскаго.

**) Отъ Тюмени до Паченки 80 верстъ желѣзной дороги и 223 версты водного пути отъ Паченки до Тобольска. Отъ Тюмени до Артамоновой 120 верстъ, и отъ Артамоновой до Тобольска 173 вер., стало быть разница на 10 верстъ.

возможно. Еще хорошо, что инженеры свои пароходы заказали; а то лѣтъ пятнадцать тому назадъ, чтобы доставить одну особу изъ инженерного міра, съ семействомъ, разумѣется изъ Тюмени чрезъ Омскъ до Томска, пришлось заарендовать на казенный счетъ сто-сильный пароходъ за 9000 рублей. Расходъ, по крайней мѣрѣ, оправдался тѣмъ, что особа эта была доставлена къ мѣсту служенія въ полномъ здоровьѣ и въ веселомъ настроеніи.

За всѣми высказанными соображеніями, остается мнѣ, мн. гг., посвятить васъ въ тайну доходности проектированной мною дороги. Скучными, конечно, покажутся эти подробности для огромнаго большинства читателей и читательницъ. Но что же дѣлать? Шишу я письма мои не для потѣхи, а съ серьезною цѣлью: узнать о соображеніяхъ моихъ мнѣніе специалистовъ. Для сокращенія расходовъ, дорогу отъ Тюмени на Паченку поведу я чрезъ Кыртымскіе юрты, при помощи инженеровъ военнаго вѣдомства. Ничего не имѣю я и противъ гражданскихъ инженеровъ путей сообщенія, не долюблю однако между ними поляковъ и за то именно, что недоброжелательно относятся они къ нашимъ русскимъ интересамъ. Излишней роскоши на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ у меня не будетъ, а земляные работы отдамъ я на отрядъ татарамъ Кашегальской волости. Дорога пойдетъ чрезъ густой лѣсъ на всемъ протяженіи, стало-быть шпалы будутъ у насть подъ руками; и рельсы обойдутся дешево, если войду я въ сдѣлку съ поставщиками ихъ на великую сибирскую желѣзно-дорожную линію. Словомъ, верста обойдется мнѣ 17,000 рублей, а можетъ-быть (я увѣренъ въ этомъ) даже значительно дешевле. Слѣдовательно, на всю тавдинскую желѣзно-дорожную вѣтвь отъ Тюмени до Паченки израсходуемъ мы около 1.360,000 р. Спрашивается, какъ скоро можемъ мы покрыть эти расходы посредствомъ эксплуатации? А вотъ послушайте. Въ настоящее время всѣ пароходовладѣльцы во время мелководья Туры теряютъ непроизводительно на перегрузкѣ, пересадкѣ, паймѣ излишнихъ рабочихъ рукъ, порчѣ товаровъ и пр. не менѣе 60,000 руб. а это составить 4% на капиталъ, который затратимъ мы на тавдинскую вѣтвь желѣзной дороги. При этомъ доходы по эксплуатации долж-

ны пойти на погашеніе ремонта пути и обстановку движенія. Доходность дороги можно приблизительно опредѣлить слѣдующимъ образомъ. Всѣхъ грузовъ чрезъ Тюмень проходитъ около 13 миллионовъ пудовъ, стало-быть, принимая тарифную плату $\frac{1}{40}$ к. съ пудо-версты, получимъ мы съ однихъ только грузовъ 260,000 рублей. Пусть часть грузовъ отнимутъ у насъ пароходы (но этому не бывать, при нашемъ управлениі дорогъ), идущіе въ Тюмень и обратно, тогда недочеты съ излишкомъ восполнимъ мы пассажирскимъ тарифомъ. Откладывая 124,000 руб. ежегодно на ремонтъ и текущіе расходы, 10% останется у насъ на погашеніе капитала.

Надѣюсь, теперь, не сомнѣваетесь вы, что будуть у меня деньги для благоустройства города. Но дѣло въ томъ, что казна можетъ взять постройку желѣзной дороги на себя, а Богословскіе заводы предупредятъ меня составленіемъ акціонерной компаніи. Эхъ господа, господа! Не такие мы простачки, чтобы пустяковъ предусмотрѣть не могли. Допустимъ, что казна построитъ желѣзную дорогу даже до самаго Тобольска. Что же, спрашивается, будетъ возить она по ней въ теченіе полугода, когда прекращается пароходная навигація? Весь подвижной составъ, чтобы не оставаться въ бездѣйствіи и не погибнуть отъ холоду, занятъ будетъ тогда расчисткою сиѣга, который требуетъ постояннаго устраниенія. Въ весеннее половодье ирбитскіе грузы пройдутъ въ Томскъ водой, минуя желѣзную дорогу, и затѣмъ въ теченіе лѣта, пока нѣтъ мелководья, грузы Восточной Сибири выгоднѣе будетъ сплавлять до Тюмени, чѣмъ сдавать ихъ въ Тобольскъ. Слѣдовательно, тюменско-тобольская желѣзная дорога, если ее выстроить казна, будетъ пользоваться перевозкою грузовъ не болѣе полуторыхъ осеннихъ мѣсяцевъ, а подвижной составъ содержать непрерывно въ теченіе цѣлаго года. Полагаю, что работать при такихъ условіяхъ будетъ убыточно, и казна не поступить опрометчиво. Въ такомъ же положеніи окажутся и Богословскіе заводы, если съ „бухты-бараахты“ вздумаютъ предупредить мое предпріятие. Иного рода дѣло, когда желѣзная дорога попадеть въ руки такого, какъ я, предпринимателя. У меня будетъ рабо-

тать она въ теченіе всей лѣтней навигаціи, потому что акціонерную компанію устрою я изъ тѣхъ же пароходовладѣльцевъ (половина паевъ будетъ принадлежать городскому обществу). Разъ пароходовладѣльцы вступятъ въ компанію, тогда и бить себя по карману имъ будетъ не выгодно; а ослушниковъ и отступниковъ мы такъ прикрутить можемъ, что сами на акціи будутъ напрещиваться. Для крупныхъ пароходовладѣльцевъ составить акціонерную компанію прямая выгода; при томъ должны же они быть благодарны городскому обществу за то, что пользуются его земляными участками и поддержать меня въ трудную минуту, для своего же благополучія. Сразу поймутъ они, что ссориться со мной имъ будетъ крайне „начетисто.“

Увидятъ тогда Богословскіе заводы, что сила и право на нашей сторонѣ, и станутъ они заискывать у насъ расположение; а мы изъ парижскихъ жидовъ конкуренцію имъ подставимъ, и тогда съ руками, говорю, оторвутъ они у насъ концессію на тавдинскую вѣтвь желѣзной дороги. Спросимъ мы три, а отдадимъ имъ не менѣе какъ за два миллиона рублей свое разрѣшеніе на постройку указанной линіи. Сверхъ сего, за особое вознагражденіе, посвящу я покупателей моей концессіи въ одинъ секретъ величайшей, безмѣрной важности, который рѣшить покупку, если бы даже встрѣтили покупатели нѣкоторыя затрудненія. Секретъ этотъ открылъ я во время многочисленныхъ и многостороннихъ изысканій моихъ между Тюменью и Паченкою. Зная его, строители на однихъ только сооруженіяхъ могутъ сберечь половину назначенныхъ по сметѣ расходовъ. Господи! какъ хочется сообщить вамъ мой секретъ! Однако, мм. гг., на мою словоохотливость прошу не разсчитывать, на этотъ разъ обуздаю своего врага и умолчу до поры до времени.

Нравится ли вамъ мой проектъ? рѣшайте скорѣе. Если не нравится, пожалуйста извѣстите меня по городскому телефону. Буду я, по крайней мѣрѣ, знать, что не встрѣтилъ въ васъ сочувствія и долженъ прекратить свою переписку.

VII.

3-го ноября.

Дѣй слишкомъ недѣли ждалъ я, вблизи телефона, какъ отнесется вы къ моему проекту на счетъ концессіи. Одного слова non possimus (т. е. не можемъ, ибо не нравится), достаточно было, чтобы освободить меня отъ дальнѣйшей съ вами переписки. Но такъ какъ ожиданія мои не оправдались, то рѣшился я вновь утруждать ваше вниманіе своими бесѣдами.

Для три назадъ тому, забрелъ ко мнѣ мимоходомъ городской дѣлецъ Сашенька. Поговорили мы съ нимъ о томъ-о-семъ и такъ какъ дальнѣйшая бесѣда на тему о современномъ общественномъ положеніи сдѣлалась празднымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, то почтенный собесѣдникъ политично, какъ бы à propos de bottes (безъ всякой причины), освѣдомился между прочимъ о томъ, кто-де строчить въ „Тобольскихъ Вѣдомостяхъ“ тюменскія письма. Пришлось сознаться, лгать я не привыкъ, не такъ воспитанъ.—«Мой, говорю, грѣхъ!» Пораженный откровенностью, на которую не разсчитывалъ, Сашенька хотѣлъ было сгрести меня въ объятія (ради поцѣлуя), но я благоразумно увернулся.—«Что бы черкнуть вамъ», началъ онъ вкрадчивымъ голосомъ, «на счетъ перевода къ намъ ирбитской ярманки. Вотъ бы разбогатѣли-то мы тогда! Концессія—концессіей, а ярманка—ярманкой, одно другому мѣшать не будетъ!?».

Понялъ я сразу, что «подвохъ» сей идетъ отъ васть, милостивые государи, поэтому наотрѣзъ предупреждаю, что вовлечь меня въ такое безцѣльное предпріятіе вамъ не удастся; пустяками заниматься я не намѣренъ: вожделѣнія ваши „завести у себя Ирбить“ не имѣютъ никакого основанія. Подумайте только, что такое ирбитская ярмарка? Да вѣдь это облюбованный москви чами грязный трактиръ, гдѣ, въ безшабашныхъ оргіахъ, наша мужицкая натура находитъ себѣ удовлетвореніе. Торжище, въ тягость потребителямъ, держится до сего времени костнотью и невѣжествомъ нашего купечества. Въ Нижнемъ Новгородѣ, какъ онъ не великъ, негдѣ развернуться русской натурѣ во всю свою

ширину. Лѣто, жары, болѣзни, свѣтлые ночи, бдительное начальство—все, все направлено тамъ къ стѣсненію нравовъ. Ирбить—дѣло десятаго рода: зимніе морозы и темные ночи придаютъ этой ярмаркѣ своеобразную прелесть:

Задумчивая ночь, смѣнивъ мятежный день,
На все набрасываетъ здѣсь таинственную тѣни!*)

Ну, и на счетъ женского пола—невпримѣръ вольготнѣе. Въ Нижній «ихъ степенства» приѣзжаютъ весьма часто со своими супругами и находятся подъ непосредственнымъ ихъ надзоромъ. Въ зимнюю пору, по убѣдительнымъ дорогамъ,ѣдутъ въ Ирбить только самые ревнивыя сожительницы и притомъ тогда, когда «самъ» совершенно утратилъ семейный кредитъ. Вотъ почему такъ много привозится на эту ярмарку разнаго „сырья“ изъ русскихъ столицъ, вмѣстѣ съ мануфактурными товарами; торговля имъ идетъ чрезвычайно бойко и привлекаетъ къ участію старость и молодость. Ирбить—это тѣ самыя эмпиреи для нашего купечества, о которыхъ въ гоголевскомъ ревизорѣ поручикъ пишетъ къ приятелю: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ. Весело! А при всемъ этомъ во время масленицы ярмарка обращается въ обжорный рядъ.

Однако всѣ указанныя прелести для потребителей обходятся не дешево. Еще весьма недавно больше миллиона рублей переплачивали московское и сибирское купечество за бесполезное «затаскиваніе» своихъ товаровъ на ирбитскую ярмарку.—«Какая причина этой волокиты?» спросите вы.—Ко^сть и пренебреженіе экономическими условіями,—отвѣтъ единственный. Съ произведеніемъ уральской желѣзной дороги нужно было ожидать, что ирбитская ярмарка или падетъ, или передастъ часть своихъ оборотовъ Тюмени. Ожиданія не оправдались. Оказалось, что даже мануфактурные товары выгоднѣе доставить отъ Тагила до Ирбити гужомъ на лошадяхъ, а отъ Ирбити до Тюмени водой, чѣмъ по желѣзной дорогѣ между этими крайними пунктами**). Лошадь

*) Плетневъ.

**) Зимній фрахтъ по скверной, избитой дорогѣ на лошадяхъ отъ Тагила до Ирбити обходится 10—12 коп. съ пуда, а изъ Ирбити до Тюмени водой не

успешно ведеть состязаніе съ паровымъ двигателемъ! Не безпри-
мѣрный ли это случай наканунѣ ХХ столѣтія въ русской эко-
номической жизни? Подумайте, господа, и обсудите всѣ указан-
ные обстоятельства, тогда и окажется, что вопросъ о перевозѣ
ирибской ярмарки въ Тюмень—затѣя для насъ неподходящая.
Могу однимъ утѣшить васъ, дорогое мои сограждане, что Ирбитъ
скоро проторгуется и будетъ такимъ же всѣми забытымъ горо-
дишкомъ, какъ, напримѣръ, Целымъ, Лозинскъ и проч. Основы-
ваю я такое мнѣніе свое, между прочимъ, на слѣдующихъ фак-
тахъ. Лѣтъ тридцать ранѣе сего, когда я былъ мальчикомъ на
«побѣгушкахъ» у купца Скотинина, въ ирибской ярмаркѣ заку-
палось для Сибири болѣе чѣмъ 2 миллиона пудовъ. Грузъ этотъ
частью отправлялся на возахъ, частью обозами и наконецъ око-
ло 1,200.000 сипавлялось водой до Тюмени и далѣе. Восемь лѣтъ
назадъ, въ Ирбити грузилось на пароходы не болѣе 800.000 пуд-
овъ, а нынѣ всѣ пароходовладѣльцы едва набрали 350,000 пуд. Не
указываютъ ли эти цифры на то, что пѣсенка ирибской яр-
марки сиѣта? Съ проведеніемъ великой сибирской дороги, полож-
еніе дѣлъ несомнѣнно ухудшится уже по тому одному, что чай,
зимнимъ путемъ, завозить въ Ирбитъ не будетъ никакой надоб-
ности; они пойдутъ прямо на Омскъ, Курганъ и Самару; тѣмъ
же путемъ двинется, вѣроятно, и пушной товаръ. Спрашивается
теперь: какъ смотрите вы, при данныхъ условіяхъ, на ходатай-
ство купечества о проведеніи на Ирбитъ желѣзной дороги, для
поддержки падающей ярмарки? Кого хотятъ ввести оно въ заб-
лужденіе? Неужели, господа, и эта глупость найдетъ себѣ осу-
ществленіе? «Отчего и иѣть,»—можете вы мнѣ отвѣтить. Не да-
ромъ-же Шиллеръ сказалъ: *Mit der Dummheit kämpfen Götter selbst vergebens*, т. е. съ глупостью даже богамъ не подъ силу
бороться.—Такъ-то такъ, но вѣдь Шиллеръ былъ такого высокаго
мѣнія о нѣмецкой глупости.

Ирибская ярмарка возникла въ то отдаленное время, когда

болѣе 5 коп.; между тѣмъ отъ Тагила до Тюмени доставка по желѣзной дорогѣ
мануфактуръ обходится около 34 коп. съ пуда.

пермяки на сосну лазили Москву смотрѣть и существовала два съ половиной столѣтія при такихъ торговопромышленныхъ условіяхъ, чередъ которымъ давно миновалъ. Жадные промышленники лѣса вырубили, звѣря вытравили, а экономическо-торговые центры, съ присоединеніемъ киргизскихъ степей, отодвинулись къ югу. Кажется все погибло безвозвратно, однако старыми традиціями ирбитская ярмарка живетъ до настоящаго времени, да еще о желѣзной дорогѣ ходатайствуютъ*). Другой торговый пунктъ на рубежѣ Европы и Азіи—крестовская ярмарка (въ 27 верстахъ отъ Шадринска) переживаетъ ту же судьбу, какъ и ирбитская. Условія возникновенія и будущность того и другого торжища вполнѣ аналогичны**): ирбитскую ярмарку создала торговля съ инородцами съвера, крестовскую—торговля съ киргизами. Расторопныхъ русскихъ людей на съверѣ привлекала „пушнина“, а на югѣ—продукты степного скотоводства. Въ теченіе послѣдняго столѣтія предѣлы Россіи расширились, граница киргизской степи отодвинулась отъ крестовской ярмарки далеко на югъ, и значеніе послѣдней совершенно утратилось. Съ проведеніемъ уральско-сибирской дороги крестовская ярмарка, подобно ирбитской, держится косностью купечества въ ущербъ интересамъ потребителей. Благодаря улучшеннымъ путямъ сообщенія, сибирскимъ куп-

*.) Извѣстно, что поводомъ къ образованію ирбитской ярмарки въ первой половинѣ XVII стол. былъ мѣстный праздникъ 6 января (Богоявленіе Господне). Въ этотъ день происходилъ обмѣнъ между русскимъ населеніемъ и инородцами. Мѣховой торговль благопріятствовали кругомъ обширные лѣса, богатые звѣрями. Къ этому присоединилось слѣдующее благопріятное обстоятельство. Русский піонеръ Бабиновъ въ 1598 году отыскалъ въ Сибирь новую дорогу. Русскіе товары изъ Соликамска пошли черезъ Верхотурье въ Тобольскъ и Ирбитская слобода оказалась на половинѣ пути. Здѣсь торговцы дѣлали привалъ и образовали ярмарку. Въ 1643 году царь Михаилъ Федоровичъ утвердилъ ея существование.

**) Въ началѣ XVIII ст., гдѣ теперь Крестовскій выселокъ, было явленіе иконы пророка и крестителя Господня Иоанна, вслѣдствіе чего 29 августа установленъ былъ ~~сюда~~ крестный ходъ. Стеченіе народа привлекло сюда для торговли сначала мѣстное купечество, а потомъ въ ней приняли участіе и купцы, возвращавшіеся съ товаромъ изъ нижегородской ярмарки. Это обстоятельство вызвало движеніе сюда хионинскихъ и бухарскихъ товаровъ. Цѣнѣтшаго состоянія достигла ярмарка въ шестидесятыхъ годахъ.

цамъ выгоднѣе теперь купить для себя товаръ въ Нижнемъ и въ Москвѣ, чѣмъ въ Крестахъ, но самую главную причину паденія этой ярмарки нужно искать въ томъ, что сѣверная часть киргизскихъ степей обѣдила, вслѣдствіе упадка скотоводства, а сырье изъ Семипалатинской и другихъ областей глубокой Азіи стало удобнѣе доставлять водой до Тюмени, чѣмъ завозить его гужомъ въ крестовскую ярмарку. Это послѣднее обстоятельство вызвало сооруженіе въ Тюмени городского табара (склада) для кожъ, доставляемыхъ изъ киргизской степи*). Такое полезное предпріятіе ожидаетъ великую будущность, при томъ условіи, разумѣется, если во главѣ управления будетъ стоять лицо, подобно мнѣ, тонко понимающее подвохи тройственного союза. Изъ этого табара городъ можетъ извлечь и много и ничего, смотря по тому, въ чьи „лапы“ онъ попадетъ.

Понимаете ли вы, милостивые государи, теперь послѣ всего изложеннаго, что обѣ ярмарки должны вскорѣ сдѣлаться достояніемъ исторіи? Зачѣмъ же, спрашивается, нужно было вамъ подсыпать ко мнѣ Сашеньку съ такими „подвохами“? Оставьте въ покой ирбитскую и крестовскую ярмарки, да и подумайте: нельзя ли будетъ извлечь пользу изъ ихъ паденія и даже ускорить оное? — „Можно и даже должно, но только осторожно!“ Вы меня, старого воробья, на мякинѣ не проведете. Знаю я, зачѣмъ вы ко мнѣ Сашеньку подослали. Хочется ему для васъ гостиный дворъ „состривать“, чтобы потомъ полстолѣтія доходами съ него пользоваться. Нечего сказать: изъ молодыхъ, да ранній (иѣтушкомъ кричить)! Осторожнѣе, господа, не торопитесь съ гостинымъ дворомъ. Ярмарки создаются не „по щучьему велѣнію“, а вслѣдствіе весьма сложныхъ экономическихъ расчетовъ, которые теперь, при быстромъ теченіи государственной жизни, менятся чрезвычайно скоро. Вы, говорятъ, посольство къ московскимъ

*.) Въ продолженіе тюменской ярмарки 1893 г. съ 20 июня по 20 июля въ таборѣ хранилось 835.000 кожъ и оборотъ его составлялъ 1,291,480 рублей; оборотъ же ярмарки по всемъ остальнымъ статьямъ торговли не достигъ даже полу миллиона рублей. Привезено товаровъ на 487 тысячъ рублей и продана только половина.

купцамъ снаряжали? Скажите на милость, какая вамъ нужда за ними ухаживать? Явится потребность въ тюменской ярмаркѣ, гостиный дворъ они вамъ даромъ выстроить. Для посольства по такому важному дѣлу нужно было людей подходящихъ подобрать. Нельзя же посыпать человѣка, который всю жизнь перепиской канцелярскихъ бумагъ занимался и въ торговомъ дѣлѣ азовъ не знаетъ. Наша *jeunesse dorée*, только оставившая школьную скамью, для этого дѣла тоже не годится. Посольство къ московскимъ купцамъ, по моему мнѣнію, нужно было составить изъ такихъ же аршинниковъ, какъ они сами. Вотъ вашъ покорный слуга годенъ бы быть для этого дѣла, а меня-то вы и обошли. Во всемъ виноватъ, разумѣется, сльной случай и шаловливый жребій; я, кажется, уже указывалъ па это обстоятельство. И что же получилось изъ вашего посольства? Московское купечество отказалось даже въ томъ, что было обѣщано*). Оставьте, господа, ихъ въ покой: нужда будетъ, сами они къ намъ явятся. Въ случаѣ непреодолимаго желанія украсить городъ гостинымъ дворомъ, устройте-ка лучше акціонерную компанію,—дѣло это самое безобидное. Составленіе плановъ на постройку, пожалуйста, не поручайте ни подрядчикамъ (у насъ занимается этимъ дѣломъ крестьянинъ Тарасовъ), ни техникамъ, ни инженерамъ. Гроша мѣднаго не стоять они въ этомъ дѣлѣ. Посмотрите, какими скворешницами, вмѣсто деревянныхъ домовъ, украшаетъ городъ доморошеный мужикъ-архитекторъ. И этотъ стиль считаетъ онъ самыи изящнымъ, отвѣчающимъ вкусу публики. Поручите постройку инженеру путей сообщенія и онъ навѣрное соорудить вамъ весь корпус гостиного двора въ видѣ спальныхъ вагоновъ, въ два свѣта съ полатями, на подобіе бараковъ для переселенцевъ, устроенныхъ на изживеніе желѣзно-дорожнаго вѣдомства**). Не

*) Рассказываютъ, что московские купцы обѣщали городу 1 р. 50 коп. за квадратную сажень земли; предлагали построить лавки на свой счетъ, съ правомъ пользованія ими въ теченіе 40 лѣтъ. Когда явилось тюменское посольство, условія измѣнились: поземельную плату уменьшили до 1 р., а право пользованія землею увеличили до 50 лѣтъ.

**) Бараки эти по своимъ удобствамъ для жизни представляютъ архитектурную достопримѣчательность Тюмени.

скупитесь пожалуйста—пригласите архитектора. Однако я уклоняюсь. Вовлечь меня въ предпріятіе относительно перевода ирбитской ярмарки въ Тюмень, повторяю, милостивые государи, вамъ не удастся. Богъ съ ней, съ ирбитской ярмаркой—пусть доживаетъ она свои золотые дни. Намъ, тюменскому купеческому сословію, она не мѣшаетъ и убытка не дѣлаетъ.

А знаете ли, господинъ редакторъ, кому ирбитская ярмарка поперекъ горла стала? Крапивное сѣмя—ваши чиновники на нее жалуются. «Провались она совсѣмъ,» говорятъ они, отлевавшись въ теченіе всего февраля мѣсяца. Разумѣется, сразу вы меня не поймете. «Какое отношеніе имѣть ирбитская ярмарка къ тюменскимъ чиновникамъ?!»—воскликните вы съ удивленіемъ. Впослѣдствіи, изъ моихъ мемуаровъ, узнаете, разумѣется, подробно эти отношенія, а теперь упомяну только взкользь, что въ февралѣ мѣсяцѣ тюменскія учрежденія (частныя и правительственные) подвергаются хоть и не строгимъ, но регулярнымъ и частымъ ревизіямъ. Многіе изъ благовоспитанныхъ отцовъ семейства, въ должностяхъ, дающихъ право на прогоны и подъемныя, обыкновенно, къ февралю мѣсяцу, стремятся въ Тюмень (для пользы службы разумѣется), ну, а по пути и въ Ирбить, для закупокъ хозяйственныхъ. Пріѣдетъ бывало ревизоръ, на чеъ озабоченность, въ движеніяхъ—поспѣшность; повидимому вникнуть въ служебное дѣло старается, а мысли тамъ, тамъ, «гдѣ шампанское пьють, да арфистки поютъ.» Въ этомъ господа, однако, не вижу я ничего удивительного, и чиновнику хочется денекъ—другой холостякомъ пожить; темнія зимнія ночи и для него имѣютъ свое обаяніе. Что-же дѣлать? «Миръ въ суетахъ, а человѣкъ во грѣхахъ»—говорить русская пословица.

VIII.

12-го ноября (Именины).

Давно извѣстно, что толковать о серьезныхъ материахъ ст

фендирами*)—все равно, что въ ступѣ воду толочь. Однако грѣхъ попуталъ—заговорился я о глупой ирбитской ярмаркѣ и отклонился отъ изложения моего проекта. Итакъ продолжаю свои письма предложеніемъ вамъ, мм. гг., слѣдующаго вопроса: что будете вы дѣлать, если благодѣтельная фея Опуленція вручить вамъ большой сундукъ, наполненный мелкой монетой разнаго достоинства? Глупый поставить такой кладъ себѣ подъ кровать и будетъ расточать его какъ попало и безъ толку. Умный денежки сосчитаетъ, разложитъ по пачкамъ, сообразитъ, что можно въ оборотъ пустить, что для расходовъ оставить; и устроится такъ со своимъ капитальцемъ, что сдѣлаетъ его неистощимымъ, да еще процентами воспользуется.

Городъ—имя собирательное. Это также большой сундукъ, наполненный единицами разнаго достоинства и измѣренія. Поэтому, если достанется такой капиталъ въ мое управление, нужно его привести въ извѣстность, чтобы знать, что можно эксплуатировать, что нельзя, изъ чего нужно извлекать выгоды, до чего и дотрогиваться даже не слѣдуетъ. Не такъ-ли? Чѣмъ, напримѣръ, руководствуетесь вы при обложеніи сборомъ за пользованіе водой изъ городского водопровода? Тутъ рабочій человѣкъ-домохозяинъ, съ одной лошадкой, которая его поить и кормить, платить почти такой же налогъ, какъ и тотъ «толстосумъ», который, для роскоши и личнаго удовольствія, держитъ на конюшнѣ десятокъ рысаковъ. Какой критерій у оцѣночной комиссіи для опредѣленія доходности и цѣнности любого зданія? Наглядка и ничего болѣе. Извѣстенъ ли городскому управлению вопросъ о сословномъ распределеніи недвижимыхъ имуществъ, вопросъ квартирный, сгущенность населенія, пользованіе свѣтомъ, тепломъ, услугами домашнихъ животныхъ и проч. и проч.? Потребуется, напримѣръ, экономическая справка, сколько городъ ежегодно истребляетъ дровъ, мяса, воды изъ водопровода; сколько у него лошадей, рогатаго скота. Откуда, спрашивается, добыть эти свѣ-

*) Fändrich въ XVII ст. и Fänfrich въ настоящемъ времени означаетъ маленький весенний чинъ, соответствующій полнорутику.

дѣнія? Городъ не знаетъ точно даже того, сколько у него домовъ и жителей. Я уже не говорю о такихъ недоступныхъ вопросахъ, каковы: опредѣлениe отношенія трудящагося населенія къ дармоѣдамъ, отношеніе временнаго населенія къ постоянному, отношеніе материальныхъ производителей къ нематериальнымъ, прислуги къ хозяевамъ проч. проч. Въ настоящее время явилась беззотлагательная надобность въ решениѣ капитальнѣйшаго вопроса: сколько въ Тюмени кустарей, какой ихъ оборотъ и чѣмъ оградить ихъ отъ купеческаго кулачества? Правительство готово помочь бѣдному люду (не знаю известно ли даже думѣть это обстоятельство), но можетъ ли городъ дать нужный для этого свѣдѣнія?

Только заручившись обстоятельными статистическими данными, городской голова можетъ разобраться въ большомъ сундуке, которымъ наградила его добродѣтельнаа фея; въ противномъ случаѣ будетъ ходить онъ около своего дѣла съ завязанными глазами. Словомъ, прежде чѣмъ управлять городомъ, ознакомлюсь я съ нимъ, какъ съ живымъ организмомъ, опредѣлю его физической и нравственный обликъ, узнаю, чѣмъ онъ питается, дышетъ и какъ добываетъ въ потѣ лица насущный хлѣбъ свой.

Прочитавъ эти строки, любой дореформенный голова почесалъ бы только у себя въ затылкѣ, ну, а голова послѣреформенный долженъ все сказанное на усъ себѣ намотать. Не вѣрите мнѣ, милостивые государи, такъ откройте самоновѣйшии статьи нашихъ экономическихъ журналовъ и тамъ наѣрное найдете вы на первыхъ страницахъ монологи, въ родѣ слѣдующихъ: „Въ нашъ вѣкъ быстрыхъ успѣховъ цивилизациіи, общественные отношенія такъ осложнились, явилось такъ много средствъ и потребностей, что ни государства, ни отдельныя общества (разумѣется городскія) не могутъ обходиться безъ истины и теоріи, добытыхъ статистической наукой и оправданныхъ опытомъ... „Убѣждаетесь ли теперь, по крайней мѣрѣ, въ правдивости моихъ воззрѣній? Можетъ быть, думаете вы, что для такого знакомства съ городомъ, какое необходимо для разумнаго имъ управления, времени много потребуется. Это въ васъ, господа, рутиннаа сказывается. Знаю я, что со словомъ «знакомство съ городомъ» соединяется

у васъ представлениe объ именинныхъ пирогахъ, о крестинахъ, о кумовствѣ, о закусочкахъ, вистикахъ и проч. и проч. Разумѣется, такая система ознакомленія съ интересами города потребуетъ и времени много, да кромѣ того и желудокъ для этого городской голова долженъ имѣть, какъ говорится, «вылуженый».

Для меня достаточно одного дня, чтобы разобраться въ вашихъ городскихъ дѣлахъ, только бы Богъ велѣлъ къ дѣлу приступить. По слухамъ, должно быть извѣстно вамъ, что на сей предметъ существуютъ однодневныя переписи населенія со всѣмъ недвижимымъ имуществомъ. Лѣтъ восемь назадъ, вопросъ о такой переписи стоялъ на очереди, но такъ и остался на степени *ria desideria*, т. е. смиренного желанія.—«Почему же?» спросите вы.—А потому, господа, что управлялъ тогда городомъ голова, по способностямъ склада дoreформенного; человѣкъ, которому сущность городскихъ интересовъ плохо поддавалась, а нравилась только шинель съ форменнымъ краганомъ и кафтанъ съ позументами. Мнилось ему, что онъ и безъ переписи всю «городскую подноготную» на память знаетъ. По ограниченности, вѣроятно, способностей своихъ, предпріятіе переписи города считалъ онъ «праздной затѣей чиновныхъ людей», и потому, въ качествѣ городского головы, на подготовительныхъ работахъ не принялъ никакого участія (протоколы все сіе свидѣтельствуютъ). Однако и безъ него дѣло однодневной переписи было направлено, но, какъ на грѣхъ, главный инициаторъ его скоропостижно въ Туинскѣ скончался. Такъ предпріятіе это и кануло въ вѣчность. Да, господа, будь у насъ произведена перепись десять лѣтъ назадъ, до проведенія уральско-сибирской дороги до Тюмени, какъ бы мы прозрѣли теперь, произведя ее во второй разъ? Тогда мы, какъ въ своемъ собственномъ кошелькѣ, могли бы знать, что дала городу желѣзная дорога и насколько она увеличила его экономическія силы. Короче сказать, знали бы, изъ чего можно выгоды извлекать, а до чего и дотрогиваться не слѣдуетъ. А теперь, что мы? Съвязанными глазами, какъ уже сказано, кругомъ дѣла ходимъ, ощупью въ богатствѣ разбираемся, а у насъ его изъ подъ рукъ тащатъ. Обидно, не правда-ли?—«Наши немощи знаемъ мы, зна-

емъ, но мы слушать объ нихъ не хотимъ.» — Такъ, что-ли, вы мнѣ отвѣтите?

Когда я вступлю въ управлениѣ городомъ, то прежде все-го зайдусь однодневной переписью населенія. Не безызвѣстно вамъ, что съ будущаго года предполагается перепись по всей Имперіи, но поймите, господа, что она будетъ преслѣдоватъ задачи общегосударственныхъ и хозяйственно-общественныхъ интересовъ коснется только отчасти. Нужно воспользоваться правительственнымъ предпріятіемъ, примкнуть къ нему и по спопутности заняться собраніемъ нужныхъ намъ экономическихъ свѣдѣній. Вотъ тогда издадимъ мы „Памятную книжку города Тюмени”— не чета уже будетъ календарю, который составилъ Павелъ Сергеевичъ. По его статистикѣ (стр. 25) выходитъ, что изъ 36763 человѣкъ населенія обоего пола рождается 1,05%, а вымираетъ 1,21%*), — значитъ чрезъ 600 слишкомъ лѣтъ отъ города Тюмени одно кладбище останется. Не даромъ же управа на этотъ случай отмежевала большой погостъ и притомъ такъ далеко отъ городской черты. Несообразность отношенія между смертностью и рождаемостью увидите вы, милостивые государи, изъ статистическихъ данныхъ, если удостоите вниманіемъ указанное ниже сего примѣчаніе**).

Но если Провидѣнію угодно будетъ распорядиться съ нами,

*) Въ „Тюменскомъ адресъ-календарѣ“ рождаемость опредѣлена цифрой 386 чел. и смертность 447 по отношенію къ 36,763 челов. обоего пола, что и составить указанные нами проценты.

**) По новѣйшимъ сравнительно статистическимъ даннымъ, отношеніе между рождаемостью и смертностью въ разныхъ европейскихъ государствахъ выражается слѣдующимъ образомъ:

	Рождаемость:	Смертность:	Приростъ:
Россія.	4,7%	3,2%	1,5%
Англія.	3,3%	2,1%	1,2%
Германія	3,6%	2,7%	0,9%
Австрія ,	4,1%	3,3%	0,8%
Італія	3,7%	3,0%	0,7%
Франція	2,6%	2,4%	0,2%

на основаніи календаря Павла Сергеевича, то все же я за это время успѣю поглавенствовать и осчастливить городъ своими мѣропріятіями и реформами. „Памятную книжку Тюмени“ сдѣлаю я интереснѣйшей и необходимѣйшей для каждого благомыслящаго и образованного общественнаго дѣятеля. Перечня именинниковъ въ ней у меня не будетъ, ибо думаю я пристропить къ городскимъ часамъ на думѣ такой механизмъ, посредствомъ котораго на каждый день будетъ у меня выскакивать особая дощечка, съ фамиліей тезоименитаго, а оповѣщать объ этомъ буду я выстрѣломъ изъ малой пушечки, соразмѣряя зарядъ съ общественнымъ положеніемъ именинника; въ день же своего ангела палю — троекратно, дабы известно было, что городской голова празднуетъ. Насчетъ механики я, какъ говорится, собаку стѣль. Мнѣ принадлежать, между прочимъ, изобрѣтеніе волшебныхъ стрѣлокъ на карманныхъ часахъ, которыя заразъ показываютъ время во всѣхъ главныхъ городахъ Российской Имперіи. Когда я показалъ нашему знаменитому механику Трусову свой секретъ, такъ тотъ только руками развелъ, сказалъ при этомъ, что ему больше на землѣ дѣлать нечего, и на другой день Богу душу отдалъ.

„Памятная книжка“ моя сразу откроетъ вамъ, господа гласные, всѣ промахи и прегрѣшенія въ городскихъ бюджетахъ. Недвижимыя имущества города, ихъ доходность и ежегодное приращеніе ея будутъ известны всякому, какъ собственные пальцы. Я уже говорилъ, что обложеніе налогомъ недвижимыхъ имуществъ вполнѣ зависитъ отъ добросердечія комиссіи и, судя по нѣкоторымъ примѣрамъ, оцѣночный сборъ не имѣть прочныхъ основаній. Что здѣсь принимается въ соображеніе — стоимость ли сооруженій (дома, лавки, амбары), или ихъ доходность? На этотъ простой вопросъ не даль мнѣ положительного отвѣта ни одинъ членъ комиссіи. И выходили вслѣдствіе этого курьезы весьма любопытные. Такъ въ 1875 году оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ города достигъ 6300 руб., въ слѣдующемъ году паль до 3948 руб.; а черезъ девять лѣтъ, при малыхъ колебаніяхъ, едва достигъ 5912 руб. Можно подумать, что за это время постигло городъ какое-нибудь несчастіе, однако, по молитвамъ

нашимъ (совокупно съ благочестивой молодой вдовушкой), ни пожаровъ, ни труса, ни потопа у нась не было. Напротивъ, городъ Тюмень, благодаря желѣзной дорогѣ, расцвѣлъ, расширился, а самоучка-архитекторъ Тарасовъ украсилъ его многочисленными палаццо.

Мало-ли курьезовъ можно найти въ вашихъ смѣтахъ? Цифры у меня подъ руками*), но не перечисляю ихъ потому собственно, что числа мои не имѣютъ обличительного характера. Хочу я ими, милостивые государи, рекламировать свою особу, какъ человѣка съ тонкимъ умомъ, съ самыми высокими «понятіями» и больше ничего. Боюсь при этомъ утомлять ваше внимание цифрами и потому еще, что бесѣды мои могутъ потерять характеръ легкаго чтенія и обратиться въ статью ученаго содержанія.

Подготавляясь къ многотрудной общественной дѣятельности изученіемъ бюджетовъ двѣнадцати большихъ городовъ, спрашивала я однажды городского дѣльца: отчего-де въ Томскѣ за мочку кожи и шерсти городъ выручаетъ 2233 рубля (1882 г.), а у нась въ томъ же году налогъ на эту статью не превышалъ 228 рублей**)?—Да потому, отвѣчалъ онъ мнѣ, что въ Томскѣ кожи обложены налогомъ, а не проруби, а въ Тюмени—проруби, а не кожи.—То есть какъ же это?... началъ было я, по собесѣднику маинулъ рукою и перемѣнилъ разговоръ на другія темы.. Подобные вопросы уяснить намъ статистика.

Когда произведу я перепись населенія и познакомлюсь со всѣми отправленіями городского организма, примусь тогда за его оздоровленіе. Что нужно человѣку прежде всего? Хорошій воздухъ, здоровую воду и какъ можно меньше грязи. Думаю я, милостивые государи, убить трехъ зайцевъ однимъ ударомъ. Вырою я въ городѣ артезіанскіе колодцы: они мнѣ и воду дадутъ, и

*) Сборъ съ лавокъ гостинаго двора въ 1873 году былъ 4920 руб., въ 1883 году 5198 руб. и если вѣрить цифре, которую мы сообщили ими, то въ 1893 году сборъ съ гостинаго двора упалъ на 2958 руб. Лавки на хлѣбной площади въ 1880 году приносили дохода 2138 руб.; въ 1883 году—2560 руб., а чрезъ десять лѣтъ, въ 1893 году—2314 р. 96 коп.

**) Въ Томскѣ въ это время было 10 кожевенныхъ заводовъ, а въ Тюмени 25.

грязь уберуть, и воздухъ вычистятъ. Мысль мою вы предвосхитить хотѣли, да не удалось это вамъ, ибо вышло маленькое недоразумѣніе. Геологическій буръ съ клистирной трубкой перепутали. Къ вамъ командированъ былъ ученый мужъ разстройства желудковъ разрѣшать, а вы его землю бурить заставили. Въ помощники къ нему московскаго штегеря*) выписали, а тотъ (нѣмчера вѣроятно), забравшись въ страну бѣлыхъ медвѣдей, возьми да и вообрази себя заправскимъ геологомъ. Увѣрилъ онъ васъ въ томъ, что артезіанскую воду гдѣ угодно добыть можно, а вы и поддались нѣмцу на эту удочку. Болтать онъ могъ, что угодно, но какъ могъ повѣрить болтовиѣ ученый мужъ,—это для меня непостижимая тайна. Впрочемъ нѣмецъ на все гораздъ. Въ городѣ Омскѣ, въ шестидесятыхъ годахъ, купецъ Кузнецовъ, обрадовавшись опытомъ разведенія рѣчныхъ раковъ, пошелъ далѣе, а именно вздумалъ въ мѣстной рѣкѣ устрицъ акклиматизировать. И что же? Нашелся и тутъ нѣмецъ, который взялся за это дѣло и, разумѣется, не достигъ цѣли потому только, что нѣжные слизняки не могли перенести тяжелой ссылки въ холодную Азію. Такъ по крайней мѣрѣ объяснялъ мнѣ неудачу почтенный коммерсантъ; онъ наивно думалъ, что если въ Иртышѣ водится двухстворчатка (*Anadonta*), то отчего бы и устрицѣ не жить? Устрицѣ ни въ Турѣ, не въ Иртышѣ разводить я не возьмусь, ибо считаю подобный опытъ за признакъ близкаго помѣшательства; ну, а артезіанскіе колодцы—вырою.

Въ слѣдующемъ письмѣ изложу вамъ, милостивые государи, какимъ образомъ съ помощью колодцевъ этихъ устрою я въ Тюмени благораствореніе воздуховъ и изобиліе водъ земныхъ. Въ добавокъ къ этому избавимся мы и отъ грязи, въ которой сидимъ по уши вотъ уже третье столѣtie. *Labor improbus omnia vincit***! Вотъ мой девизъ, который скажу я вамъ въ заключеніе.

*) Штегеря московскихъ фирмъ по устройству артезіанскихъ колодцевъ по большей части слесаря и такъ называемые «ученые мастера» иныхъ школъ, а не геологи.

**) Трудолюбивому самъ Богъ помогаетъ.

I X.

23-го ноября.

На весь свѣтъ угодить нельзя! Такъ учили мудрецы и философы глубокой древности. Письма мои въ нѣкоторыхъ особахъ вызвали неудовольствіе, а въ другихъ, наоборотъ, живѣйшее сочувствіе. И все это съ очевидностью обнаружилось въ день моихъ именинъ. Въ нынѣшнемъ году представитель города не только самъ не пожаловалъ ко мнѣ пирога откушать, но и секретарю строго воспретилъ таковое чествованіе. Оба обошли меня, а ужъ «на что лучше»—пріятелями считались. Да, господа, тѣ времена прошли! Temp i passati!—сказалъ во дворцѣ Дожей императоръ Іосифъ II предъ портретомъ Фридриха I, лежащаго у ногъ папы.

Но за то вотъ сюрпризъ, неожиданно пріятный и много обѣщающій: получилъ я «ворохъ» поздравленій отъ педагогического персонала женскихъ гимназій и прогимназій, съ приложеніемъ фотографическихъ карточекъ. О, женщины! Знаю, что самый ненавистный врагъ вашъ тотъ, кто вѣсъ отгадываетъ,—сказалъ Дицеро; сердитесь, не сердитесь на меня, а умыселъ вашъ я постигаю, ибо хитрость «блѣмыми нитками штопана». Ваша любезность—отвѣтъ на мое пятое письмо: хочется вамъ въ управскую канцелярію поступить. Что-же, добро пожаловать!

Изъ начальницъ прогимназій только три удостоили своими поздравлѣніями, да и тѣ осипали меня градомъ всякихъ упрековъ. Одна недовольна тѣмъ, что на должность секретаря ищу я женщину стройную и рослую; другая бранить меня за то, что будто бы мнѣ однѣ «противныя» смугліанки нравятся; а третья—рветъ и мечеть цвѣтами краснорѣчія стъ очевиднымъ намѣреніемъ мнѣ импонировать. Ни одна изъ нихъ не поняла, однако, что не о себѣ я хлопочу, а обѣ ихъ же счастіи и благополучіи заботчусь.

Весь этотъ матеріалъ на-дняхъ отправлю въ городскую управу, для пріобщенія къ дѣлу: обѣ именинномъ пирогѣ и проис-

шедшихъ отъ того послѣдствіяхъ*).

Вмѣстѣ съ сочувствіемъ, письма мои пробудили жизнь въ тѣхъ обиженныхъ судбою молоденькихъ дѣвушкахъ, которыхъ, ради материальнаго обеспеченія, вступили на тяжелое педагогическое поприще безъ призванія, безъ охоты и безъ всякой къ тому подготовки. Не подай я своими письмами надежды на лучшее будущее, прозябали бы они надъ глупыми учебниками, тетрадями и ариѳметическими задачами, а умныя книжки такъ и лежали бы въ шкафахъ за тремя замками съ печатями. Теперь печати сломаны, замки отворены, и либеральная журналистка шестидесятыхъ годовъ на сцену вышолзла. Говорить, что во многихъ городахъ литературные вечера предполагается устроить: все лучше, чѣмъ за картами вечера проводить, да иностранными романами баловаться. Вотъ что значитъ крылатая надежда! О педагогіи, впрочемъ, рѣчь внереди, теперь такъ къ слову пришлось; на очереди этотъ вопросъ будетъ тогда, когда я, въ качествѣ городскаго головы, займусь начальными школами, а у насъ это дѣло куда какъ худо поставлено.

Преслѣдуя цѣль моихъ писемъ и исполняя обѣщаніе, нужно мнѣ прежде всего оздоровленіемъ города заняться; а для этого проектирую я устройство артезіанскихъ колодцевъ въ разныхъ частяхъ нашего города. Какъ хочется мнѣ ознакомить васъ съ моимъ предпріятіемъ, но безъ предварительныхъ знаній геологіи понять вы меня не можете. Лѣтъ пять тому назадъ, читались публичныя лекціи по этому предмету; жаль, чортъ-побери, что спали вы въ это время непробуднымъ сномъ, укутавшись «въ обломовщину». Теперь, вотъ, трудновато передать въ одномъ письмѣ, что говорилось тогда о подземныхъ источникахъ, однако попробую,—вооружитесь только вниманіемъ.

Старушка мать-сыра-земля похожа на сморщенное моченое

*) Въ думскомъ архивѣ, известно мнѣ, хранится еще два любопытныхъ дѣла: 1) о хожденіи мертвыхъ тѣлъ по Зарѣчью и обѣ отпускѣ на нихъ члену управы смѣсныхъ и подъемныхъ денегъ и 2) о вырубленіи деревъ въ загородномъ саду и остыдѣ, произшедшемъ отъ того городскому головѣ съ товарищемъ.

яблоко*), что привозить къ намъ изъ ирбитской ярмарки. Увеличьте въ своемъ воображеніи поперечникъ его до 1200 верстъ, и тогда морщинистая кожица обратится въ обширныя равнины, долины, котловины и горыя страны. Все приметъ такие колоссальные размѣры, которые даже глазъ обнять не въ состояніи; и получимъ мы тогда грубое представлениe о земномъ шарѣ. Кожица яблока представится необычайно мощной слоистой корой, относительно толщины которой иѣть согласія даже между учеными: одни считаютъ ее въ 70, другіе въ 100, третьи въ 300 верстъ, а есть и такие ученые (Гопкинсъ, Томсонъ), которые утверждаютъ, что земной шаръ сплошное твердое тѣло. Слои горныхъ породъ въ этой корѣ, изогнутые и изломанные во всевозможныхъ направленіяхъ, и заключаютъ въ себѣ иногда скопленіе водъ, которые даютъ начало прѣснымъ и минеральнымъ источникамъ. Подземные воды, слѣдя направленію паденія и склоненія пластовъ, имѣютъ подъ землей свои теченія и притомъ не въ одномъ только нисходящемъ направленіи (сверху внизъ), какъ рѣки, но и въ восходящемъ, когда среди замкнутыхъ пластовъ земли, вода подъ напоромъ ниже лежащихъ частицъ поднимается къ верху.

Представимъ теперь на поверхности земли вдавленную котловину въ нѣсколько сотъ верстъ въ діаметрѣ. Пусть въ этой ямѣ пласти, удерживая вогнутость, лежать параллельно между собою и одинъ какой-нибудь изъ нихъ будетъ насыщенъ водою. Что, спрашивается, произойдетъ въ томъ случаѣ, если на днѣ такой котловины появится трещина, до самаго водоноснаго слоя? Очевидно вода выбросится вверхъ и образуетъ восходящій источник**). Если вместо естественной трещины въ котловинѣ мы

*) Нѣкоторые астрономы, для нагляднаго представления относительной величины планетъ солнечной системы, сравниваютъ ихъ съ плодами такимъ образомъ: если Солнце представить шаромъ въ метръ ($1\frac{1}{2}$ арш.), въ діаметрѣ, то Меркурій будетъ равенъ конопленному зерну, Венера—вишнѣ, Земля—также вишнѣ, Марсъ—горошинѣ, Юпитеръ—анельсину, Сатурнъ—яблоку, Уранъ—абрикосу и Нептунъ—персику.

**) Возьмемъ два чайныхъ блузечка, чтобы они вкладывались одно въ

пробуравимъ отверстіе, то получимъ такъ называемый артезіанскій колодецъ*). Стало быть артезіанскимъ колодцемъ называется искусственный восходящій источникъ.

. Давъ, такимъ образомъ, поверхностное представлениe о сущности занимающаго нась вопроса, познакомлю васъ, милостивые государи, съ тѣмъ, что нужно предварительно знать, чтобы избрать мѣсто для буровой скважины, съ цѣлью получить артезіанскую воду**). Во-первыхъ нужно знать, какъ чередуются водопропускающіе и водонепроницаемые пласти, а во-вторыхъ точно определить, въ какую сторону и подъ какими углами падаютъ они въ данной мѣстности; наконецъ, если дѣло имѣемъ съ котловиной, то—гдѣ нужно искать ея центральную часть. Трудность подобныхъ изслѣдований въ томъ и заключается, что наклоненные пласти и котловины скрыты отъ нась подъ толщами песковъ и глинъ, которые сравняли всѣ видимыя неровности. Котловина, съ вогнутыми пластами земной коры, можетъ быть обнаружена въ мѣстностяхъ повидимому горизонтальныхъ, и, наоборотъ, напосыпные пласти на поверхности суши могутъ имѣть видъ котловины, а внутренніе, водосодержащіе, болѣе древніе—представлять горизонтальное расположение. При этомъ добавляю, что такие подлежащіе изслѣдованию бассейны, занимаютъ иногда пространства въ нѣсколько сотъ верстъ въ поперечнике. Диаметръ московского бассейна, напримѣръ, лежитъ между Валдаемъ и Калугой, и потому залеганіе пластовъ нужно принимать въ соображеніе по

другое и, сложивъ вмѣстѣ, нальемъ между ними слой воды до самыхъ краевъ. Если просверлимъ на днѣ лежащаго внутри блюдца отверстіе, вода изъ него ударить ключомъ, и это будетъ модель артезіанского колодца.

*) Названы артезіанскіе колодцы такъ потому, что впервые были устроены въ Европѣ въ 1126 году во французской провинціи Артуа. Въ Египтѣ и Китаѣ они извѣстны были съ незапамятныхъ временъ.

**) Для библіотеки въ городской управѣ по вопросу объ артезіанскихъ колодцахъ приобрѣту я слѣдующія сочиненія: Романовскій. О производствѣ работъ по буренію артезіанскихъ колодцевъ въ Крыму. С.-б. 1871; Гурьева. Первое артезіанское буреніе на подмѣловыя воды въ Харьковѣ въ 1887 году. Квитки. Случай истечения жидкостей; кроме того обширные труды Щуровскаго, Струве, Бартенсона, Сабанѣева, Абиха и ироч.

всей означенной площади. Не зная указанныхъ условій, рыть артезіанскіе колодцы можно съ такимъ же вѣроятіемъ, какъ искать золото въ глинахъ, гдѣ не обнаружено розсыпей*).

Чтобы убѣдить васъ, сколько трудовъ требуютъ подобная геологическая изысканія, приведу слѣдующій примѣръ. Прежде чѣмъ приступить къ буренію артезіанского колодца въ Москвѣ, профессоръ Романовскій пятнадцать лѣтъ работалъ только надъ тѣмъ, чтобы составить идею о строеніи горныхъ пластовъ московской котловины, которые были скрыты подъ болѣе новыми образованіями песковъ и глины на глубинѣ 200 саженъ (точнѣе 1512 ф.). Изъ сопоставленія многихъ естественныхъ обнаженій (обваловъ) по берегамъ рѣкъ и овраговъ, а также на основаніи теоретическихъ соображеній, идею эту выразилъ онъ геологическимъ разрѣзомъ (чертежомъ) пластовъ земли, залегающихъ отъ Валдая до Орловскихъ возвышенностей.

И какое торжество науки! При буреніи московского артезіанского колодца, скважина прошла тѣ самыя породы, которые были указаны теоретически, что особенно замѣчательно, почти на той же самой глубинѣ**), на которой предполагалось ихъ встрѣтить. Разумѣется, послѣ такихъ геологическихъ работъ, нѣмецкимъ промышленникамъ въ лицѣ Листовъ, Цистовъ и Пистовъ остается только съ русскихъ людей денежки собирать.

Чувствую, что выхожу я изъ предѣловъ статьи для послѣ-обѣденного легкаго чтенія: наукой запахло, а смрадъ этотъ, какъ известно, публикѣ нашей не особенно нравится.—«Соловья басня-

*) Извѣстно мнѣ, что въ рѣчныхъ наносахъ окрестностей Тюмени были попытки открыть золото; также московскій нѣмецъ работалъ.

**) Такъ, каменный уголь предполагалось встрѣтить на глубинѣ 145 саженъ, а его нашли на 142—144 саж.: тоже повторилось съ юрскими и девонскими пластами. Буровая скважина московского артезіанского колодца достигла 216 саженъ, оставалось, для полнаго успѣха, пройти еще 35 саженъ, но бурь сломался. Предѣлы глубины артезіанскихъ колодцевъ въ различныхъ странахъ слѣдующие: въ Сенъ—Луни—3843 фута (549 саж.), въ Люксембургѣ 2394 (342 сажени); Луневильскій въ Кентукки 2086 фут. (298 саж.); Гренелльскій въ Парижѣ 548 метровъ (тоже 274 саж.); въ Петербургѣ на дворѣ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ 658 фут. (94 сажени).

ми не кормятъ, дѣло подавай, обѣщаешь колодецъ артезіанскій вырыть, ну и выкладывай: гдѣ, какъ и почему?»—скажете вы мнѣ, утомленные чтеніемъ.—Позвольте, господа, будьте терпѣливы на одну минуточку. Какъ и почему,—на это я могу вамъ сейчасъ отвѣтить, ну, а на счетъ того, гдѣ я буду рыть артезіанскій колодецъ, прошу повременить немножко: хочется мнѣ до поры до времени, обстоятельство это въ секретѣ удержать. Боюсь, чтобы нѣмецъ не предвосхитилъ мое открытие, да меня на «бобахъ» не оставилъ. Чужими руками жаръ загребать они мастера великие.

Идею строенія Иртышскаго бассейна*), на которомъ мы обитаемъ, можно выразить такимъ образомъ. Представьте котловину (гигантскую чашу) на тысячу верстъ въ поперечникѣ, сложенную изъ твердыхъ горныхъ породъ, каковы; олигоценовый известнякъ, мѣль, юра и проч. (по крайней мѣрѣ въ западной части). Краями своими этотъ гигантскій котелъ прилегаетъ съ одной стороны къ гранитнымъ склонамъ Уральскихъ горъ, съ другой образуетъ водораздѣлы Иртыша и Оби (подъ Васюганской тундрой), а на югѣ достигаетъ Кокчетавскихъ горъ, Акмолинской области. Сѣверный бокъ у этой чаши, по направленію къ океану, какъ бы вывалился и представляетъ открытое пространство для стока обширныхъ рѣкъ. Вся чаша или бассейнъ выполнена позднѣйшими рѣчными нанесами песковъ и глинъ, при чёмъ подъ олигоценовыми известняками (т. е. подъ скорлупой котла) залегаетъ масса водъ. Доказательствомъ этому служатъ многочисленные ключи въ деревнѣ Кури и въ окрестностяхъ дер. Обухово, Камышловскаго уѣзда, гдѣ известняки выходятъ наружу. Тюмень расположена близъ западнаго края бассейна**), по его скло-

*) Вопреки учебникамъ географіи, на основаніи многочисленныхъ соображеній, считаю я Иртышъ главной рѣкой, а Обь его притокомъ.

**) Обратимся къ модели артезіанскаго колодца, о которомъ мы уже говорили въ одномъ изъ примѣчаній ранѣе сего. Чтобы съ помощью этой модели воспроизвести въ маленькомъ видѣ бассейнъ Иртыша, замѣтимъ на ней строны горизонта, выполнимъ внутреннее блюдечко до половины нескромъ и глиной и отломимъ край съ сѣверной стороны. Если на западномъ краѣ на самомъ фарфорѣ, который будетъ замѣнить олигоценовый известнякъ, отмѣтимъ Камышловъ

иу, на глинистыхъ и песчаныхъ рѣчныхъ паносахъ, которые залегаютъ однако не менѣе какъ на 200 с. глубины.

Вслѣдствіе этого, чтобы получить артезіанску воду, нужно пробуравить толщи глинъ, песковъ и наконецъ олигоценовый известникъ, мощность котораго пока неизвѣстна. Какъ видите, предпріятіе мое требуетъ большого труда и въ одинъ годъ съ нимъ не управиться; но за то надѣюсь я получить такое обиліе воды, что даже Москва позавидуетъ.

Послѣ этого останется мнѣ, сограждане, только отъ грязи вѣстъ избавить, а тогда и воздухъ получить благораствореніе. Достигнуть сего обѣщаю и тѣми же буровыми скважинами.

Слыхали ли вы, господа, о такъ называемыхъ отрицательныхъ артезіанскихъ колодцахъ, которые французы удачно называютъ *puits absorbants* (всасывающій колодецъ) и которые служатъ для удаленія грязной воды. Въ окрестностяхъ Марселя еще сравнительно недавно была болотистая равнина, отличающаяся лихорадками, грунтъ которой не пропускалъ сквозь себя дождевыхъ водъ. Французы, пробуравивъ глину, достигли сначала такъ называемыхъ «плавуновъ»*), а потомъ трещиноватаго известняка, и вода ушла по буровой скважинѣ въ землю. Такимъ образомъ болотистую мѣстность обратили они въ сухую равнину со здоровымъ климатомъ. Что же, думаете вы, французовъ то я не сумѣю перещеголять? Плавуны, какъ извѣстно, лежать у насъ не глубже 10 сажень подъ глинами и мергельными гнѣздами (опока). въ нихъ-то я и спущу всѣ городскія грязныя воды**). Puits absorbants будуть у меня на каждой улицѣ и посредствомъ ихъ осушу я Лямино городище, а всѣ нечистоты продамъ Ильѣ

и деревню Куры, то на пескѣ, отступя на палецъ отъ краевъ блюдечка, будетъ Тюмень. Спрашивается, какіе слои нужно просверлить на блюдечкѣ близъ того мѣста, гдѣ мы намѣтили Тюмень, чтобы вода была фонтаномъ?

*.) Водянистые пески.

**) У меня на дворѣ есть такой колодецъ, въ который стекаетъ снѣговая вода съ площади 3600 квадр. сажень и никогда его всего не наполняетъ. Въ немъ вода держится только на одинъ аршинъ, но притокъ ея такъ великъ, что можетъ дать въ часъ сотни ведръ. Это и есть первый артезіанскій колодецъ въ Сибири.

Семеновичу, для удобренія полей на его фермѣ. Выгодище же будетъ ему купить у меня эту дрань, чѣмъ выписывать гуано съ Перувианскихъ кордильеровъ.

Убѣждается ли теперь, послѣ всего изложеннаго, спрошу васъ, милостивые государи, что умная голова «и во тьмѣ зрящетъ»? Если проницательнымъ окомъ своимъ можетъ она проникнуть въ иѣдра подземныя, то что значитъ для нея обнаружить самые плутовскіе гешефты ваши? Покончивъ съ идеей объ артезианскихъ колодцахъ, прошу васъ принять результаты моихъ многолѣтнихъ наблюдений, какъ *sacrificio dell' intelleto* (ожертвование разума) на благо общественное. Перехожу теперь къ тому, какъ я буду улучшать пути сообщенія внутри городской черты, а въ слѣдующемъ письмѣ познакомлю васъ съ парками, садами и бульварами, которыми думаю я украсить площади, для оздоровленія воздуха.

Тюменская каменная мостовая, къ сооруженію которой недавно приступили, едва не сдѣлалась, какъ вамъ известно, яблокомъ раздора между городскимъ обществомъ и корпорацией пароходовладѣльцевъ. Однимъ хотѣлось соединить съ вокзаломъ желѣзной дороги зданіе городской думы (т. е. вымостить главную улицу), а другимъ—пароходный пристани, и каждая партія имѣла свой *raison d'être*. Для «вертопраха», который не привыкъ проникать въ сущность тонкихъ причинъ, страннымъ можетъ показаться предположеніе вести мостовую отъ вокзала къ пристанямъ, предоставляя обывателямъ «барахтаться» въ непролазной грязи на главной улицѣ города. Тѣмъ болѣе страннымъ покажется это предположеніе, что вокзалъ и пристани соединены уже между собой вѣтвью желѣзной дороги. Агитаторы, бунтовщики, возмутители общественнаго мнѣнія кричать теперь на всѣхъ перекресткахъ противъ несообразнаго проекта, который не принимаетъ-де въ соображеніе, что въ центрѣ города движение во сто разъ болѣе, чѣмъ между вокзаломъ и пристанями. Такова обывательская точка зрѣнія, но не такъ думаютъ объ этомъ пароходовладѣльцы. Утверждаютъ они, что казна-де помогла городу денежной субсидіей для подъѣздныхъ путей, а не для удобствъ

общественныхъ, и дѣлецъ Сашенька совершенно согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. ~~Придерживаясь~~ «буквы» и навязывая казнѣ смыслъ, прямо противорѣчащей ея интересамъ, какъ увидимъ это ниже, пароходовладѣльцы совершенно правы. Въ результатѣ городская дума постановила одно, а корпорація пароходовладѣльцевъ — другое и положеніе городского головы сдѣлалось въ этомъ вопросѣ безвыходнымъ, или — «хуже губернаторскаго», говоря тѣмъ мѣткимъ стариннымъ выраженіемъ, начало котораго относится къ разсказу о страданіяхъ на сей должности приснопамятнаго Санчо-Пансо.

Чтобы угодить нашимъ и ихнимъ, думаютъ теперь прибѣгнуть къ такому хитроумному компромиссу: мостовая пойдетъ къ пристанямъ, не прямо, а околицей, сдѣлавъ петлю по заднимъ улицамъ города. Если это правда, то рѣшеніе трудной проблемы можно признать за образецъ остроумія. Пароходовладѣльцы будутъ ублаготворены, домогательство обывателей — не оставлено безъ вниманія, а проѣзжающему люду предоставляется возможность осматривать достопримѣчательности Тюмени въ самыхъ отдаленныхъ ея захолустьяхъ.

Будь я городскимъ головой, никто не заставилъ бы меня принять такое *duabus sedere sellis**). Поставилъ бы я въ городской думѣ вопросъ такимъ образомъ: что вамъ, господа граждане, милѣе, чтобы одна только главная улица или весь городъ былъ вымощенъ? Не трудно угадать, что отвѣтятъ мнѣ обыватели. А если такъ, то и толковать по-пусту нечего: нужно вести мостовую отъ вокзала къ пристанямъ, не виляя, не мудрствуя лукаво, а по прямой самой кратчайшей линіи, и сейчасъ же прокладывать по ней рельсы, для конно-желѣзной дороги (послѣ втрое дороже это обойдется). Понимаете? Пойметъ мою тонкую политику только одинъ Иванъ Андреевичъ и то потому, что инстинктъ подскажетъ ему, куда это дѣло клонится. Позволлю себѣ изложить обстоятельства: Если начну я мостить Царскую улицу, то на ней и придется покончить эту операцию, ибо денегъ у меня для благоустройства другихъ улицъ не хватить, а казна новую

*) Сидѣніе на двухъ стульяхъ.

субсидію не отпустить; соедини я вокзалъ съ пристанями конно-желѣзной дорогой,—благоустройство города надолго обезпечено; вымошу я камнемъ тогда весь городъ, съ широкими панелями по обѣ стороны каждой улицы.

Въ заключеніе, скажу я тогда на-ушко Ивану Андреевичу:

Другъ, нельзя-ли для прогулокъ,
Подальше выбрать закоулокъ!

— «То есть, что сей сонъ означаетъ?» спросите вы меня.— А то, что перевозку пассажировъ, багажа и даже нѣкоторыхъ товаровъ городъ возметъ за себя, а Иванъ Андреевичъ со своимъ извозомъ на лошадкахъ можетъ подальше убираться.

Вотъ тогда-то докажемъ мы „путейцамъ“, что у насть, въ сибирскихъ захолустьяхъ, чѣмъ первобытнѣе способъ перемѣщенія грузовъ, тѣмъ онъ дешевле. Если въ настоящее время, рядомъ съ поѣздами желѣзной дороги, Иванъ Андреевичъ на своихъ лошадкахъ по глубокой грязи находитъ выгоднымъ почти за полцѣны, противъ установленныхъ тарифовъ, перевозить кла-ди съ вокзала желѣзной дороги на пристань и обратно*), то что же, спрашивается, будемъ зарабатывать мы, когда соорудимъ конно-желѣзный путь? Разочтите-ка хорошенъко, тогда и увидите, что бесѣдуетъ съ вами мало того, что человѣкъ «съ понятіями», по и проницательный. Итакъ, милые сограждане, будемъ дѣлать, что можемъ, а если не можемъ дѣлать, то ограничимся желаніемъ—*ut possumus quomodo ut volumus non licet!*

*) По вѣти желѣзной дороги тарифная плата съ 1000 пудовъ 19 руб.; а конторы, занимающіяся извозомъ, тотъ же грузъ 1000 пудовъ на лошадяхъ доставляютъ съ вокзала на пристань по 8—10 рублей.

X.

1-го декабря.

Читая мои письма вы, милостивые государи, вѣроятно, не разъ задавали себѣ вопросъ: откуда у кантониста-мучного торговца такая начитанность по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній и откуда такое, можно сказать, философское направление мысли? Какъ пріобрѣлъ я образованіе и «понятія»—извѣстно вамъ изъ первого моего письма, а гдѣ получилъ я искру самосозерцанія и любознательности—послушайте. На этотъ разъ—шутки въ сторону! Не безызвѣстно вамъ, что бабушки и прабабушки наши въ женскихъ институтахъ разныемъ «тонкимъ наукамъ» не обучались, но были образцовыми хозяйствами и отличались исключительной любовью къ садоводству и цвѣтоводству. Въ добroe старое время въ Тюмени былъ образцовый аптекарский садъ Александры Ивановны Даудель, который снабжалъ травами не только Сибирь, но и восточную часть Россіи. Чего только не было въ этомъ саду! Здѣсь-то, среди зелени, въ обществѣ цвѣтовъ, находилъ я въ дѣтскомъ возрастѣ неисчерпаемый источникъ самыхъ разнообразныхъ наслажденій.

Помню отецъ училъ меня въ порывахъ негодованія искать утѣшенія на небѣ и я исполнялъ это съ буквальною точностью. Послѣ всякой «взбучки», «вытряски» и «таски» убѣгалъ я въ садъ доброй Александры Ивановны, забивался въ чащу кустовъ и долго, долго «таращилъ глаза» на голубое безпредѣльное небо. И что-же вы думаете?—Отлично помогало! Взглянешь потомъ вокругъ себя, а цвѣточки такъ надъ тобой и надрываются со смѣху; забавныя такія рожицы! Добрая Александра Ивановна любила меня за то, что «пострѣленокъ» помогалъ ей сушить цѣлебныя травки, сбирать сѣмена, а пуще всего за то, что добывалъ для нее разные корешки, что растутъ не въ садахъ, а по глухимъ болотинамъ, куда только на легкихъ дѣтскихъ ногахъ и можно проникнуть.

Садъ Александры Ивановны на окраинѣ города былъ огороженъ крѣпкимъ заборомъ. Бесѣдокъ, гротовъ, хитроумныхъ затѣй и фонтановъ въ немъ не было, но и безъ этого было тамъ уютно, тѣнисто, все къ дѣлу и все въ порядкѣ. Слѣва отъ воротъ стоялъ небольшой домикъ, гдѣ жила хозяйка, а справа вдали хорошенькая, чистенькая оранжерейка съ грунтовымъ сараемъ. Стѣны небольшой комнаты при входѣ сплошь были покрыты живыми обоями роскошной *Passiflora* (кавалерійская звѣзда), а посрединѣ, на широкой тумбѣ, стоялъ большой самодѣльный акварій, въ которомъ копошились какіе-то глазастые, страшные такие, тритоны. Чудные цветы пассифлеры, разсыпанные яркобѣлыми, крупными звѣздами, въ густой зелени стѣнъ, придавали маленькой комнатѣ чарующую прелесть. Небольшая оранжерейка сплошь заставлена была орхидеями и красивыми цѣлебными травками теплаго климата. Центръ сада былъ разбитъ на квадратные участки, защищенные съ трехъ сторонъ синевато-~~зелеными~~ стройными кедрами и только съ юга открытые. Подъ такой надежной защитой отъ вѣтра и холода, Александра Ивановна дѣлала мелкія грядки и каждую изъ нихъ засѣвала какимъ-нибудь однимъ растеніемъ. Выхоленные, вполнѣ развившіеся цветочки напоминали мнѣ маленькихъ игрушечныхъ солдатиковъ. Каждая грядка казалась цветочной ротой, а впереди на длинномъ древѣ развѣвался этикетъ — точь въ точь, какъ полковое знамя. Воинъ тамъ акониты въ золотисто-желтыхъ шишакахъ, какъ пожарная команда, выстроились; за ними оноцордоны, въ мохнатыхъ шапкахъ съ красной верхушкой, качаются на своихъ стебелькахъ, точно казачья сотня съ барапты возвращается. Да-льѣ тянутся эскадроны ахилей, генціанъ, мятъ разныхъ сортовъ, адонисовъ, актей и красивыхъ цикламеновъ. Въ тѣни красовались алые алтеи и мальвы, а на солнце-припекѣ шарапился высокій рицинусъ, растопыривъ, какъ пьяный мужикъ, свои широкія лапы.

Центральный участокъ сада окружалъ небольшой паркъ изъ липъ, рябинъ и дРОКА; а дальше по окрайнамъ росли цѣлебные кустарники бузины, малины, жимолости и всякой всячины.

Все дышало свѣжестю и ароматомъ цвѣтовъ. Боже ты мой, что за «благораствореніе воздуховъ» чувствовалъ я въ садикѣ Александры Ивановны! Дѣтскую натуру поражала здѣсь сила жизни и таинственная тишина, въ которой она проявлялась. Все это чувствовалось инстинктивно, безсознательно. Жизнь какъ-то неслышно, незамѣтно обступала меня со всѣхъ сторонъ, и цѣлый фантастический міръ связывался въ дѣтскомъ представлениі съ этимъ таинственнымъ растительнымъ міромъ! А кругомъ шумъ и хлопоты: сотни насѣкомыхъ порхаютъ и вьются въ яркой цвѣточной зелени, все куда-то торопится, чего-то ищетъ. На этомъ пиру тысяча цвѣточныхъ головокъ блещутъ другъ передт другомъ изящными, яркими туалетами и своимъ благоуханіемъ, чтобы обратить на себя вниманіе крылатыхъ букашекъ—воздушныхъ танцоровъ.—«Прикоснись, поцѣлуй—не нужно мнѣ ничего отъ жизни*! Вотъ, вотъ-такъ, такъ—еще разъ!» и они увѣдаются, опадаютъ, но съ этой минуты въ глубинѣ цвѣтка является импульсъ для новой жизни! А какія хитрыя, какія коварныя—эти красавицы флоры, какія ловушки устраиваютъ онъ своимъ крылатымъ друзьямъ и не пересказать теперь; куда до нихъ нашимъ барышнямъ!

Вверху на деревьяхъ и по кустарникамъ свищутъ, щебечутъ, кричатъ попрыгунчики—мелкія пташки. Вонъ поднялись, вспорхнули высоко-высоко, играютъ, тѣшатся, вьются въ голубой синевѣ неба, вонъ снова спустились, свистятъ, скачутъ по вѣткамъ. Пиръ на весь міръ!.. Въ пору дѣтства уходилъ я въ эту живую струю жизни и забывался въ ней. Тысячи вопросовъ безсвязно одинъ за другимъ возбуждались, смѣялись, будили мысль, вводили и сливали ее съ мировымъ разумомъ!

Вотъ, мм. гг., та академія, та *alma-mater*, въ которой получиль я искру самосозерцанія и наблюдательности. Пойметъ-ли ваше сердце, какъ было мнѣ тяжело, какъ мнѣ было больно, когда чрезъ 20-ть лѣтъ увидѣль я, что садикъ мой почти вы-

*) У многихъ растеній мыль переносятъ съ одного цвѣтка на другой только насѣкомыхъ; ихъ приносовеніе даетъ жизнь въ цвѣточной завязи.

рубленъ и обращенъ въ поскотину, и потому собственно, что сдѣлался онъ городскою собственностью. Какое же, спрашивается, господа, могу я питать къ вамъ благорасположеніе? Кажется, помните вы (въ думѣ переписка есть), что просилъ я у васъ въ аренду мое родное разоренное гнѣздышко. Обѣщалъ вамъ чрезъ десять лѣтъ возвратить его благоустроеннымъ Kindergartenомъ и что-же вы мнѣ отвѣтили? — «Намъ-де самимъ нужно — вотъ ужо желѣзная дорога пройдетъ!» Все дѣло покойный Глазковъ испортилъ. «Идетъ чумазый! идетъ, и на вопросъ, что есть истина? твердо и неукоснительно отвѣтъ: распивочно и на выносъ*). Вотъ что было у васъ на умѣ! Скажите, какъ не бранить васъ за такое жестокосердіе!

Всякому культурному человѣку должно быть известно, что сады не только украшаютъ обитаемыя страны, не только даютъ тѣнь, прохладу, здоровый воздухъ, они возбуждаютъ въ насъ высшія стремленія духа и умиротворяютъ душевные порывы. Среди растительного міра, въ саду, въ паркѣ, въ лѣсу, каждое чистое свободное къ порыву чувство принимаетъ восторженность. Здѣсь человѣкъ на время забываетъ о многомъ: онъ чувствуетъ какой-то загадочный трепетъ, какую-то смѣсь восторга и удивленія. Неподвижно, таинственно стоять могучія деревья, красота растительной жизни проявляется въ ихъ ростѣ и въ томъ безмолвномъ процессѣ, который множитъ, увеличиваетъ элементы и доводитъ ихъ до колоссальныхъ размѣровъ. А цветы? Цветы сосредоточиваются на самомъ ничтожномъ пространствѣ столько живыхъ силъ и изящныхъ сочетаній, что всегда наполняютъ душу невыразимымъ блаженствомъ.

При всей своеобразности растительного міра, стоитъ только познакомиться съ нимъ, всмотрѣться въ него, и тогда увидимъ, что сходство его съ людскимъ до того поразительно, что безъ малѣйшей натяжки, такъ и напрашивается на сравненіе. Въ растеніяхъ, какъ и въ людяхъ, мы находимъ не только стремленіе къ общественной жизни, но и къ образованію замкнутыхъ круж-

*) Щедринъ. Монрено.

ковъ, съ тою только разницею, что людямъ, подобнымъ миѣ, такая замкнутость можетъ быть поставлена въ упрекъ, а растеніямъ — ни въ какомъ случаѣ. Здѣсь, какъ и въ человѣческомъ обществѣ, взаимное влеченіе могущественныхъ силъ выражается необыкновенно пріязнью; этому влеченію слѣдуютъ растенія, какъ и мы, безсознательно неся съ собой свои собственные законы. Смѣю увѣрить васъ, милые сограждане, что въ любомъ садикѣ найдете вы много занимательного въ проведеніе параллели между отдѣльными сословными кружками тюменцевъ и кружками растеній.

Послѣ всего сказанного, не трудно догадаться, почему во всѣ времена и почти у всѣхъ народовъ дерево служило символомъ поклоненія, а страсть къ разведенію садовъ была присуща человѣку съ ископныхъ вѣковъ. Сады Семирамиды висѣли на террасахъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ шла лѣстница со множествомъ ступеней; чтобы не протекала вода, террасы были покрыты слоемъ асфальто, поверхъ котораго накладывался слой земли и сажались невысокія деревья. На дворѣ ниже террасъ шли крытые аллеи или веранды, изъ вьющихся растеній. Масса воды и зелени давала прохладу даже въ такомъ необыкновенно сухомъ климатѣ, какъ Средняя Азія. Греки, особенно цвѣть Греціи аенияне, хотя и не придавали садоводству большого значенія, но все же любили разводить тѣнистые деревья, гдѣ были воздвигнуты храмы и статуи мужамъ, оказавшимъ услугу отечеству. Вниманіе ихъ было обращено на человѣка съ его страстями, а сады имѣли только промышленный характеръ; въ нихъ разводились персики, абрикосы, яблоки, виноградъ и т. п. Римская аристократія съ наступлениемъ жаровъ удалялась изъ „вѣчнаго города“ въ свои виллы на берегу моря, гдѣ и предавалась отдыху и веселью. Сады на этихъ виллахъ отличались роскошью и вкусомъ, но впослѣдствіи, съ распущенностью правовъ, изящный вкусъ извратился: появились причудливыя уклоненія отъ природы — деревья стали подрѣзыывать, стараясь придать имъ искусственный видъ колоннъ, пирамидъ, скалъ и даже животныхъ.

Съ паденiemъ древняго міра настали мрачные средніе вѣка,

длившися болѣе 1000 лѣтъ; это было время застоя и остановки всякаго движения. Можно-ли было что-либо ожидать отъ садоводства, когда человѣкъ потерялъ связь съ природой и считалъ ее чѣмъ-то враждебнымъ для себя? Бурно и повелительно разлился потокъ мусульманства; огнемъ и мечомъ проложилъ онъ себѣ дорогу въ Европу и Африку и заблестѣлъ здѣсь яркими лучами фантазіи. Въ контрастъ съ тяжелыми средневѣковыми замками бароновъ и рыцарей явились легкія стройныя мавританскія зданія съ множествомъ башенокъ. Прохладные темные залы со сводами, мозаичные полы, арабески, мраморныя колонны и балкончики, надъ моремъ цвѣтовъ, производили чарующее впечатлѣніе. Въ мавританскихъ домахъ было много тѣни, а въ садахъ обиліе свѣта, цвѣтушихъ пахучихъ кустарниковъ, розъ, олеандра, жасмина; вездѣ бесѣдки, гроты, подземелья... Все было полно вѣги, все дѣйствовало на виѣшнія чувства: передъ глазами растилались ковры пестрыхъ травъ, обоняніе услаждалъ запахъ множества цвѣтовъ, до слуха долеталъ отдаленный шумъ водопадовъ и каскадовъ, рядомъ съ журчаніемъ ручьевъ.

Средніе вѣка прошли, насталъ новый вѣкъ возрожденія; духъ человѣческій почувствовалъ свободу. Увлечение искусствомъ, характеризующее XV вѣкъ, отразилось на садоводствѣ и впослѣдствіи выразилось въ итальянскомъ, голландскомъ и французскомъ стилѣ. Въ итальянскихъ садахъ, среди множества деревьевъ, помимо нынѣ встречаются сюрпризы; то вдругъ забыть фонтанъ изъ дерева, то явится гротъ съ подземнымъ озеромъ, по которому можно прокатиться на лодкѣ, то мостикъ, на которомъ смыкающіяся струйки воды образуютъ прозрачную арку. Деревьямъ придаютъ здѣсь всевозможныя формы, какъ было это въ старое время. Голландскій стиль поражаетъ необыкновенной чистотой, опрятностью и вмѣстѣ однообразіемъ; повсюду подстриженныя живыя изгороди, гроты, унизанные пестрыми раковинами и камешками, какъ-бы игрушечные домики, сложенные изъ кирпича съ фарфоровыми изразцами. Въ каждомъ садѣ есть непремѣнно плодовое отдѣленіе изъ карликовыхъ деревьевъ, крытыя липовыя аллеи и множество луковичныхъ цвѣтовъ. Французскій стиль походитъ

на голландскій, но только садъ гораздо роскошнѣе и отличается большимъ вкусомъ*). Какъ и другіе роды искусства, садоводство къ началу XVII столѣтія стало переходить за предѣлы должно-го; оно приняло известное направление, преслѣдующее условную искусственную красоту и отступило отъ правды жизни. Въ Англіи, гдѣ впервые раздался голосъ Бэкона о необходимости обращенія къ природѣ, явился паркъ—олицетвореніе естественного стиля въ садоводствѣ. Главное условіе парка, чтобы поверхность земли была волниста и разнообразна; чтобы горки смѣнялись лощинами, рощицы—лугами; мѣстами группы деревьевъ должны быть разбросаны въ беспорядкѣ: озерки, рѣчки, небольшіе пруды служить здѣсь лучшимъ украшеніемъ.

Готовъ-бы, дорогіе сограждане, и дольше бесѣдовать съ вами о садоводствѣ, но боюсь, что даже настоящимъ коротенькимъ разсказомъ утомилъ ваше вниманіе. Когда я пишу, то всегда вижу предъ собою идеального читателя и стараюсь съ наибольшей выразительностью передать ему то, что волнуетъ мои чувства, а потому рѣчь моя сильно растягивается. Представляется мнѣ теперь, что вы давно заснули, газета свалилась на полъ и конецъ моего письма (самая сущность проекта) останется непрочитаннымъ. Но нѣтъ... вижу усиленную вашу борьбу съ дремотой... и потому продолжаю. Надѣюсь, им. гг., успѣль я доказать вамъ, что сады, кромѣ оздоровленія воздуха, облагораживаютъ человѣческую душу и имѣютъ общеобразовательное значеніе. Они составляютъ мою слабость, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что, будучи городскимъ головою, отдамъ я ихъ устройству всѣ свои досуги.

Тюменскій загородный Александровскій садъ обращу въ превосходный паркъ, которому позавидуютъ даже англичане. Онъ заслуживаетъ предпочтительного вниманія, какъ единственное свидѣтельство восторженного приема въ городѣ Тюмени Царя-

*) Начало этому стилю положено Людовикомъ XIV. Версальскій садъ былъ разбитъ по плану знаменитаго садовника Леонатра. Ученикъ Леонатра—Лебланъ устроилъ чудесный петергофскій садъ, который, по тѣнистымъ дубовымъ аллеямъ и роскошнымъ фонтанамъ, едва ли имѣетъ себѣ соперника.

Освободителя народовъ, первого изъ Державныхъ Особъ, удостоившихъ Сибирь своимъ посѣщеніемъ*). Садъ, подобного которому по живописному мѣстоположенію и по художественной планировкѣ нѣть во всей Западной Сибири, украшу я изящными мостиками чрезъ многочисленные овраги, бесѣдками и цветниками; устрою здѣсь тиръ, гимнастический городокъ, качели, дѣтскій театръ и проч. проч. Но самое главное, въ память посѣщенія Тюмени въ 1868 году Его Высочествомъ Владиміромъ Александровичемъ, перенесу сюда мраморную пирамиду, что поставлена на открытомъ полѣ вдали отъ города. На томъ мыскѣ, въ юго-западномъ углу нашего парка, гдѣ Высокій Гость предрекъ Тюмени блестательную будущность, предполагаю я устроить ажурную бесѣдку и отъ нея мраморную лѣстницу къ подъѣзднымъ путямъ желѣзной дороги, чтобы здѣсь, подъ высокими пихтами, отпраздновать въ будущемъ 1894 году пятидесятилетній юбилей развитія пароходства по рр. Западной Сибири**). Но, увы, для городскихъ дѣльцовъ нѣть ничего священнаго: потребовалась имъ земля для насыпей, и отъ исторического мыска осталось одно только воспоминаніе. О, вандалы, все разрушающіе, не щадящіе даже драгоценныхъ памятниковъ! Дѣяніемъ рукъ своихъ создаете вы укоризну отъ потомства вашего! Что сберегли вы, какъ память признательности вашихъ отцовъ къ осчастливившему ихъ Монарху? Опомнитесь, сохраните и поддержите хотя то, что осталось въ наличии***).

*) Въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Николаевичъ, бывъ Наслѣдникомъ Престола, въ 1837 году удостоилъ Тюмень двукратнымъ посѣщеніемъ 31 мая и 5 июня. По постановленію городской думы, въ первый изъ этихъ дней установлено было ежегодное чествование события народнымъ праздникомъ въ загородномъ саду, наименованномъ Александровскимъ. Этотъ превосходный паркъ разбитъ въ 1830 - 40 годахъ смотрителемъ уѣзднаго училища Поповымъ, при содѣйствіи учителей Кувшинского, Уткина и законоучителя Льва Словцова.

**) Первый пароходъ „Основа“, выстроенный въ Швеціи Адѣф. Фом. Паклевскимъ, началъ движение по р. Сибири въ 1844 году.

***) Царская шлюшка сиратана отъ публики, въ такъ называемомъ музеумѣ, который принялъ видъ ветхаго сараля; домъ Иконникова, гдѣ Его Высочество Императоръ Александръ Николаевичъ изволилъ двукратно останавливаться, такъ

Заботясь болѣе всего о возбужденіи высокихъ стремленій вашего духа, главное вниманіе мое будетъ направлено на сады и бульвары внутри самаго города. Бульваръ на Спасской улицѣ преобразую я въ дѣтскій садъ, съ гимнастическимъ городкомъ, съ приспособленіями для дѣтскихъ игръ и съ небольшимъ вокзаломъ, гдѣ въ одной половинѣ будуть продаваться молоко и бѣлый хлѣбъ, а въ другой—залъ для дѣтскихъ бесѣдъ. Словомъ, устрою здѣсь «дѣтское пастбище» и приглашу за хорошее вознагражденіе двухъ педагогичекъ, для руководства занятіями и играми.

Немедленного оздоровленія въ настоящее время требуетъ, прежде всего, Царская улица; лишь только вступаете на нее, какъ васъ со всѣхъ сторонъ охватываетъ какая-то смѣсь разнообразныхъ зловоній. Отвратительный запахъ происходитъ главнымъ образомъ отъ канавъ, прорытыхъ по обѣимъ сторонамъ улицы, на днѣ которыхъ толстый слой грязи, не имѣя стока, разлагается, отравляя воздухъ. Пройдите по этому проспекту часа въ четыре въ жаркій іюльскій день и вы получите тяжелое угнетающее впечатлѣніе. Пыль затянула горизонтъ сѣрымъ вуалемъ, въ деревянныхъ грязныхъ лавченкахъ противъ гостинаго двора торговки или предаются послѣ-обѣденной дремотѣ, или, вооружившись столовымъ ножомъ, на солнце-припекѣ охорашиваются куафюру своихъ подругъ; отъ рыбныхъ рядовъ разить гнилью; по Царской площади, собравшися около фонтана водовозы ведутъ оживленный громкій разговоръ, украшая рѣчъ такими нецензурными цитатами, что даже трава желтѣеть (отъ стыда вѣроятно). Площадь, на которой предполагается воздвигнуть гостинный дворъ, застроена грязными лавченками и унавожена разнымъ мусоромъ. Словомъ, куда ни повернись, все возбуждаетъ отвращеніе и бѣть по органамъ чувствъ. Въ это время тюменскій обыватель жарит-

размалеванъ доморощеннымъ художникомъ, что отъ прежней архитектуры и стѣнокъ не осталось. Деревянные солдаты, которыми былъ украшенъ садъ Иконникова къ приѣзу Высокаго Гостя, куда-то исчезли вмѣстѣ со множествомъ гравюръ, относящихся къ 31 мая 1837 года.

ся на солицѣ, какъ «шашлыкъ»*) на вертелѣ: ни тѣни, ни прохлады. А рѣчная вода представляетъ бурый *infusum* (настой) кожи, мыла, щелоку и всякой всячины. Согласитесь, ми. гг., возможно-ли терпѣть такія гигієническія условія?

Деревянныя лавченки противъ гостинаго двора нужно сломать, рыбный базаръ перевести на городище, противъ завода Котельникова; туда же нужно убрать толкучій рынокъ, торговлю сѣномъ, мясомъ, щепнымъ товаромъ и прочими сырьми продуктами. Вообще базаръ, по моему мнѣнію, долженъ быть на половинѣ пути между вокзаломъ желѣзной дороги и центромъ города, что представить, какъ увидите, большія удобства для всего населенія.

На площадяхъ, которыя освободятся отъ лавокъ и мусора, разобью я тѣнистые сады трехъ различныхъ стилей. Противъ гостинаго двора, на берегу рѣки, бульваръ, въ родѣ берлинскаго *unter der Linden*, будетъ окружать стеклянную галлерею (на подобіе оранжерей), въ которой среди тепличныхъ растеній помѣстится царская шлюпка, портреты Императора Александра Николаевича и всѣ предметы, относящіеся до путешествія его по Сибири. Мысокъ близъ спуска къ рѣкѣ Турѣ украсу бесѣдкой для музыкантовъ и маленькимъ рѣчнымъ яхтѣ-клубомъ для любителей катанья на лодкахъ. На Царской площади разведу садикъ въ стилѣ итальянскомъ изъ тополей и акацій, обращенныхъ искусствной рукой въ триумфальныя ворота, колонны, веранды и проч. и проч. Лиственную зелень оттѣню кедрами и пихтами, а фонтанъ оставлю только какъ изящное украшеніе. По другую сторону улицы, на той же площади, подъ роскошной древесной верандой, испрошу разрѣшеніе поставить бюстъ покойнаго Императора Александра Николаевича, а пьедесталъ его украсу барельефами лицъ, которые ему сопутствовали (Кавелина, Жуковскаго, Арсеньева, Юркевича, Назимова, Енохина, Чаткуля и Адлерберга). Предъ этимъ историческимъ памятникомъ воздвигну бесѣдку въ видѣ гигантской цвѣточной корзины, въ которой будетъ у меня играть постоянный хоръ музыкантовъ.

*) Кусокъ свѣжаго мяса.

Наконецъ, на базарной площади, отъ Царской улицы до Убѣжища, разведу я второй бульваръ, въ видѣ широкой улицы, а по обѣ стороны его обширный садъ въ голландскомъ стилѣ, съ вокзалами, бесѣдками, гrotами и фонтанами. Одну половину его по правую сторону бульвара отдамъ въ аренду клубу приказчиковъ, а по лѣвую — клубу купеческому. На этомъ полѣ и на этой почвѣ думаю я создать «золотой мостъ» для сліянія людей ума и людей капитала. Капиталъ и умъ не живутъ у насъ въ добромъ общеніи, а каждый самъ по себѣ на особицу.

Чтобы завершить дѣло благоустройства города въ санитарномъ отношеніи, останется только улучшить городскія скотобойни и учредить надзоръ за свѣжестью съѣстныхъ продуктовъ. Скотобойному искусству учиться къ екатеринбургскому головѣ*) я не пойду, потому что въ этомъ миленькомъ городкѣ бойни имѣютъ такой же отвратительный видъ, какъ и у насть. Для подобныхъ заведеній имѣю я проектъ, лично мною составленный, на основаніи самаго послѣдняго слова ветеринарно-санитарной науки. Однако, въ настоящее время, сообщить его вамъ, господа, не могу, ибо по обширности своей требуетъ онъ особой трактациіи.

Относительно свѣжести и безвредности съѣстныхъ продуктовъ „усовѣстить“ базарныхъ торговокъ и торговцевъ мнѣ будетъ не трудно; ну, а съ англоманами изъ Чухломы и Вятки, что торгуютъ колоніальнымъ скарбомъ, хлопотъ будетъ немало. Тутъ полицейскими актами ничего не подѣлаешь — придется мнѣ къ наукѣ прибѣгнуть. Публичная лекція сослужить мнѣ въ этомъ случаѣ великую службу.

Въ пятомъ письмѣ высказалъ я, м.м. гг., предположеніе свое пригласить изъ лицъ еврейского происхожденія лектора по санитарной части. Ему-то и поручу я (за особое вознагражденіе) изучать заразные элементы въ окорокахъ, колбасахъ, рыбѣ и въ продуктахъ колоніальной торговли. Зная природное отвращеніе

*) Тюменскіе городскіе головы, въ затруднительныхъ случаяхъ по управлению, обыкновенно прибѣгаютъ къ руководительству и совѣтамъ екатеринбургскаго город. головы.

сыновъ Израиля къ нашему мясу*), а въ особенности къ свининѣ, можно надѣяться, что поблажки торговцамъ у насть не будетъ. Чуть что откроется, сейчасъ же афиша въ цѣлую простию! „Тюмень, съ дозволенія начальства, лекція объ окорокахъ, зараженныхъ глистами, изъ магазина купца такого-то**). Преслѣдуя при этомъ коварная цѣли, подобныя публичныя чтенія пригоняя либо передъ Насхою, либо передъ Рождествомъ, въ пору самой бойкой торговли. Вотъ-то занляшутъ тогда супостаты рода человѣческаго и перестанутъ отравлять насть всякой залежавшейся дрянью изъ своихъ магазиновъ.

XI.

31-го декабря.

Размыслия однажды о будущности родного города Тюмени, я задремалъ и скоро заснуль. Случилось такъ потому, что вечеромъ былъ я на имениахъ у своего доброго друга, доктора Сытина. Это, скажу вамъ, такой хлѣбосоль, какихъ по нынѣшнимъ временамъ только и можно найти въ сибирскихъ захолустьяхъ. Въ теченіе года званыхъ вечеровъ онъ не дѣлаетъ, да и самъ съ утра до поздней ночи въ разѣздахъ, во за то въ день тезоименитства (даже безъ пушечной пальбы) къ нему весь почти городъ собирается. Тогда сервируетъ онъ для своихъ гостей такую „закусочку“, что глаза разбѣгаются. Это бываетъ, можно сказать, выставка отъ всѣхъ погребковъ и колоніальныхъ магазиновъ

*) У насть есть еврей съ университетскимъ образованіемъ, лѣкарь даже, стало-быть человѣкъ свободный отъ кабалистики, но мясо скотины, убитой не по жидовскому ратикулу, хотя бы съ голоду пришлось умереть, а ъесть не будетъ. Гвердо держится законъ Шулханъ-Аруха.

**) Для возбужденія отвращенія публики къ подобнымъ съѣстнымъ продуктамъ, зараза буетъ демонстрирована посредствомъ волшебнаго фонаря.

нашего города. Каждый торговецъ найдеть здѣсь свои экспонаты въ самыхъ полныхъ ассортиментахъ, и такъ какъ экспертиза бываетъ очень строгая, то и продукты всегда самаго высокаго качества.

Возвратившись, ~~новторгло~~, поздней ночью съ такой закусочки, я задремалъ и скоро заснулъ. Слышу раздаются шаги по моей комнатѣ... громче... громче... Что это? Въ дверяхъ показалась черная фигура негра, похожая на скрипача Бриндиса, но только лоснящаяся, прозрачная и какъ будто изъ стекла отлитая. Глаза—черные уги, а бѣлки такъ и поворачиваются изъ стороны въ сторону; одѣтъ онъ въ полосатую куртку, голубые панталоны, на головѣ соломенная шляпа. Что за чортъ, думаю, фигура знакомая. Кто тутъ? хочу сказать и не могу, хочу подняться—силъ нѣть.

Фигура оскалилась; ротъ растянулся во всю ширину лица и обнаружилъ рядъ бѣлыхъ крѣпкихъ зубовъ.

— Пойдемте, пойдемте,—раздалось гдѣ-то внутри этой страшной фигуры.

— Куда пойдемъ?—отдалось внутри меня.

— Я изъ городской думы за вами посланъ, тамъ сегодня утренній раутъ назначенъ.

— Кто ты такой?

— Я... я... негръ, что вчера у доктора Сытина на столѣ близъ имениннаго пирога видѣли.

Дѣйствительно, это была та самая стеклянная бутылка*), къ услугамъ которой я не разъ прибѣгалъ. Вчера она была наполнена „доброї водкой“ и доставляла большое развлеченіе всему собравшемуся обществу. Черный посолъ началъ расти, сдѣлался совершенно прозрачнымъ и слился съ темнотой ночи. Въ моихъ вискахъ забило молотомъ, кругомъ все закрутилось, зашумѣло; затѣмъ въ вихрѣ несознанныхъ грезъ я забылся. Очнулся въ залѣ, роскошно убранномъ зеленью и разноцвѣтными флагами.

*) Водка зав. Поповыхъ продавалась въ бутылкахъ, которые имѣли форму человѣческой фигуры—подобіе негра.

ми. Со стѣнь изъ золоченыхъ рамъ выходили, какъ живые, представители городского управлениія за цѣлое столѣтіе, въ чуйкахъ, въ сибиркахъ, въ шитыхъ кафтанахъ, мундирахъ и даже во фракахъ.

Подъ аркой, въ глубинѣ зала, накрыть столъ, точь-въ-точь какъ у доктора Сытина, но щеголеватѣе, богаче настолько, на сколько фантазія выше дѣйствительности. Какихъ только бутылокъ, бутылочекъ, фланчиковъ, стакановъ, рюмокъ, бокаловъ не было на этомъ столѣ! А кругомъ: куличи, гуси, фазаны, индѣйки, окорока, и все это глазировано, подъ соусами, въ фольговыхъ украшеніяхъ и въ вѣнкахъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ и зелени. Тутъ же разставлены безчисленныя закуски и консервы со всего бѣлага свѣта: анчоусы, омары, сельди, кильки, сардины, поземы, тунцы, крабы, трепаны, морская капуста, томаты, опунція, грибки, грудочки, рыжики, икра, сыры всевозможныхъ сортовъ. Однимъ словомъ, какъ въ сказкахъ оказывается, было тамъ всего много и на всякий вкусъ. Не будь я съ похмелья и съ просьбы, не отошелъ бы отъ такой „закуски“.

Что за чертовщина! все кругомъ ожило и зашевелилось... Стѣны раздвинулись вдаль; гуси, фазаны, индѣйки, барашки, вытянулись и выросли... самъ я очутился уже не на полу, а на столѣ и чувствую, что обратился въ стаканъ со злымъ, забористымъ хрѣномъ. Бутылки и фляжки, синія, зеленая, темная, выстроились, какъ чиновники на торжественныхъ представленіяхъ новому начальнику, а выше всѣхъ красовался глиняный кувшинъ чернаго бальзама съ фольгово-бѣлой звѣздой на красивомъ этикетѣ. Были тутъ фланчики, украшенные золотыми и серебряными медалями на разныхъ промышленныхъ выставкахъ, а посрединѣ — большой графинъ „свѣтланы“ съ шарманкой, которая была вѣлана въ донышкѣ и играла тѣ мотивы, какие кому нравились. Графинъ пользовался особымъ вниманіемъ: вся публика къ нему поочередно подходила, привѣтствовала, и онъ, въ свою очередь, отвѣчалъ всѣмъ и каждому низкимъ поклономъ подъ звуки собственной музыки. Индюки вытягивали шеи и качали головками, поросенокъ подъ соусомъ, толстенький, низенький, жирный, трубкой вытягивалъ губы и поводилъ во всѣ стороны пьяными, осовѣвшими

глазами; глупый омаръ, растянувшись на блюдѣ, щеголяль своими усищами, розовыя рѣдиски съ длинными хвостиками, какъ девичьи косы, поставлены были рядами на фаянсовомъ блюдѣ, точь-въ-точь пріютянки къ утренней молитвѣ выстроились. Около нихъ стояла фляжка бенедектинки, а рядомъ чистенький приглаженный барашекъ изъ чухонского масла.

Признаюсь, въ первый моментъ я осталбенѣлъ отъ удивленія, но вскорѣ все засуетилось, завертѣлось, и я смѣшался въ общемъ вихрѣ движенія. Меня подхватила подъ руку слегка поблекшая дама, въ роскошномъ платьѣ *à la princesse Josephine**). Какъ только шепнула она: *dansons une valse!* такъ я и узналъ мою добрую знакомую, милую сосѣдку, которая страстно любила Парижъ, до старости не переставала брать по учебнику Марго уроки французскаго языка**), читала переводные иностранные романы, ну а по исторіи была слаба: вѣрить не хотѣла, что Елена не была супругой Наполеона, а только мѣстомъ изгнанія.

— Ah, Je n'en puis plus! la tête me tourne, отвѣтилъ я.

— Ainsi, reposons-nous, сказала она, и мы скользнули на широкій балконъ, что выходилъ на Царскую улицу.

Представьте, все, что я такъ долго лелѣялъ въ своихъ мечтахъ по благоустройству Тюмени, было теперь передъ моими глазами. Меня охватилъ запахъ ароматной свѣжей зелени пихтовыхъ побѣговъ и только что распустившихся цвѣтовъ монгольской яблони. Противъ городской думы, на берегу Туры, увидѣлъ я роскошный скверъ съ фонтаномъ и цвѣточными клумбами самыхъ причудливыхъ формъ. Вдали раздавались напѣвы церковнаго хора; отъ монастыря двигалась торжественная церковная процессія. Яркое солнце играло на дорогихъ окладахъ иконъ, на хоругвяхъ и на парчевой ризницѣ причта и освѣщало пеструю толпу, которая, какъ живая волна, затопила всю Царскую улицу. Въ хвостѣ процессіи въ облакѣ пыли тащились вереницы

*) Супруга Наполеона.

**) Нынѣ хочетъ гувернантку вынисать. Бѣда въ томъ, что „путяя“ въ Сибирь, къ купцамъ, не поѣдетъ, а съ непутнѣй намаешьса.

ницихъ, бездомныхъ скитальцевъ, а за ними безконечный рядъ экипажей. Не знаю какъ, но я очутился среди этой толпы и, увлеченный общимъ потокомъ, смѣшался съ нею.

Процессія двигалась мимо Царской площади, къ берегу Туры, гдѣ растянулись пароходные пристани, на которыхъ совершился сегодня полстолѣтній юбилей ихъ существованія. Вся набережная украшена тысячами флаговъ; крутой берегъ со стороны города, гдѣ помѣщаются склады, задрапированъ отъ взоровъ публики сплошной стѣнной художественно сгруппированныхъ пароходныхъ снастей, перевитыхъ вѣнками изъ цветовъ и древесной зелени, а по обѣ стороны годы 1844—1894, означающіе полустолѣтній періодъ процвѣтанія навигаціи. Всѣ пароходы въ вѣнкахъ, въ цветочныхъ гирляндахъ, и разукрашенные флагами, сдвинуты къ берегу, а рѣка была сплошь покрыта флотиліей яликовъ, лодокъ, плотовъ, переполненныхъ пестрой толпой.

Церковная процессія спустилась на палубу самаго большого парохода. Звуки торжественныхъ нашѣвовъ неслись надъ тихой поверхностью воды въ безпрѣдельную даль. Восторженность толпы достигла своей кульминаціи, когда раздались чудные мотивы „Спаси Господи люди твоя“... Екатеринбургскій протодьяконъ, говоря „многолѣтіе“, постепенно поднималъ тонъ своего голоса и оборвалъ его на такой нотѣ, что даже на Мысу*) оно было услышано, и благочестивые крестьяне осѣнили себя крестнымъ знаменемъ. По окончаніи богослуженія пароходъ, роскошно убранный цветами, унесъ процессію съ иконами къ монастырскому берегу, откуда она возвратилась къ церкви.

Въ это время, на мѣстѣ торжества, составлялось торжественное шествіе въ Александровскій садъ, гдѣ долженъ былъ совершаться актъ пятидесятилѣтія. По улицѣ вытягивался длинный цугъ; впереди всѣхъ конный стражникъ въ богатомъ казакинѣ древне-русского ратника, съ золоченой алебардой въ рукахъ. По обѣ стороны хоръ военной музыки и народныхъ пѣсенниковъ. Затѣмъ ученики ремесленной школы Жабынского завода, какъ

*) Деревня вблизи города, гдѣ находится Жабынский механический заводъ.

„маковъ цвѣтъ“, въ алыхъ кумачныхъ рубашкахъ несутъ впереди себя значокъ, украшенный зеленью и цветами русского флага. Слѣдомъ двинулся ремесленный цехъ механическаго завода. Корпорація эта несла на своихъ рукахъ модель первого парохода „Основа“, украшенную вѣнками и національными флагами. Засимъ шли лодмана и матросы съ флагами своихъ пароходовъ и машинисты со своими значками. Потомъ корпусъ капитановъ всѣхъ пароходовъ въ парадныхъ кафтанахъ и въ фуражкахъ, обшитыхъ золотымъ галуномъ. Затѣмъ двинулись служащіе въ конторахъ, имѣя во главѣ маленькаго, толстенькаго старшаго булгалтера, который держалъ передъ собою, какъ дьяконъ, преогромные счеты — практическое евангелие нашего вѣка, основа всяческой дружбы и торговый честности. Завершили процессію гласные городской думы и члены управы, подъ предводительствомъ городскаго головы, въ парадныхъ мундирахъ, а за ними представители пароходныхъ компаний, вмѣстѣ съ инженеромъ водянай коммуникаціи.

Достигнувъ загороднаго сада, процессія прошла по главной аллѣ, мимо вокзала, и спустилась на широкій лугъ, гдѣ было все приготовлено для народнаго праздника: качели, призовые столбы, тиръ, гипподромъ для скороходовъ, балаганы съ петрушкой, народный театръ, кукольный театръ, городки, игра въ мячъ и многое множество разныхъ развлечений; на отдельной площадкѣ сервированы столы для завтрака служащихъ и кувшины съ виномъ для угощенія публики. Члены городского управления и представители пароходства, составляющіе арьергардъ процессіи, не спускаясь на лугъ, вошли въ роскошно убранный вокзалъ городского сада, гдѣ предполагался актъ торжества и затѣмъ парадный обѣдъ.

Обширный залъ представлялъ собою море зелени, а цветы художественно переплетались съ трехцвѣтными русскими флагами. Близъ передней стѣны, подъ роскошнымъ балдахиномъ изъ пурпурныхъ тканей съ горностаевымъ мехомъ, украшеннымъ государственными гербами, на пьедесталѣ изъ стальныхъ деталей машинъ Жабынского завода, покоялся бюстъ Императора. Въ углахъ стояли щиты, изображающіе годъ открытія пароходства; они были искусно собраны изъ мелкихъ блестящихъ слесарныхъ

инструментовъ отъ всѣхъ мастерскихъ пароходной верфи. Широкую стѣну противъ оконъ украшали двѣ художественныхъ картины; одна изъ нихъ— „Бурлаки“^{*)}) Рѣниа живо переносить воображеніе къ тому еще недавно прошедшему времени, когда человѣкъ въ роли выючного животнаго, наваливаясь всей грудью на широкую, кожаную лямку, подъ тонъ стонущей пѣсни: „еще разикъ, да еще разъ! да ой!“ перевозилъ на себѣ тяжелые грузы. Другая картина такихъ же размѣровъ вводить насть на пароходъ новѣйшаго типа, гдѣ, въ роскошной обстановкѣ, пассажиръ пользуется полнымъ комфортомъ и гдѣ трудъ рабочаго, благодаря техническимъ усовершенствованіямъ, сталъ сравнительно легкимъ, а главное трудомъ сознательнымъ. Мѣсто подъ хорами, среди тропической зелени заняла большая модель парохода „Основа“. При входѣ процессіи хоръ музыкантовъ исполнилъ полонезъ, и публика заняла мѣста. Лекторъ, взойдя на каѳедру, громкимъ пѣвучимъ голосомъ продекламировалъ:

Выль на Волгу! Чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой;
Этотъ стонъ у насть пѣсней зовется —
То бурлаки идутъ бечевой...

Вниманіе публики было обращено къ картинѣ Рѣниа. Бойко охарактеризовавъ бурлачество, сложившееся подъ вліяніемъ бродяжничества и страсти къ переселеніямъ русскаго человѣка, лекторъ отмѣтилъ, что не столько горькая нужда, сколько недостатокъ духовной культуры, любовь къ свободѣ и простору, обращали въ былое время человѣка въ бездомное выючное животное. Правда, сибирское пароходство, какъ и множество другихъ предпріятій, возникло на счетъ казенныхъ субсидій, но можно ли было разсчитывать на частныхъ предпринимателей въ Сибири, когда по всѣмъ рѣкамъ Евроазійской Россіи плавало въ то время не болѣе 80 пароходовъ^{**)}). Дальнѣйшее развитіе пароходства было раздѣлено на два периода: первый — когда русское

^{*)} Дорогая копія съ картины Рѣниа уже куплена И. И. Игнатовымъ.

^{**)} По свѣдѣніямъ генерала Обручева, въ 1854 г., стало-быть чрезъ 10 лѣтъ послѣ открытия Тюменскаго пароходства, въ Россіи было только 115 пароходовъ.

„авось да небось“ забрало предпріятіе въ свои ненадежныя руки, и второй—когда взялись за это люди серьезные и умудренные опытомъ.

Періодъ правильной организаціи пароходства начался приблизительно съ 1872 года. Лекторъ прослѣдилъ развитіе флотиліи за послѣднее 25-ти-лѣтіе изъ года въ годъ и доказалъ на поразительныхъ примѣрахъ, сколько ловкости, труда и энергіи положено было ею на это полезное дѣло.

Громъ рукоплесканій покрылъ послѣднія слова лектора; музыка исполнила гимнъ „Боже Царя храни“; подали шампанское.

Тосты меня разбудили, но я перевернулся на другой бокъ и снова заснулъ.

XII.

(Безъ числа.)

Зови надежду сновидѣньемъ,
Неправду истиной зови,
Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Лишь вѣрь одной моей любви!

Вотъ какъ, дорогой другъ, Феденька! Ну-ка угадайте, чье это стихотвореніе?—А все же, господа, прерванный сонъ—скверная штука: чувствуешь себя такъ же, какъ въ то время, когда опустить театральный занавѣсь на самомъ интересномъ мѣстѣ неизвестной комедіи!

Послѣ шумныхъ овацій, которыя меня разбудили, представилось, что по каменной мостовой на Царской улицѣ катять на вороныхъ всѣ пароходчики, вмѣстѣ съ Иваномъ Андреевичемъ, а на козлахъ у нихъ—вообразите—министръ общественныхъ работъ французской республики, рядомъ же съ нимъ—меръ города Парижа. Вѣдь приснится же такое странное сближеніе разнородныхъ лицъ! Кому не случалось видѣть подобнаго? Ну, думаю, быть бѣдѣ: не къ добру вороны кони—объ этомъ во всѣхъ сон-

никахъ сказапо... Вижу потомъ, что за мной, вооружившись огромными пожницами, бѣжитъ молодой закройщикъ, съ недобрыймъ намѣреніемъ урѣзать фалды моего скромнаго камзола; я отъ него, онъ — за мной. Какъ не увертывался — „откромсалъ“ таки три куска (нецѣнныхъ правда), и чуйку совсѣмъ обезобразилъ. Затѣмъ снится, что знакомая мнѣ дама, Ижицей прозывается*), утираетъ носъ «tüменскимъ благодѣтелямъ».

Наконецъ, я очутился въ вѣзалѣ загороднаго сада. Тамъ, вижу, сервиранъ обѣденный столъ, на немъ блеститъ серебро, хрусталь, синѣжно-бѣлыя салфетки и масса всевозможныхъ фруктовъ. Лѣтній жаръ начиналъ спадать, окна кругомъ открыты; экипажи одинъ за другимъ выгружали званыхъ гостей; лакеи, какъ «угорѣлые», метались взадъ и впередъ, распорядители самодовольно посматривали на все окружающее и поглаживали свои окладистыя бородки. Когда всѣ были въ сборѣ, задвигали стульями и усѣлись по мѣстамъ. Средину, по длини стола, заняли представители различныхъ пароходныхъ компаний, противъ нихъ меръ и министръ, которыхъ предъ этимъ я видѣлъ на козлахъ, а по концамъ и крыльямъ стола размѣстилась остальная публика. Заставали посудой, подъ звуки ножей и ложекъ каждый гость втихомолку торопился удовлетворить первый аппетитъ, и разговоръ не вязался. Множество слугъ разносили на настоящемъ фарфорѣ всевозможные супы, бульоны, жаркія, соуса, пастеты, пуддинги — казалось, конца имъ не будетъ. Вина французскія, португальскія, венгерскія, испанскія лились потокомъ и сверкали въ стаканахъ, какъ разноцвѣтные камни. Обѣдъ продолжался долго, къ концу гости оживились, и бесѣда сдѣлалась шумпою. Подали десертъ; вдали раздались волшебные звуки оркестра; за шампанскимъ стали предлагать тосты.

Первымъ поднялъ бокаль городской меръ.

— „Дорогіе участники настоящаго торжества!“ — началъ онъ, вставъ со стула, слегка взволнованный отъ пепривычки объясняться въ русскомъ обществѣ. „Въ настоящій многознаменательный

*) Дама эта состоитъ корреспондентомъ многихъ газетъ.

день не могу и не смѣю отказать себѣ въ удовольствіи выразить мои чувства и пожеланія. Признаю для себя за величайшее счастіе, что имѣю честь говорить отъ имени своего города. Чествуется сегодня не время, пережитое пароходнымъ предпріятіемъ, а усиля и труды, которые были къ этому дѣлу приложены. Всѣмъ памъ известно, какой степени развитія достигло пароходство, когда оно перешло къ руководителямъ, умудреннымъ жизненой опытностью. Лѣстить не въ моихъ привычкахъ и потому, надѣюсь, вы сами укажете, кто въ этомъ дѣлѣ единственный могущественный двигатель предпріятія, кто своей энергией и своей настойчивостью, при пропицательномъ умѣ, поставилъ на должную высоту не только свое предпріятіе, но и способствовалъ экономическому благосостоянію города. Открытиемъ заводскихъ школъ онъ помогъ умственному развитію темнаго рабочаго люда. Умственный свѣтъ изъ его мастерскихъ бросилъ свое отраженіе и на остальную забытую кустарную силу. Въ Европѣ такіе дѣятели пользуются широкой известностью; но чрезъ густой туманъ, которымъ покрыта ваша страна, не видно даже блестящихъ звѣздъ. Надѣйтесь, господа, на свѣтлое будущее: яснымъ днямъ нерѣдко предшествуетъ туманное утро! Но чудная заря, которую мы видимъ, несомнѣнно, сдѣлаетъ теплый день, чтобы успѣла расцвѣсть ваша торговля и промышленность. Поднимая бокалъ за процвѣтаніе пароходства въ Сибири!"

— „Браво! браво!" — прогремѣло по залу, и музыка заиграла тушъ.

— „Каково отхваталъ!?" — подѣлился своимъ впечатлѣніемъ одинъ пароходскій капитанъ со своимъ сосѣдомъ.

— „Чего и говорить — письмянной человѣкъ! Не нашимъ чeta!." отвѣтилъ сосѣдъ.

— „Да...а-сть! Не умѣемъ мы ни себѣ, ни добрымъ людямъ оцѣнки дать, вотъ что!" продолжалъ капитанъ.

— „Необразованность!" было отвѣтомъ*).

*) Вѣроятно, парижскій меръ говорилъ по-французски, какъ же поняла его юбилейная публика? — спросите вы меня. А какъ понимаютъ многие доценты

Слегка откашлянувшись, поднялся со стула французский министр общественныхъ работъ; разговоръ затихъ, всѣ навострили уши.

— „Господа!“ началъ онъ.—„Вотъ ваша сила (указывая на всѣхъ пароходовладѣльцевъ), вотъ ваше богатство! Честь и слава этимъ неутомимымъ труженикамъ, настойчивымъ работникамъ въ созданіи вашего счастія. Развитіе пароходства и судоходства по мелководной Турѣ вызвало необходимость въ улучшениі ея фарватера, и на помощь вамъ, господа, пришли инженеры, желающіе отдать для вашего блага свои труды и свои молодыя силы. Въ настоящее время работы начаты, и нужно надѣяться, что русло Туры будетъ расчищено гораздо раньше, чѣмъ закончится сооруженіе Кетскаго канала. Тобольску не придется отнять у Тюмени славу портоваго города, если господа пароходовладѣльцы и инженеры-строители подадутъ другъ другу руку содѣйствія. Пусть соединенія для общаго блага силы господъ гидротехниковъ и представителей сибирскаго судоходства. Да здравствуютъ они для взаимнаго благополучія! Ура!“

Тостъ былъ принятъ хотя и не дружно, но довольно шумно. Но какъ всюду, и здѣсь нашлись скептики и недоброжелатели.

— „Знаемъ мы ихпяго брата, господъ ажинеровъ!“ промчалъ сѣдой капитанъ парохода. „Надѣлаютъ они ужо намъ хлопотъ!“

— „Какія же хлопоты, Кузьма Савичъ?“ пристроился къ разговору юноша изъ конторскихъ служащихъ.

— „А вотъ, сударь, какія... Изъ-за энтихъ господъ не разъмѣшъ съ грузами приходилось на Волгѣ недѣлями стоять! Въ самую горячую пору, когда каждой день дорогъ, наѣдутъ они, бывало, съ машинами прочистку дѣлать, ну и запрудятъ всѣ проходы. Стой тогда, да жди у моря погоды, пока они начкаются;

русскихъ университетовъ, не зная иностранныхъ языковъ, профессорскія лекціи въ трехъ-четырехъ государствахъ Европы? Русскій человѣкъ мимику знаетъ; но обѣ этомъ будешь рѣчь впереди.

сколько еще сраму-то наринимаешься! Другой, прости Господи, лодку прокопонатить не умѣть, а поди ты, какого изъ себя техника строить...“

— „Это, Кузьма Савичъ, прежде было, теперь инженеры люди образованные... гуманные“, возразилъ молодой человѣкъ.

— „Толкуйте.. не все одипъ чортъ, что опрежъ, что течеречат...“

Въ залѣ стихло... Подняль бокаль одинъ изъ представителей пароходства.

— „Позвольте мнѣ, почтенные граждане, отъ имени всей нашей корпораціи благодарить васъ за столь лестные отзывы о личномъ нашемъ значеніи въ созданіи западно-сибирского пароходства! Прибавлю къ этому, что даже въ самомъ преувеличеніи вами нашихъ заслугъ вижу я только доказательство доброго къ намъ благорасположенія. Относительно благодарности, обращенной къ вамъ, господа инженеры...“

— „Триририри!!!“—звонко затрещалъ будильникъ подъ самымъ моимъ ухомъ, между тѣмъ будильника у меня и въ заведеніи не было. Я испуганно проснулся и вскочилъ съ кровати. А, чортъ возьми! Звонокъ оказался телефоннымъ сигналомъ! (Настроили теперь у насъ телефоновъ чуть не въ каждомъ домѣ, ну и мнѣ навязали.) Нечего дѣлать, одѣлъ туфли, халатъ, и—спрашиваю, кто у телефона?—„Почивать изволите?“ спрашиваетъ въ свою очередь знакомый голосъ.—Что угодно? крикнулъ я разсерженno.—„А я думалъ, почиваете еще?“ отвѣтили мнѣ.—Можетъ быть что-нибудь нужно? окликнулъ я снова.—„Нѣтъ-съ, ничего особеннаго, я такъ себѣ...“

И выспаться не дали и лишили удовольствія зреТЬ пріятные сны! Преглупая штука эти телефоны, паниолезнѣйшая вещь эти телефоны! Подумайте сами, за сто рублей можно цѣлый годъ, не выходя изъ своего кабинета, пользоваться пріятной бесѣдой добрыхъ друзей. Вѣдь это выходитъ за 30 копеекъ въ сутки, посредствомъ телефона-то можно торговать, лѣчить, администрировать, кляузничать, давать адвокатскій совѣтъ, сплетничать, поздравлять съ праздниками, съ именинами, сывать гостей на чашку

чаю, па рюмку водки, на «винтикъ», и не перечтешь всѣхъ благодѣяній чудеснаго изобрѣтенія. Какого-же, спрашивается, прогресса нужно ожидать лѣтъ чрезъ пять въ указанныхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности?!

Пока тюменскіе разговоры идутъ не бойко; утромъ—дѣловые, вечеромъ и послѣ обѣда—семейные.

Господинъ хозяинъ посыаетъ къ свою лавку примѣрно такую «дипешу»: „Савельичъ, а, Савельичъ! Кули съ круичаткой перекати на вѣтерокъ,—ишь затхлось; возчикамъ безъ меня росшотъ не давай. Скажи Гришуткѣ на мармилатъ копеечки двѣ пакинуть, да свѣжой цѣликомъ не пускай, для выставки береги! Отпушать пусь то, што слѣва... Ужо самъ приду!“

Складчикъ съ водочными мастерами ведеть другую бесѣду.—„Федоръ Лукичъ! зелень-то въ полыни не крѣико дѣлайте, ну и палочки не очень... Акцизный что-то нюхтить, держи, голубчикъ, востро ухо!“

Звонокъ къ врачу.—„Кто у телефона?“—Отъ Толстосумовыхъ, докторъ!—„Ну, что Кузьма Савичъ?“—Лежитъ, докторъ!—„Термометръ поставьте, ножную ванну сдѣлайте, въ аптеку пошлите, рецептъ тамъ. Самъ пріѣду!“ отзѣвается врачъ.

Дама, пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, ведеть со своей по другой утренній дѣловой разговоръ такого содержанія:—„Что, кузина, съ дорогимъ гостемъ можно поздравить?“—Афронтъ, голубушка, афронтъ! Подумай сама: я-то для него вынарядилась, корсетъ съ самого утра напялила и хожу, какъ гусарскій полковникъ. А онъ мнѣ: манеры, говоритъ, не воспитаны, подробности потомъ расскажу. И чѣмъ я виновата? Представь, Мари, блоха подъ самую шнуровку забралась—покоя не даетъ, ну я и почесалась при немъ. Вотъ теперь и подумаетъ, что я не благороднаго происхожденія!

Люди образованные, знакомые съ телефонами, допускаютъ откровенность, а кто не знакомъ съ этимъ изобрѣтеніемъ, боясь какъ бы не подслушали (разумѣется всегда возможно) ведеть разговоръ съ «опаской» и должной осторожностью. Къ полдню, когда главы семействъ уходятъ въ конторы, въ лавки, въ суды—

телефоны поступаютъ въ распоряженіе дамъ, полудамъ, кумушекъ и бабъ (даже прислуга ими пользуется).

Осторожно, робкой рукой, дать звонокъ на центральную станцію.— „Соедините съ Солодиловыми!“— командуется затѣйница.— Обмѣнялись вторымъ звонкомъ.— „Кого надыть?“ слышенъ знакомый откликъ.

— „Вы, что ли, Матрена Ивановна?“

— „А это вы, Орина Григорьевна? Надкось какъ смѣшино-то, ровно подъ самымъ ухомъ, а воинъ даль какая!“

— „А у меня, чтобы его выстрѣлило, котепокъ всѣ сливки слакалъ—на столь нечего подать!“

— „Настасья Степановна не растряслась еще?“ спрашива-
етъ Матрена Ивановна.

— „Все еще ничего нѣтъ.. Время вишь не разсчитали!“ от-
вѣчаетъ подруга.

— „А самъ-отъ каковъ?“

— „Да ему што. Вечоръ пришелъ, хоть выжми...“ отвѣтила
Орина Григорьевна. „Ночью у квартиронтовъ опять баталь была:
биль бѣдную, за двери выгналъ. Штурму такую задалъ—на весь
домъ слышно!“

— „Благородны еще, прости Господи... Хуже деревеньшины!
Ушла бы отъ грѣха што ли!?“ совѣтуетъ Матрена Ивановна.

— „Онomedнись изъ-за собачонки при всѣхъ такую плоху за-
катилъ, что жалко стало!“

— „Прибѣгай, когда управишься...“ отвѣтила Матрена Ива-
новна и отошла отъ телефона.

Передъ обѣдомъ вызываютъ по телефону мужей изъ конто-
ры такимъ образомъ:

— „Петя! скоро-ли ты тамъ? Федоръ Парамоновичъ ждетъ,
закуска на столѣ!“ говорить супруга.

— „Сейчасъ, Маша, только вотъ рабочихъ отпущу; скажи,
сейчасъ-молъ иду...“ отвѣчаетъ мужъ.

Минуты ожиданья всегда кажутся длинными...

— „Скоро ли?“ опять пачинаетъ супруга.

— „Сейчасъ, сейчасъ—управляющій задержалъ!..“

За вечернимъ чаемъ телефонируютъ приглашеніе «на винтикъ».

— „Захватите, Катерина Сергѣевна, Лизавету Григорьевну, да заѣзжайте въ карточки поиграть. Мы сегодня дома!“

— „А въ клубъ не ѳдете?“ отвѣчаетъ партнеръ.

— „Чего я тамъ не видала?!“

— „Говорятъ, у Холмовой новое платье изъ Парижа привезено...“ соблазняетъ знакомая.

— „Вотъ певидалъ... Пріѣзжайте же смотрите, ждать буду...“

Какъ видите, телефонъ вещь наиполезнѣйшая, и нужно удивляться, какимъ образомъ городское управление не предложитъ исправнику соединить такимъ приспособленіемъ свою квартиру съ полиціей. Во всѣхъ благоустроенныхъ городахъ исправники имѣютъ телефоны въ своихъ кабинетахъ, только наша тюменская дума не хочетъ на этотъ предметъ раскошелиться. Какъ бы укорилось тогда все текущество дѣлъ по части распорядительства и благоустройства!? Кромѣ того, сократился бы расходъ на вѣсто-выхъ-казаковъ; ну, и пристава, не отрываясь отъ дѣла, могли бы утренніе рапорты отсылать начальнику полиціи телефоннымъ способомъ. Стоило бы только крикнуть: «въ первомъ участкѣ, ваше благородіе, все обстоитъ благополучно, о чёмъ честь имѣю почтительно донести», а затѣмъ — занимайся своимъ неотложнымъ дѣломъ! Телефонъ для исправника крайняя необходимость — спросите у кого угодно! Вотъ для городского врача такое приспособленіе далеко не насущная потребность, а между тѣмъ дума соединила его съ больницей и рѣшила тратить на этотъ предметъ по 200 руб. ежегодно. Оно, конечно, телефонъ дѣлу не мѣшаетъ, но не лучше-ли бы эти деньги потратить на безотлагательныя и болѣе полезныя улучшенія санитарныхъ условій городской больницы, чѣмъ на такую роскошь? Въ Тюмени, при 37,000 жителей, больницѣ на 50 креватей (!?) много чего не достаетъ, чтобы принять видъ благоустроенной лѣчебницы. Вотъ когда изберутъ меня городскимъ головой, телефонъ этотъ я непремѣнно предоставлю исправнику и симъ синицу отъ него постоянное ко мнѣ благорасположеніе. Для врача чудесное изобрѣтеніе Белля Эдиссона —

одна благодать, она избавляетъ его отъ многихъ пеужныхъ визитовъ по своимъ пациентамъ. Что говорить, умный врачъ и по телефону вылечить; но все же больному дорого бываетъ его лице-зрѣніе: подкрѣпить силы больного утѣшеніемъ можно только лично, а не по мѣдной проволокѣ.

Во время сихъ соображеній, скрипнула дверь, ведущая въ мой кабинетъ, я повернулся въ эту сторону, да такъ и покатился со смѣху. Представьте—супруга-то!.. Въ третьемъ письмѣ, помнится, я немного познакомилъ васъ съ дорогой Мамеей Аммоновной. Богатырь—женщина: рослая, сырая, степенная, словомъ—вѣтромъ не сдуется, а на груди чайный сервизъ помѣщается. И вдругъ—представьте... да нѣтъ, выговорить не могу безъ смѣха, при одномъ воспоминаніи. Баба-то моя съ ума спятила—офицерскую шинель съ краганомъ на себя напялила, а на голову надѣла—гвардейку съ крылышкомъ! Шутить, думаю—въ хорошее расположение хотеть меня привести; съ ней это временами бываетъ: нѣтъ—пѣтъ, да и выкинетъ колѣндо.

— Ты, говорю, Аммоновна, не засѣдателемъ ли нарядилась?

— „Нѣтъ,—говорить,—это братецъ мнѣ изъ Ирбити послалъ; мода, слышь, нынче такая; въ Москву всѣ такъ ходятъ!“

— Кто тамъ всѣ! можетъ быть дамы большого свѣта и наряжаются такъ, а за ними феи, камеліи, да актрисы разныя. Намъ ровно, Аммоновна, и не къ лицу съ нихъ то примѣръ братъ... Въ интеллигенцію лѣзти не зачѣмъ!

— „У насть все нельзя!“ запротестовала супруга. „Вонъ Ангелика Казимировна въ сѣрой шинели щеголяетъ, да никто ничего не скажетъ.“

— Нашла же ты себя къ кому приравнивать. Тамъ все къ лицу! Гдѣ вамъ за ними угоняться: паненки народъ подбористый, ровно точеное вѣретешечко, а васъ природа только топоромъ кое-какъ обдѣлала. Тамъ есть на кого посмотреть въ любомъ нарядѣ, а ты-то что?

Не по сердцу пришли моей старухѣ эти слова. Ушла и раскаризничалась на цѣлый день. Чтобы съ рукъ сбыть, шипелку мы за хорошія деньги доброму человѣку подъ залогъ снесли.

Пропади она, не на базарь же мнѣ ее нести. Коли мода—ну и пусть кто-нибудь въ пей щеголяетъ!

Оставшись одинъ, я началъ обсуждать: почему польки самыя изящныя существа между женщинами славянского племени? Въ осанкѣ ихъ есть что-то величавое, царственное; величіе выражается и во взглядѣ этихъ милыхъ созданій. А потому, что онѣ умѣли сохранить въ духѣ и тѣлѣ національную красоту и служить зеркаломъ культурнаго прошлаго своей націи; между тѣмъ какъ мужчины остались въ этомъ отношеніи далеко позади ихъ. Въ силу непреложныхъ соціальныхъ законовъ, доброе и злое, прогрессъ и реакція, обыкновенно воспринимаются сначала мужчинами, а отъ нихъ уже переходятъ къ женщинамъ, консервативная натура которыхъ гораздо постепеннѣе подчиняется чужому вліянію. Но разъ подчинившись этому вліянію, выработавъ въ себѣ культурность, женщина удерживаетъ ее даже и тогда, когда нація въ мужскомъ поколѣніи начинаетъ регрессировать. Теперь, если принять въ соображеніе, что тѣлесное развитіе подчиняется духовному и зависить отъ него, то будетъ совершенно понятно, что въ націи развивающейся, молодой, стремящейся къ прогрессу, тѣлесная красота и умственные способности преобладаютъ въ мужчинахъ, и, наоборотъ, въ націи упавшей,—въ женщинахъ. И потому, если встрѣчается народъ, въ которомъ женщины прекрасны, а мужчины измельчали, сдѣлались лѣстивыми, холопски услужливыми, то можно смѣло утверждать, что этотъ народъ давно перешелъ за черту своего кульминаціоннаго пункта и клонится къ паденію. Истина эта поразительнымъ образомъ обнаруживается па польской народности. Въ каждомъ движеніи, въ каждой позѣ польскихъ женщинъ есть что-то обаятельное; онѣ живѣе, воспиримчивѣе мужчинъ. Въ нихъ есть мужественная грація, а въ мужчинахъ—лѣстивая приниженность. Вотъ почему шинель не только не бросается въ глаза на польской женщинѣ, но и идетъ къ ней. Ну, а къ моей-то Маммеѣ Аммоновнѣ шинель эта какъ будто къ коровѣ попона пристегнута.

XIII.

27 февраля.

Кажется и спаль недолго, а какъ много за это время совершилось дѣлъ, достойныхъ того, чтобы записать ихъ на страницы лѣтописи! мнѣ, старику, пока „не у дѣлъ“, отдохнуть простиительно, а вы-то, господа гласные города, что дремлете? Пока спорили, по какой улицѣ вести мостовую, пока рѣшали и перерѣшали этотъ вопросъ, тоболяки вырыли для васъ глубокую яму и, вотъ увидите, столкнуть туда Тюмень въ самомъ непродолжительномъ времени. Сочтены уже дни могущества и славы вашей! Проектъ о продолженіи желѣзной дороги до Тобольска всесторонне обдуманъ, изложенъ, подписанъ и отправленъ по назначению. Слышалъ я изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что составленъ онъ съ такою неотразимою убѣдительностью, что и сомнѣнія не можетъ быть, чтобы не привели его въ исполненіе. Что ожидаетъ тогда Тюмень? Приметъ она слезливый видъ проторговавшейся купчихи и будетъ жить одними воспоминаніями. Если бы вы, господа, чигали внимательно мои письма, то навѣрное не дожили бы до такого срама. Не вамъ-ли совѣтовалъ я въ шестомъ моемъ посланіи взять па себя концессію желѣзной дороги на Тобольскъ. Не послушали, ну теперь сами на себя пеняйте!

Вижу я и скорблю, что день ото дня думскія дѣла становятся хуже и хуже. Путь, который долженъ привести меня къ славѣ (когда буду главой города), забрасываете вы тяжелыми каменьями. Много предстоитъ труда, чтобы поправить все, что натворили вы за послѣднее время. мнѣнія ваши расшатаны, сами перессорились, явились среди васъ молодые „крикуны-самоуправцы“—можно ли думать объ единомысліи? Средствъ привести васъ къ соглашенію никакихъ нѣтъ. Вотъ почему, когда приму я бразды управления, съ первого же дня прибѣгну, ради соглашенія мнѣній по думскимъ дѣламъ, къ спасительнымъ откровеніямъ, которыхъ получаемъ мы въ сновидѣніяхъ. Но для этого долженъ я познакомить васъ со своими предиачертаніями.

Сны я считаю исключительнымъ творчествомъ человѣческаго духа и потому не только вѣрю самъ, но желаю, чтобы и гласные города Тюмени въ нихъ увѣровали. Цѣль настоящаго моего письма заблаговременно поселить эту вѣру, и тогда, во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, въ родѣ того, куда вести мостовую, скоро ли провалится затюменскій мостъ, будемъ обращаться мы къ откровеніямъ; тогда вопросы будутъ решаться объективно, споровъ никакихъ и протоколы засѣданій передѣлывать по пѣ скольку разъ не придется. Словомъ, создамъ я для своихъ со^втрудниковъ „культъ—сновидѣній“, какъ было это у народовъ съ дой старины. Вѣдь не глупѣе же пасть были древніе египтяне, финикияне, греки, однако, по свидѣтельству Моисея, пророка Исаія и Діодора Сицилійскаго, ходили спать въ храмы своихъ боговъ, для получения во снѣ нужныхъ откровеній. Скажите на милость, какая намъ нужда игнорировать опытомъ самыхъ мудрыхъ народовъ? Что помѣшаетъ намъ передъ каждымъ думскимъ засѣданіемъ откомандировывать одного изъ гласныхъ выспаться, для получения откровеній, въ управскомъ залѣ, подъ предсѣдательскимъ столомъ? Увидите тогда, какъ цѣлесообразны будутъ всѣ наши постановленія.

Положимъ, такой культь не понравится врачамъ, инженерамъ и другимъ „мыслящимъ реалистамъ“, послѣдователямъ материалистическихъ наукъ. Какъ, скажутъ они, наканунѣ XX столѣтія и такой абсурдъ? Тише,тише господа! Развѣ знаменитый врачъ Галенъ не утверждалъ, что изъ сновидѣній можно извлекать предсказанія, развѣ онъ не училъ, какъ на основаніи сновидѣній направлять лѣченія болѣзней? И самъ онъ назначалъ больнымъ лѣкарства, прописанныя во снѣ, и другие врачи слѣдовали его примѣру. Положимъ, онъ былъ эмпирикъ—виталистъ, но доктрины этой школы не утратили значенія и до настоящаго времени. Такъ докторъ Шернеръ, въ сочиненіи *Das Leben des Frauns* (Берлинъ 1861 г. стр. 163), не безъ основанія говоритъ, что „если-бы практически врачи занялись изученіемъ сновидѣній, то анализъ ихъ могъ-бы помочь въ распознаваніи внутреннихъ страданій больного“.

Вы можете быть скажете, вмѣстѣ съ Шопенгауеромъ и Радештокомъ, что сонъ есть гипнотическая галюцинація, особаго рода помѣшательство. Но вѣдь и геніальность считаются помѣшательствомъ! Кто на сны обращаетъ должное вниманіе, тотъ не разъ, вѣроятно, наблюдалъ, съ какой точностю логическія умозаключенія, сдѣланныя во снѣ, подтверждаются иногда дѣйствительностю. Поэтамъ, художникамъ, математикамъ, композиторамъ случалось во снѣ рѣшать неразрѣшимыя наяву проблемы, дѣлать открытия и заниматься поэтическимъ творчествомъ. Волтеръ, наприм., одну изъ пѣсень его Генріады сочинилъ во снѣ; Тармиини создалъ во снѣ свою дьявольскую сонату, которую перенесъ потомъ на бумагу; знаменитый Крюгеръ много разъ рѣшалъ въ томъ же состояніи математической задачи, которыя не поддавались решенію передъ этимъ наяву; Сардини открылъ во снѣ такъ называемые фла жеолетные тоны; физіологъ Бурдахъ во снѣ сдѣлалъ многія научныя изслѣдованія, а Ренгольдъ создалъ теорію дедукцій категорій. Да мало-ли можно привести подобныхъ примѣровъ, если бы только пожелали того тѣ, въ убѣжденіи которыхъ я особенно нуждаюсь, ради общественнаго блага! Развѣ не случалось вамъ самимъ въ дѣствѣ и юности видѣть сновидѣнія, что повторяешь бывало трудно дававшійся урокъ, и дѣйствительно его выучиваешь?!*)

Послѣ всего изложенного, убѣждаетесь-ли вы наконецъ, госиода гласные, что во снѣ можно получать откровенія? Пожалуйста, не принимайте моего вопроса за шутку. Шутить не имѣю я никакого желанія. Понимаете-ли вы, что самый сонъ гласныхъ городской думы во время засѣданій можно будетъ благоразумно утилизировать, если только культь сновидѣній получитъ права гражданства и распространенія.

Кантъ, мудрѣйший изъ смертныхъ, цѣнилъ сонъ наравнѣ съ надеждою. „Возьмите у человѣка надежду и сонъ, говорилъ философъ, и онъ будетъ пѣсчастѣйшимъ существомъ на землѣ.“

Что касается лично меня, то въ сей юдоли „скрежета зу-

*) Оксъ. Физіология. 1880 г.

бовпаго[“] среди васть, господа, сопъ единственное мое наслаждение, а перспектива быть городскимъ головою есть единственное мое улованіе. Неужели, господа, пожелаете вы сдѣлать меня несчастнѣйшимъ существомъ, отнявъ эту послѣднюю надежду?

Хорошо,—скажете вы,—согласны спать по очереди въ думскомъ залѣ, подъ предсѣдательскимъ столомъ, для полученія откровений въ сновидѣніяхъ, но что дѣлать, если одолѣть бессонница? Понимаю, вы вызываете меня, чтобы я разъяснилъ, въ чёмъ состоитъ физіологическая причина утомленія и сна и какъ я управлять въ нужныхъ случаяхъ. Извольте расскажу, но помните, что все, кажущееся съ первого взгляда самымъ простымъ, оказывается всегда самымъ темнымъ, требующимъ изученія.

Что можетъ быть обыденнѣе сна, а между тѣмъ надъ разгадкой причины этого явленія философы и ученые думаютъ нѣсколько столѣтій! Одинъ изъ физіологовъ послѣдняго десятилѣтія (Зибертъ) пришелъ къ заключенію, что сонъ происходит отъ меньшаго прилива крови къ мозгу. Нѣжныя жилки (сосуды) че-ренной полости, вслѣдствіе эластичности, суживаются, и весь мозгъ становится бѣдище кровью. Другіе ученые находятъ причину сна въ уменьшенной дѣятельности сердца и въ общемъ замедленіи движенія крови (Фіерардъ*). Наконецъ, трети думаютъ, что физіологическая причины утомленія и сна заключаются въ накопленіи въ организмѣ, вслѣдствіе его дѣятельности, продуктовъ химического разложенія, каковы: креатинъ, угольная и мясо-молочная кислоты**) (Прейеръ). Избытокъ этихъ утомляющихъ веществъ парализуетъ проявленіе мышечной и нервной дѣятельности. Когда нервной (гангліозной) клѣткѣ не достаетъ кислорода, тогда угасаетъ сознаніе, вниманіе парализуется, воля и мысль бываютъ усилены, какъ во снѣ. (Наблюд. Прейера).

*) Vierordt. Grundriss d. Physiol. Tubin. 1872.

**) Мясо-молочная кислота, перерабатываемая мускулами, можетъ быть приготовлена лабораторнымъ путемъ. Принята вънутрь, она дѣйствуетъ усилиющимъ образомъ, подобно морфию, хлоралу и пр. (Бетшеръ, Юзефовичъ). W. Preyer Ursache des Schlafes. Stuttg. 1877.

Вѣрѣ же всего допустить, что всѣ эти причины, взятыя вмѣстѣ и въ связи одна съ другою, вызываютъ аффекты (живыя ощущенія), предшествующіе спу: дремоту, позываніе, тяжесть вѣкъ, приятную теплоту въ рукахъ и ногахъ, легкую щекочущую дрожь и проч. Далѣе является забывчивость, грезы и самый сонъ. Гипнотизеры внушеніемъ вызываютъ сначала перечисленные аффекты, служащіе предвестниками сна*), а затѣмъ, когда произойдетъ усыпленіе, въ гипнотизированномъ развиваются всѣ реакціи, которые свойственны естественному сну. Здѣсь очевидно происходитъ то же, что испытываемъ мы, когда передъ нами убѣдительно зѣваютъ или когда монотонно читаютъ романы князя Мещерскаго.

Итакъ, господа, если желаете зрѣть вѣщіе сны, нужно передъ тѣмъ, какъ итти въ думскій залъ, предварительно себя утомить легкой прогулкой, плотно покушать, выпить... но если и засимъ постигнетъ бессонница, то принять либо молочнокислаго натра, либо морфія, либо хлорала... Засыпая и готовясь зрѣть вѣщіе сны, пожалуйста, не предавайтесь трусости: ни домовой, ни сосѣдко къ вамъ не придетъ—внушеніе вы получите отъ своего внутренняго міра. Все произойдетъ въ силу естественныхъ причинъ; въ физическомъ и душевномъ состояніи вашемъ во время сна послѣдуютъ слѣдующія перемѣны:

Дѣятельность органовъ кровообращенія понизится (Фиерардъ**), скорость пульса уменьшится (на 3 и до 10-ти ударовъ). Вслѣдствіе этого (Пуркинѣ***) произойдетъ небольшое накопленіе крови въ тончайшихъ жилкахъ (сосудахъ). Дыханіе немного за-

*) Способъ гипнотизаціи профессора Бернгейма слѣдующій: пациента усаживаетъ въ кресло, затѣмъ заставляетъ его смотрѣть въ глаза нѣсколько секундъ, до 2-хъ минутъ, и громко, увѣренно, нѣсколько монотонно ему заявляетъ, что глаза его покрываются влагою, что вѣки его тяжелѣютъ, что онъ чувствуетъ приятную теплоту въ ногахъ и рукахъ. Тогда заставляетъ фиксировать два пальца (указательный и большой) лѣвой руки (гипнотизера) и если вѣки при этомъ сами собою не спадаются, то прибавляетъ: „закройте глаза!“

**) Vierordt. Grundriss d. Physiol. 1872.

***) Purkinj . Wachen, schlaf. etc. Braunschw. 1846.

медлится (будетъ относиться къ дыханію въ состояніи бодрствованія какъ 3 къ 4), и процентное содержаніе углекислоты въ выдѣленномъ воздухѣ будетъ на $\frac{1}{4}$ менѣе (Шарлингъ). Движеніе пищеварительныхъ органовъ замедлится (Башъ*) и вынотѣніе уменьшится почти на $\frac{1}{4}$ (Вейрихъ**).

Душевная дѣятельность во время сна иногда понижается, а иногда проявляется въ полной своей силѣ. Наблюдая спящаго, не трудно бываетъ замѣтить на лицѣ его смѣну выраженій (досаду, ужасъ, радость и пр.), которые указываютъ на существованіе во время сна сооответствующихъ представлений и понятій.

Въ частности память рѣдко покидаетъ уснувшаго и проявляется въ большемъ объемѣ, нежѣли въ состояніи бодрствованія (Лохеръ***). Мы часто видимъ во снѣ съ поразительной ясностью лавшафты, вещи и людей, о которыхъ въ состояніи бодрствованія ни коимъ образомъ не можемъ вспомнить, даже въ общихъ чертахъ (Валентинъ, стр. 385). Воля наша не участвуетъ въ образованіи и теченіи сновидѣній, а самосознаніе сильно ослаблено. Каждому известны тягостные ощущенія невозможности произвести движение или освободиться отъ страшнаго сновидѣнія. Мысленіе принимаетъ особый характеръ, отличный отъ того, который свойственъ ему въ бодрствующемъ состояніи. Во снѣ мы не можемъ провѣрять его дѣйствительностью; мы видимъ безъ всякаго контроля теченіе представлений появляющихся, мѣняющихся и исчезающихъ; мы тогда не можемъ господствовать надъ фантазіей. Наше сонное самосознаніе дѣлаетъ иногда невозможное сочетаніе образовъ и предметовъ и вѣрить этимъ сочетаніямъ, допуская самыя широкія и смѣлые обобщенія.

Въ сновидѣніяхъ отсутствуетъ мѣра времени: события мно-

*) Basch. Die volumetrische Bestimmung des Blutdrucks am Menschen. Wien. 1876.

**) Weyrich. Die unmerkliche Wasserverdѣнstung der menschlichen Haut. Leip. 1862.

***) H. Locher. Ueber den schlaf und die Fräume. Zurich 1853.

гихъ лѣтъ и цѣлой жизни могутъ пройти въ представлениіи въ неимовѣрно короткое время. Такъ наприм. одинъ изъ гласныхъ (даже интеллигентъ) разсказывалъ мнѣ, что во время какого-то предложенія головы, ему приснилось, что онъ въ Нижнемъ, на пожарѣ сибирской пристани, при чёмъ видѣлъ всѣ аксессуары этого зрелища; между тѣмъ заснулъ на нѣсколько секундъ.

Изъ приведенныхъ фактовъ видите, что сонъ человѣка представляетъ особую сферу душевной дѣятельности, отличную отъ той, въ которой мы находимся въ бодрствующемъ состояніи.

Мне остается теперь показать, какъ создаются вѣщіе сны и тогда, надѣюсь, вѣра въ нихъ будетъ укрѣплена и цѣль моя окончательно достигнута.

Чтобы понять, гдѣ лежитъ источникъ вѣщихъ сновъ, нужно представить себѣ, что душевное состояніе наше въ бодрствующемъ состояніи представляетъ двѣ замкнутыхъ сферы. Одну глубокую, въ которой покоится особенный міръ, со всѣми чарами несознанныхъ чувствъ и пеясныхъ мечтаній, и другую, болѣе поверхностную, такъ сказать обиходную, которая контролируется чувствами, волей и сознаніемъ. Это какъ-бы два шара, вложенныхъ концентрически одинъ въ другой. Органы душевной дѣятельности—память, мышленіе, фантазія, воля и пр. въ каждомъ концентрикѣ имѣютъ свои характерные особенности.

Масса образовъ, чувствъ и идей, которыя мы пережили въ жизни и которыя несомнѣнно оставили въ насъ слѣды своего влиянія, сохраняются въ глубинѣ души внутреннею памятью. Этотъ матеріалъ находится какъ-бы въ скрытомъ патенциальномъ состояніи и можетъ быть вызванъ воспоминаніемъ*) только при особыхъ исключительныхъ условіяхъ. Обиходная, виѣшняя память касается только недавно возбужденныхъ представлений, которыя, быстро смѣняясь, вытѣсняютъ одно другое, исчезаютъ и какъ-бы тонутъ въ глубинѣ нашего духа, но не уничтожаются безслѣдно. То же самое нужно сказать и относительно мышленія:

*) Память есть свойство удерживать въ душѣ психические акты; воспоминаніе есть вторичное появленіе въ нашемъ сознаніи прежняго акта.

масса приемовъ, навыковъ и способовъ умозаключеній покоятся въ глубинѣ нашего духа и только нѣкоторыя изъ нихъ мы употребляемъ въ обиходной жизни. Наша фантазія, всегда подавленная обыденностю, входитъ въ свои права только тогда, когда мы отрѣшаемся отъ окружающихъ впечатлѣній и погружаемся во внутренній міръ.

Такимъ образомъ память, которой мы пользуемся, соображеніе, которое примѣняемъ къ дѣлу, фантазія, которой живемъ, составляютъ внѣшнюю сферу душевнаго состоянія, находящуюся постоянно въ оборотѣ (въ дѣятельномъ состояніи). Во внутренней, болѣе глубокой сферѣ жизнедѣятельность тѣхъ же душевыхъ силъ недоступна бодрствующему сознанію. Первая, т. е. внѣшняя сфера дѣятельности, регулируется волей и органами чувствъ. Вторая, или внутренняя—свободна отъ этихъ факторовъ и зависитъ отъ навыковъ и привычекъ, сохранившихъ памятью.

Внутренній міръ, скрытый въ глубинѣ человѣческаго духа, не поддающійся самосознанію, имѣетъ однако свою собственную логику. Повидимому, исчезнувшіе изъ обиходной памяти образы, посылки, умозаключенія этого міра, въ быстротѣ своего теченія, безсознательно создаютъ тѣ настроенія чувствъ (предчувствій), которые часто живутъ въ нась въ продолженіе большей части жизни, охватываютъ человѣка и царятъ надъ пестрымъ міромъ его идей, съ трудомъ или вовсе не подчиняясь волѣ. Каждый чувствуетъ это настроеніе въ себѣ, но не можетъ объяснить его, а тѣмъ болѣе заглянуть во внутреннюю сферу своего духа, гдѣ находится источникъ этихъ настроеній. Нерѣдко въ бодрствующемъ состояніи, желая проникнуть въ этотъ міръ, чтобы вспомнить утраченное памятью или употребить болѣе строгій способъ мышленія, человѣкъ старается устранить себя изъ внѣшняго міра, предаваясь мышленію съ закрытыми глазами въ глубокой тишинѣ.

Во время сна съ парализованной волей, съ слабымъ самосознаніемъ, съ притупленными органами чувствъ, мы погружаемся во внутреннюю сферу душевной жизни, въ міръ, гдѣ память воспроизводитъ много забытыхъ посылокъ для умозаключеній, гдѣ

потерянные навыки мышления выступают въ полной силѣ и гдѣ фантазія даетъ материалъ для самыхъ широкихъ обобщеній. Неопределенное чувство, результатъ внутренней логики, раньше не сознаваемое, воплощается теперь въ фантастические образы.

Удивительно ли послѣ всего сказанного, что во снѣ можно творить, решать сложныя математическія задачи и дѣлать научныя открытия! Что же такое вѣщіе сны, какъ не образы тѣхъ настроеній, которые созданы внутреннимъ мышленіемъ? У тѣхъ людей, которые привыкли къ самосозерцанію и которые обладаютъ строгой логикой, откровенія во снѣ должны получать известную определенность, которая обуславливаетъ предсказанія и ясновидѣніе.

Теперь, спрошу я васъ, м.м. гг., допускаете-ли вы возможность откровеній, которые можемъ мы получать въ сновидѣніяхъ?

Предѣлы настоящаго письма не позволили мнѣ раскрыть во всей полнотѣ доказательства естественности вѣщихъ сновъ. Но если сразу я и не достигъ своей цѣли, то все же утѣшаю себя тѣмъ, что навелъ на небезполезныя мысли надъ удивительнымъ въ нашей организаціи. Хорошо вѣдь заняться иногда изученіемъ самого себя и возвыситься надъ бѣдными интересами нашей жизни.

И такъ спрашиваю еще разъ, согласны-ли вы, м.м. гг., для получения откровеній уединяться въ думское зало подъ предсѣдательскій столъ? Попробуй у меня тогда какой-нибудь молокосось поднять въ засѣданіи свой голосъ — сейчасъ его подъ столъ!*)

*) По моимъ свѣдѣніямъ, въ одной думѣ засыпаше гласныхъ, хотя и не подъ столомъ, во уже начинается. Нѣтъ тутъ ничего и странного. Нѣкоторыя изъ англійскихъ газетъ говорятъ, что главнымъ достоинствомъ для члена палаты общинъ нужно считать умѣніе во время спать на засѣданіяхъ и во время бодрствовать. Такимъ умѣніемъ въ высшей мѣрѣ отличается г. Гладстонъ, котораго часто видятъ преснокойно спящимъ на своей передней скамейкѣ. Но въ этомъ отношеніи нѣкоторые депутаты переходятъ границы и переносятъ привычку спать во время засѣданій и въ другія учрежденія. Членъ палаты общинъ сэръ Ричардъ Темпль, обыкновенно спящій въ палатѣ общинъ, 22 мин. февраля, перенесъ этотъ обычай и въ школьній совѣтъ, гдѣ онъ также состоялъ членомъ. Но тамъ ему не дали спать спокойно, можетъ быть, потому, что онъ слишкомъ громко хра-

Выспись-де предварительно, а потомъ и кричи, куда тебъ выгоднѣе проводить мостовую.

А propos: Говорять, что въ думѣ заняты теперь разработкой вопроса о переустройствѣ городскихъ скотобоенъ и предполагаютъ соорудить ихъ по образцу саратовскихъ. Потерпите немногого, господа гласные, вѣдь я же говорилъ вамъ (письмо X), что мною составленъ уже проектъ этимъ постройкамъ, на основаніи самого послѣдняго слова ветеринарно-санитарной науки. Брезгуйте вы моими совѣтами, ну Богъ съ вами, господа дѣльцы-строители. Воспользуйтесь по крайней мѣрѣ указаніями на этотъ предметъ доктора Кравцова, моего друга-пріятеля, главнаго ветеринара въ Петербургѣ; они изложены въ его сочиненіи „Убойный скотъ въ Петербургѣ“ (С.-Пет. 1886 г.) Да не мѣшало бы вамъ пріобрѣсти также отчеты комиссіи петербургскихъ городскихъ гласныхъ за 1881—82 гг. по устройству скотобоенъ, гдѣ можно найти всѣ необходимыя свѣдѣнія по этому вопросу и подробное описание убойныхъ камеръ, пользующіяся теперь европейской извѣстностью.

XIV.

Великій постъ, 23 марта.

Хочу вооружиться смиренномудріемъ и прекратить на время свою переписку. Нѣкоторые тюменскія дамы обижены... и я, такимъ образомъ, лишилъ себя пасхальныхъ подѣлуевъ. Пишу потому только, чтобы не останавливаться на чертовой дюжинѣ,

иѣль. Его товарищъ по школьному совѣту, г. Станли, смотря на него, сказалъ громко: „Онъ охотится даже во снѣ, какъ собака“. Другой членъ совѣта, г. Горобэнъ, попросилъ предсѣдателя предложить сэру Ричарду Темплю спать, но не храпѣть, а г. Боун выразилъ желаніе, чтобы сэръ Ричардъ хралѣль въ болѣе пріятномъ тембрѣ. Пришлось разбудить храпѣвшаго, и привычка, удобная въ палатѣ, оказалась непригодною въ школьному совѣту. (Прим. корректора.)

т. е. на тринадцатомъ письмъ, и не остаться въ долгу по поводу примѣчанія редакціи о членахъ англійской палаты общинъ.

Если такие маститые государственные дѣятели, какъ Гладстонъ, Темпль и Стенли, имѣютъ обыкновеніе засыпать въ общественныхъ засѣданіяхъ, то нашимъ городскимъ гласнымъ и «Богъ велѣлъ»! Спрашивается теперь: желаетъ-ли редакція такимъ указаниемъ поддержать мой проектъ о культи сновидѣній или подрываетъ къ нему довѣріе моихъ согражданъ? Въ послѣднемъ случаѣ она жестоко ошибается, ибо гласные наши непремѣнно изжелаютъ сдѣлаться Гладстонами и будутъ спать непробуднымъ сномъ. Англичане впадаютъ во время засѣданій въ легкій бредъ вслѣдствіе старости и усталости, такъ сказать—экстраординарно; мнѣ же предначертано сдѣлать сонъ гласныхъ ординарнымъ, ввести въ принципъ и утилизировать. Какъ видите, здѣсь лежитъ огромная разница и въ цѣляхъ и въ обстоятельствахъ. Поэтому прошу редакцію не мѣшать мнѣ на будущее время своими примѣчаніями*). Скоро будетъ для всѣхъ ясно, «какъ Божій день», что своею практическостью перещеголяю я самую практическую націю на земномъ шарѣ—просвѣщенныхъ мореплавателей!

Редакторъ замѣчаетъ, что англичанамъ въ школьныхъ засѣданіяхъ не даютъ заснуть даже на одну минуту, а у насъ члены общества попеченія обѣ учащихся почивали весь предыдущій годъ, за что и сдѣлали въ годичномъ собраніи сами себѣ упрекъ въ бездѣятельности; при этомъ предсѣдатель общества, зная «местные нравы», благоразумно ретировался отъ непріятностей. Въ концѣ засѣданія, какъ принято въ благоустроенныхъ учрежденіяхъ, члены выразили распорядителямъ благодарность и спокойно разошлись по домамъ. Чрезъ три недѣли въ общемъ собраніи избрано восемнадцать членовъ совѣта, въ число которыхъ по недоразумѣнію вошла даже одна женщина. Говорю «по недоразумѣнію», ибо составители устава (враги женской эмансипаціи), въ одномъ изъ его параграфовъ съ деликатной осторожностью ого-

*.) Оплошность, которой мы обязаны сонливости англичанъ и словоохотливости корректора Да извините насть, г. Не гласный! Болѣе не повторится.. Ред.

ворили, что непремѣнными членами могутъ состоять только лица «мужескаго пола». А разъ уставъ утвержденъ, нужно исполнить его съ буквальной точностью. Не грѣшать въ нарушеніи его только городской и ремесленный головы, ибо засѣданій общества не посѣщаются и интересами его не проникнуты. А почему? Потому, что уставъ общества предоставляетъ это ихъ благоусмотрѣнію. Тамъ прямо сказано, что голова «состоитъ непремѣннымъ членомъ общества по изъявленію на то согласія!» Кому-бы, кажется, должны быть ближе интересы начального образованія, какъ не представителямъ городского управления, а между тѣмъ они-то и блестятъ своимъ отсутствиемъ въ засѣданіяхъ общества. Вотъ почему въ Тюмени, на 37,000 жителей, въ числѣ учащихся состоитъ 462 мальчика и 387 дѣвочекъ; но и этотъ ничтожный процентъ находится въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Школь въ Тюмени въ двадцать разъ менѣе, чѣмъ кабаковъ*) и трактиръ, но по опрятности онѣ мало отличаются отъ послѣднихъ. Дѣти, вслѣдствіе скученности, дышать воздухомъ болѣе испорченнымъ, чѣмъ въ угольныхъ шахтахъ, потому что на ученика рѣдко приходится болѣе кубической полусажени зараженнаго воздуха. Ради того, чтобы выйти изъ школы малограмотнымъ, дѣтва на всю жизнь портить свое здоровье. Мальчики, вырвавшись изъ школьной кутузки на воздухъ и принявши за самостоятельный физическій трудъ, не рѣдко поправляются, а дѣвушки, будущихъ матерей семействъ, плохая школа уродуетъ на всю жизнь. Обратите вниманіе на гимназистокъ, прогимназистокъ и прочихъ школьнокъ и увидите, что по крайней мѣрѣ двѣ трети изъ нихъ малокровны, съ испорченнымъ зрѣніемъ и впалой надорванной грудью. И этой-то дорогой цѣнной загубленнаго здоровья покупаются весьма сомнительныя иногда, мало пригодныя для жизни, познанія.

Заглянемъ въ приходскую школу и посмотримъ, что тамъ творится. Въ ящики въ 30 кубическихъ саженъ помѣщается около полусотни учащихся; въ спертомъ воздухѣ пахнетъ потомъ

*) Къ кабакамъ отношу я и такъ называемыя кислощайныя заведенія, находящіеся подъ надзоромъ полиціи.

сапожной кожей и чѣмъ-то противно затхлымъ. На каждомъ орудіи школьнай пытки, которая принято называть «партами», сидѣть по три и по пяти учащихся. Неправильно изогнутая спинка сидѣнья давить въ подлопаточную область спины, позвоночникъ изогнуть влѣво, пра ое плечо приподнято, грудь надавливается во время письменныхъ упражненій острый край столешницы, шея изогнута на бокъ, большинство фиксируетъ во время чтенія и письма правымъ глазомъ.

Передъ вами молоденькая учительница ведеть урокъ объяснительнаго чтенія по методѣ Ельницкаго.

— Выньте книги!—командуетъ учительница.

Начинается стукотня крышками классныхъ столовъ и, наконецъ, наступаетъ тишина.

— Читайте, Павловъ!—приказываетъ учительница.

— «Сѣренкій козликъ»,—прочиталъ ученикъ.

— Такъ о чёмъ мы будемъ читать?

— «О козликѣ!»—отвѣтываетъ ученикъ.

— Козликомъ называется маленький козелъ,—поясняетъ учительница.—Читайте далѣе!

— «Жиль-былъ у бабушки сѣренкій козликъ...» отчеканилъ бойкій мальчикъ.

— Григорьевъ! О чёмъ тутъ говорится?

— «О козликѣ!»

— Полный отвѣтъ?! Парфеновъ, какъ сказать?..

— «Здѣсь говорится о козликѣ»—отвѣтываетъ мальчикъ.

— Что говорится о козликѣ, Павловъ?

— «Жиль-былъ»—отвѣтываетъ Павловъ.

— «Здѣсь говорится—жиль былъ»—отвѣтываетъ ученикъ.

— Такъ... дальше читайте Парфеновъ.

— «Бабушка козлика страшно любила...»

— О чёмъ тутъ говорится?—прерываетъ учительница.

— «О козликѣ!..»

— Что «о козликѣ» говорится?

— «Что его бабушка любила!» вскрикнулъ ученикъ.

— Нин... спохватилась учительница...—Нѣтъ, дѣти, тутъ

не о козлике говорится, а о бабушкѣ—вѣдь она козлика любила... говорить учительница и приказывает читать дальше.

— «Бабушка козлика чаемъ поила»—продолжаетъ ученикъ.

— О чемъ тутъ говорится?

— «Здѣсь говорится о бабушкѣ,»—обстоятельно отвѣчаетъ мальчикъ—«что она козлика чаемъ поила.»

— Какъ-же это бабушка могла поить козлика чаемъ? Развѣ козлики пьютъ чай?—спрашиваетъ учительница.

Ученики опять въ недоумѣніи; одинъ изъ нихъ крикнулъ, что «козловъ чаемъ не поятъ!»

— Да, дѣти, козлики чаю не пьютъ, а въ книжкѣ объ этомъ сказано иносказательно. Читайте дальше!—скомандовала учительница.

— «Вздумалось козлику въ лѣсу погуляти»—читаетъ ученикъ.

— О чемъ тутъ говорится?

— «Здѣсь говорится—козлику захотѣлось въ лѣсу погуляти»—отвѣтилъ мальчикъ.

— Хорошо. Дальше читайте, Григорьевъ!

— «Фюйтъ-на! Да вотъ какъ!» продолжалъ ученикъ.

— О чемъ говорится? спросила учительница. Парыгинъ! Федотовъ! Павловъ! О чемъ здѣсь говорится?

Въ классѣ водворилось молчаніе; учительница на минуту замялась и потомъ доктринально пояснила:

— Здѣсь, дѣти, не о чемъ не говорится; это просто «такъ-себѣ». Осиповъ, читайте дальше!

— «Задрали козлика сѣрые волки...» продолжаетъ мальчикъ.

— Дальше! приказываетъ учительница.

— «Остались отъ козлика рожки да ножки. Фюйтъ-на...»

— Дальше не надо; тамъ опять восклицаніе. Почему-же отъ козлика остались только рожки да ножки? Федотовъ! Павловъ! Вы? Вы?— обращается къ дѣтямъ учительница.

Утомленные катехизацией ученики молчатъ.

— Потому, дѣти, что рожки волки не Ѵдятъ,—отвѣчаетъ за нихъ учительница.—Ну, а какое изъ этого можно вывести правило?

Не получивъ отвѣта, учительница прибѣгаєтъ къ наводящимъ вопросамъ.

— Скажите же, дѣти, хорошо быть козлику?

— «Нѣть, не хорошо!» — отвѣтили нѣсколько мальчиковъ.

— Тсс... я же вамъ говорила, что разомъ отвѣтить нельзя.

А хорошо было бабушкѣ?

— «Нѣть, не хорошо!» отвѣтили дѣти.

— Вотъ и выходитъ правило, поясняетъ наставница, что нужно слушаться старшихъ и ничего не дѣлать безъ ихъ разрѣшенія. Выньте изъ столовъ тетради!

Снова застучали крышки стола, а когда все стихло, началось утомительное письмо по командѣ: «рааазъ, раазъ... рааааазъ...» и т. д.

И такъ изо дня въ день, съ начала до конца обученія.

Твердили мнѣ всегда о пользѣ просвѣщенія.

— „Пусть такъ, однако же ученье безъ умѣнья —

Не польза, а бѣда“! *)

Тяжела дѣтская жизнь, горьки корни ученія, не сладче того доля учительницы. Оторванная отъ семьи и предоставленная самой-себѣ, съ расшатаннымъ здоровьемъ, въ самую лучшую пору жизни, влечить она трудовую тяжелую жизнь. Скудный заработка едва покрываетъ ея скромныя потребности въ пищѣ и одеждѣ. Объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей (кромѣ религіозныхъ), присущихъ человѣку, одаренному безсмертнымъ духомъ, у насъ въ Тюмени и помышлять нельзя. Кругомъ существа вполнѣ тѣлесныя, съ слабо развитыми эмоціями. На этой степени развитія нравственная потребность служенія ближнему вращается въ предѣлахъ тщеславія, въ желаніи обратить на себя вниманіе. Особенно грѣшать въ этомъ отношеніи женщины. Ихъ привлекаетъ перспектива общественныхъ хлопотъ и руководительства. Подумайте сами, развѣ не пріятно хорошенькой дамочкѣ предсѣдательствовать, въ особности если съ боку душка секретарь?!

Для удовлетворенія умственныхъ потребностей въ нашемъ обширномъ городѣ есть библіотека въ приказчицемъ клубѣ. Но

*) Шаховской. „Пустодомы“.

что можетъ извлечь оттуда молоденькая дѣвушка, кромѣ пикантныхъ романовъ плохой иностранной стряпни? Школы не выписываютъ ни одного педагогического журнала, ни одной газеты, и слѣдить за текущей литературой нѣтъ никакой возможности.

Кромѣ религіозныхъ, нравственныхъ и умственныхъ потребностей, разумному человѣку присущи еще потребности эстетическая. Безъ удовлетворенія ихъ притупляются стремленія человѣка ко всему прекрасному и высокому; эти стремленія, помимо доставляемаго наслажденія, способствуютъ преобладанію въ человѣкѣ духовной жизни надъ чувственной. Что можетъ дать Тюмень для удовлетворенія эстетическихъ потребностей молодого организма? Вы скажете Текутьевскій театръ. Но мой коллега по профессіи (прости Господи его заблужденія!) сильно грѣшить, угощая публику такими пьесами, отъ которыхъ даже у старичковъ въ глазахъ зеленѣеть. А пьесы, въ родѣ «Плодовъ просвѣщенія», при дурной постановкѣ, развѣ могутъ въ юной душѣ возбудить идеи прекраснаго? Въ чемъ спрашивается найдутъ для себя пищу высокія стремленія души среди людей, гдѣ понятіе о добрѣ не отдѣляется отъ понятія о выгодѣ, гдѣ гуманность, честность и справедливость считается простофильствомъ и дурачествомъ и гдѣ практическое евангеліе, даже такъ называемыхъ интеллигентовъ, состоитъ въ пріобрѣтеніи денегъ и денегъ во что-бы то ни стало.

Кромѣ перечисленныхъ духовныхъ потребностей, человѣку присуща еще потребность въ общеніи съ себѣ подобными. Потребность эта настолько сильна, что неудовлетвореніе ея вызываетъ чувство одиночества и вообще тяжелое душевное состояніе.

И вотъ въ этомъ отношеніи едва-ли есть въ Сибири другой городъ, гдѣ-бы дѣвушка-учительница пользовалась такимъ невниманиемъ общества, какимъ пользуется она въ Тюмени. Я не говорю про мѣстную денежную аристократію, которая традиціозно относится съ-высока къ людямъ не имущимъ, но не лучше относятся къ дѣвушкѣ-учительницѣ и тѣ, такъ называемыя интеллигентныя дамы, которые сами были бѣдными гувернантками и учительницами и, только благодаря случайности, попали въ ряды „брильянтовой сотни“. У этихъ особъ, какъ только завелась ал-

мазная брошка, такъ сейчасъ же является покровительственный тонъ и полное забвеніе прежняго положенія.

Жизнь приходскаго учителя еще тяжелѣе. Обремененный семьей, пришибленный тяжелой борьбой за существованіе, забитый трудомъ, всегда нуждающійся въ самыхъ первыхъ потребностяхъ, отвѣтственный за горькую участъ своихъ дѣтей, едва плеется онъ по узкой житейской тропинкѣ. Безнадежно смотрить впередъ, потому что тамъ, какъ для другихъ чиновниковъ, не блещеть для него лучъ надежды на лучшее будущее. Обеспеченіе онъ получаетъ гораздо меньше масленщика при паровой машинѣ, а между тѣмъ ему вѣрены сотни дѣтей будущихъ гражданъ — думскихъ дѣятелей. Въ общественной жизни на этихъ тружениковъ денежная аристократія смотрить какъ на „паймитовъ“ и ставить на ряду со своими приказчиками.

Сыро, неуютно, пусто и холодно! И въ этой обстановкѣ слабый свѣтильникъ стоитъ подъ столомъ. Сгораетъ онъ не по днямъ, а по часамъ; а кругомъ, въ непроглядной тьмѣ, лиходѣйствуютъ, шумятъ, о чемъ-то „пекутся“, кому-то благотворять, а въ сущности.... но сущность нельзя разобрать за одуряющимъ смрадомъ. Но что же дѣлать? Погодите, потерпите! Изберутъ меня головой, и свѣтильникъ будетъ у насъ на столѣ. Я не врагъ образованія,—не дѣлайте такого заключенія по моему первому письму; не долюблю только реальныя училища (провались они!), и то за ихъ свободомысліе. Въ школѣ кантоnistовъ воспитали во мнѣ духъ консерватизма и пристрастіе къ строгимъ порядкамъ. Раза три доводилось мнѣ руководить интернатами, и все были въ восхищеніи отъ моего управления. Аракчеевскій режимъ былъ у меня на первомъ планѣ: свободомысліе искоренялъ я сразу, какъ ноющій зубъ, а для этого исполосовать у виновнаго спину и руки ременнымъ кнутомъ мнѣ ничего не стоило. За то, какъ сожалѣли всѣ, когда я оставилъ воспитательную дѣятельность, въ особенности мой протеже и помощникъ во всѣхъ тайныхъ и явныхъ прегрешеніяхъ. Объ этомъ, впрочемъ, будетъ рѣчь впереди, ибо думаю я въ назиданіе вамъ, господа, написать свою житейскую исповѣдь. Перехожу къ дѣлу: принявъ въ свое управлениe общe-

ственныи сундукъ, школьнымъ дѣломъ буду руководить я активно и неукоснительно, но такъ сказать изъ-далека. Въ предсѣдатели общества попеченія обѣ образованіи привлеку человѣка съ вѣсомъ, съ вліяніемъ, со средствами и приэтомъ всѣми въ городѣ уважаемаго. Такіе люди не рѣдкость, и я не теряю надежды на ихъ просвѣщенное участіе. Почему отказываются всѣ мужчины отъ предсѣдательскаго кресла? А потому, что боятся лишняго краснорѣчія сотрудниковъ. Для этого въ засѣданіи общества право на длинныи рѣчи обложу я крупнымъ акцизомъ *) съ благотворительною цѣлью. А то, посудите сами—есть такіе члены, которые внесутъ всего рубль, а наговорятъ въ засѣданіи съ три короба разныхъ разностей. Положимъ, встрѣчаются въ этихъ рѣчахъ проблески мысли, усѣянные цвѣтами краснорѣчія, но по моему, если желаешь, братецъ, съ благотворительной цѣлью терзать вниманіе общества, то по крайней мѣрѣ заплати за свое прауднословіе.

Для увѣличенія средствъ общества, кромѣ общепринятыхъ белендрясовъ, въ родѣ спектаклей, живыхъ картинъ и пр., которые созидаются часто ради бездѣлья и удовольствія распорядителей, устрою я для культурной публики въ думской залѣ публичныи чтенія при помощи тѣхъ самыхъ лекторовъ, о которыхъ упоминалъ я прежде. Самъ же выступлю съ обработаннымъ курсомъ по исторіи карточной игры. Чтенія мои будутъ поучительными, особенно если я иллюстрирую ихъ туманными картинами.

По поводу дамъ всѣхъ четырехъ мастей изложу я придворную жизнь Франціи первой половины XV столѣтія; раскрою предъ почтенной публикой страшную историческую драму, участницами которой были: трефовая дама или Марія Анжуйская, жена Карла VII, мать его добродѣтельная Изабо Баварская -- королева червонная, Агнесса Сорель**)—придворная дама бубень и, наконецъ,

*) Акцизъ имѣть двойное значеніе: урѣзываніе и палогъ; избралъ это слово потому, что оба значенія въ данномъ вопросѣ имѣютъ смыслъ.

**) Агнесса Сорель жила при дворѣ Карла VII, который, благодаря ея вліянію, вышелъ изъ постыдного бездѣйствія въ то время, когда англичане овладѣли Франціей.

пиковая — Іоанна д'Аркъ, красавица безъ страха и упрека — идеаль, къ которому должна стремиться всякая женщина.

Четыре валета: пиковый — Ожье Датчанинъ, рыцарь среднихъ вѣковъ, трефовый — Лянсело, герой поэмы Рыцаря озера, бубновый — Гекторъ Троянскій и червонный — Ла-Гиръ, храбрый сподвижникъ Карла VII *), дадуть мнѣ поводъ для изложенія многихъ весьма интересныхъ монографій. О короляхъ и говорить нечего; они представляютъ неисчерпаемый источникъ для историческихъ рассказовъ.

Словомъ, подробности всего этого узнаете вы, господа, впослѣдствіи изъ моихъ лекцій и будьте увѣрены, когда ихъ прослушаете и сядете потомъ за карты, предъ вашимъ умственнымъ взоромъ встанетъ историческая драма отдаленаго прошлаго. Пошли я приглашенія на мои лекціи курганскимъ учительницамъ, ибо говорятъ, что онѣ не прочь поиграть въ карточки съ хорошими людьми.

Теперь позвольте увѣритъ васъ, господа, что, съ помощью такихъ благоразумныхъ мѣръ, общество попеченія о народномъ образованіи подниметъ у меня свое знамя гораздо выше, чѣмъ несутъ его „смолянки“ **), попавшія въ пустынныій городъ Ялуторовскъ. Стоглавая гидра невѣжества, которая сотнями пожираетъ дѣтей нашихъ, будетъ изрублена и раздавлена. Номните только, что Господь — Истина воздвигаетъ вамъ великаго ревнителя проповѣщенія и строгаго блестителя нравственности. До свиданія!

*) Изобрѣтатель собственно французской карточной игры. Многіе ошибочно думаютъ, что карты изобрѣтены для безумнаго Карла VI; вообще карты существовали задолго до Карла VI, а французскія карты — изобрѣтены позднѣе.

**) Воспитанницы Смольнаго института.

XV.

(послѣдніе)

Безъ числа.

Богъ съ вами, милые граждане! Не отвѣтили вы въ теченіе полугода ни на одно мое письмо, между тѣмъ потихоньку да помаленьку свое будущее самоуправлѣніе обеспечили, а меня оставили «при одномъ только желаніи». Вамъ вѣдь извѣстно, что думскихъ постановленій я не читаю, признавая сіе занятіе безполезнымъ, а узнаю о происходящемъ въ вашемъ мірѣ исключи-тельно отъ пріятелей, которые занимаются этимъ пустымъ дѣломъ. Такими пріятелями считалъ я васъ, а вы и не сказали мнѣ, что городской голова давнымъ-давно вами предуготованъ и стоять, какъ сообщила мнѣ одна добрая барыня, за дружиной самъ-шестнадцать. И дружина сія соединена телефонами и вооружена дальнобойными орудіями съ бездымнымъ порохомъ. Чтобы выступить въ походъ, не достаетъ ей только лѣкаря, кашевара и коновала. Но когда сіи лица будутъ завербованы, тогда голова станетъ самъ-девятнадцать, что и требовалось доказать. Изъ-за че-го же я ломалъ голову, составляя проекты по всѣмъ отраслямъ городского благоустройства, изъ-за чего я трудился надъ составленіемъ писемъ къ вамъ? Сколько геніальности потрачено, сколько остроумія потеряно совершенно даромъ! Письмами своими до-стигъ я весьма немногаго. Во-первыхъ, каменную мостовую по-ведутъ не по Царской улицѣ, а какъ я проектировалъ закоулка-ми и, по счастливой случайности, какъ разъ мимо двухъ-трехъ домовъ, въ которыхъ обитаютъ вліятельные гласные города. Во-вторыхъ, узнавъ, что тоболяки «тянутъ» къ себѣ желѣзную до-рогу, дѣльцы наши раскаиваются, что во время меня не послу-шали и не взяли сами концессію. А въ-третьихъ, не въ примѣръ прочему, для постройки городскихъ боенъ будетъ составлена сѣ-та въ двадцать тысячъ рублей и, на случай неудачи, предпола-гается отложить еще двадцать тысячъ капитала запаснаго.

Полагая, что мѣстные инженеры и архитекторы плохо знакомы съ рациональнымъ устройствомъ убойныхъ камеръ и въ особности лабораторій для изслѣдованія, по моему мнѣнію, слѣдовало бы командировать на лѣто для ознакомленія съ подобными сооруженіями въ столицахъ двухъ делегатовъ, съ пособіемъ тысячи по двѣ на брата, въ счетъ прогонныхъ и подъемныхъ денегъ. Зачѣмъ же посыпать двухъ, когда и одинъ можетъ вполнѣ оправдать къ себѣ довѣrie? Въ этомъ случаѣ ставлю я въ примѣръ Бердичевскую думу, гдѣ лѣтъ десять назадъ съ тою-же цѣлью отправлены были въ столицу голова съ ветеринарами. Когда одинъ изъ гласныхъ задалъ вопросъ, подобный вышеложенному, то ему остроумно и справедливо отвѣтили: голова можетъ смотрѣть и ничего не увидѣть, ибо не специалистъ этого дѣла, а ветеринаръ несмотря можетъ все увидѣть и составить отчетъ о своей поѣздкѣ. И всѣ согласились съ этимъ соображеніемъ. Дѣйствительно, господа, смотрѣть и видѣть, знать и умѣть, говорить и дѣлать—такія понятія, которыя кажутся только тождественными, но между ними лежитъ глубокая пропасть.

Письмами своими, повторяю, достигъ я немногаго, но всякий согласится съ тѣмъ, что имѣлъ я доброе намѣреніе оказать услугу городскому обществу, и посмотрите, сколько за это получилъ и предвижу получить разныхъ непріятностей! Какъ и было уже сказано въ предыдущемъ письмѣ, лишилъ я себя пасхальныхъ поцѣлуевъ, со стороны многихъ добродѣтельныхъ дамъ, а мужья ихъ здороваться со мной перестали, потому на поздравленія съ праздникомъ нечего и разсчитывать. Ну, ассору мою съ Маммеей Аммоновной развѣ вы не во что ставите? Да она теперь и смотрѣть на меня не хочетъ. Затѣмъ, 16 марта, въ среду получилъ такую страшную икоту, что чуть не вырвало. Должно быть кто-нибудь поминалъ не добрымъ словомъ. Наконецъ, узналъ я изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что учрежденъ надо мною тайный дамскій надзоръ. Таковой имѣть цѣлью строго слѣдить, авось не проговорюсь ли я насчетъ неблагонадежности городскихъ строителей и соорудителей, дабы съ поличнымъ потянуть меня на «цугувдеръ», какъ дѣлаютъ это гаванскіе чиновники-пропой-

цы съ подгулявшими купчиками, чтобы получить возмездіе за оскорбленіе ихъ благородія. На всякий случай симъ писаніемъ руки моей удостовѣряю, что о благонамѣренности и благонадежности дѣльцовъ-строителей сохраняю я самое высокое мнѣніе.

Не разъ задавали мнѣ вопросъ: что преслѣдую я своими письмами? Предоставляю вамъ, мм. гг., дѣлать по поводу сего какія-угодно догадки, только пожалуйста не думайте, что заинтересованъ я цѣлями обличительными. Какое мнѣ дѣло до того—въ годъ ли расчистять русло рѣки Туры, въ пять ли лѣтъ, или наконецъ, совсѣмъ не расчистять; миллионъ или десять миллионовъ на это истратятъ? Не все ли равно мнѣ: по Царской улицѣ поведутъ мостовую или по отдаленнымъ закоулкамъ; истратятъ на мосты по сѣмъ 16 тысячъ рублей или безъ сѣмъ 26 тысячъ? Рѣшительно—все равно. Говорять, напримѣръ, что Гете до сихъ поръ не отдалъ отчета по постройкѣ тюменской желѣзной дороги или говорить также, что на вѣткѣ той же дороги къ пристанямъ такъ все благоразумно стѣснено и расположено, что едва ли есть другой уголокъ въ городѣ, гдѣ бы царила такая опасность страшнаго пожара, и гдѣ бы можно было подвергаться такому риску быть раздавленнымъ движеніемъ поѣздовъ. Что же, на стѣну лѣзть изъ-за этого?! Ничего не случилось: значитъ Богъ милуетъ! Повѣрьте, господа, тамъ или здѣсь будемъ строить гостиный дворъ; тотъ или другой будетъ приставленъ къ общественному сундуку—все это, какъ и предыдущее, для меня такъ же безразлично, какъ безразлично, кусаетъ ли блоха Марью Петровну или Каролину Карловну. Потому-то эти вопросы въ моихъ письмахъ и были поставлены въ рядъ—на одну, такъ сказать, доску.

Можетъ быть, подумаете вы, что стремлюсь я къ искорененію пороковъ,—индивидуальныхъ людскихъ недостатковъ, стараюсь обѣ исправленіи человѣчества? Крайне ошибаетесь! Въ этомъ отношеніи прошу причислить меня къ послѣдователямъ идеи «непротивленія злу». Во-первыхъ преслѣдованіе зла порождаетъ новое зло, а во-вторыхъ намъ нечего обѣ этомъ беспокоиться, ибо жизнь можетъ устроиться къ лучшему и безъ нашего участія въ ея экономіи. Извѣстно, что природа дала человѣку полную сво-

боду въ выборѣ пути или въ сторону эгоизма, или въ сторону высшей гуманности. Первое направлениe требуетъ отъ человѣка весьма немногаго, второе, напротивъ, страшной, иногда непосильной, борьбы. Если эгоизмъ присущъ животной натурѣ человѣка и послѣднему предоставлено право имъ пользоваться, то какая, спрашивается, нужда, ради абстрактной (отвлеченной) гуманности отказывать себѣ въ наслажденіяхъ въ жизни насчетъ труда ближняго, въ алчности, въ казнокрадствѣ и въ прочихъ людскихъ прелестяхъ, на которыхъ покоятся основы благополучія порочнаго люда? Мировая машина въ полномъ ходу, колеса вертятся, и природѣ повидимому дѣла нѣть до того—эгоизмъ ли людской получить господствующее преобладаніе или высшая гуманность. Порочные черты, какъ и черты человѣчности, передаются наслѣдственно и расширяются количественно. Казалось бы всѣ шансы на сторонѣ торжества эгоизма, а между тѣмъ мы видимъ, что человѣчество прогрессируетъ въ милосердіи, справедливости и добродѣтели. Какая же сила регулируетъ и задерживаетъ развиtіе въ человѣчествѣ порочныхъ эгоистическихъ побужденій?

Начнемъ съ того, что высокія идеи человѣчности не создаются вдругъ, какъ многие ошибочно думаютъ. Они до тѣхъ поръ не могутъ вполнѣ образоваться въ умѣ, пока посредствомъ воспитанія въ школахъ цѣлаго ряда поколѣній человѣкъ не будетъ приспособленъ къ дѣйствительному воспріятію этихъ идей, пока въ поколѣніи, посредствомъ наслѣдственной передачи, не накопится сумма рефлексивныхъ (несознательныхъ) движений души, необходимыхъ для этого воспріятія. Человѣкъ, живущій въ правдѣ и свидѣтельствующій это вѣрою и дѣлами, не только укрепляетъ въ себѣ идеи добра, но и передаетъ этотъ капиталъ всецѣло въ поколѣніе, какъ высокій тонъ чувствованій, для воспріятія и развитія высокихъ идей. Такимъ образомъ, возвышенныя идеи о справедливости, добродѣтели, милосердіи накапливаются во времена и составляютъ капиталъ человѣчества, на счетъ котораго оно прогрессируетъ. Медленно совершается это развитіе, но за то предѣла ему не положено.

Идеи двоедушія, лукавства, личныхъ выгодъ, порабощенія

ближнего, кулачества, алчности, халуйства, развиваются и передаются наследственно, какъ и идеи добра, и также порождаютъ рефлективное движение души, но только въ сторону личного низкаго эгоизма. Разъ укрѣпившись въ человѣкѣ, онъ могутъ быть совершенно искоренены только посредствомъ воспитанія въ идеяхъ добра цѣлаго ряда послѣдовательныхъ поколѣній. Въ извѣстный періодъ, школа въ борьбѣ съ этими эмоціями можетъ только ослабить ихъ, но не уничтожить совершенно. Весьма часто, какъ только человѣкъ оставитъ школу и вступитъ въ прежнюю атмосферу, она возникаетъ снова, какъ возвратная секретная болѣзнь. Казалось бы количественнымъ распространеніемъ своимъ въ человѣчествѣ эгоистической побужденія должны вытѣснить, подавить и заглушить идеи добра, однако, какъ сказано выше, человѣчество прогрессируетъ въ сторону альтруизма (религіи любви) и милосердія. И это потому, что развитію идей гуманности границъ не положено, между тѣмъ какъ наследственной передачѣ эгоизма природа положила извѣстные предѣлы. За распутство ума и воли, выражющееся въ алчности, двоедушіи, коварствѣ, природа караетъ, какъ и за распутство физическое. малоплодіемъ, вырожденіемъ и тупоуміемъ потомства. Послушаемъ, что говоритъ знаменитый физіологъ и педагогъ Маудсли, въ своемъ сочиненіи „Паталогія души“: «Многочисленныя наблюденія показываютъ, что тѣ человѣческія поколѣнія, которые напрягаютъ мозгъ для эгоистическихъ интересовъ и корыстолюбія, тѣ поколѣнія—какъ реверсивное отродье чисто животныхъ наклонностей—всегда наследуютъ задатки душевнаго и физического вырожденія. Исключительныя цѣли жизни только для себя,—говорить онъ,—подрываютъ нравственный элементъ и ухудшаютъ природу человѣчества. А ухудшеніе природы такие люди передаютъ, какъ несчастное наследство, своимъ дѣтямъ.» По Маудсли, статистика Англіи показываетъ, что на тысячу случаевъ человѣческаго вырожденія приходится 840, когда отецъ съ большимъ трудомъ, мошенничествомъ и неправдами поднялся къ богатству съ цѣлью и надеждою основать родъ; въ результатѣ получалось всегда физическое вырожденіе потомства, которое, не удерживаемое идеями

гуманности, шло впередъ до тѣхъ поръ, пока не угасалъ родъ въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи.

Такимъ образомъ, сколько бы мы не фарисействовали другъ предъ другомъ, какъ бы не прикрывали свою алчность красивыми словами, благонамѣренностью и благотворительностью, въ какомъ бы видѣ не «обнаруживали понятія»—природу намъ не обмануть. Она прогрессируетъ въ сторону гуманности и давитъ все, что противуестественно мѣшаетъ ея развитію. Что станетъ съ человѣчествомъ, если природа не будетъ карать распутство физическое и нравственное?

Послѣ всего изложенного, позволяю себѣ задать вопросъ: стоитъ ли прогибаться злу и что мы можемъ сдѣлать помошью того самаго ума, который съ такой же энергией можетъ отстаивать добро, съ какой потворствуетъ злу?

Вотъ основанія, по которымъ вы можете судить, въ какой степени забочусь я о вашемъ нравственномъ исправленіи. Огляднитесь внимательнѣе кругомъ и увидите вы, какъ распоряжается съ вами природа за прегрѣшенія.

Словомъ сказать, въ перепискѣ своей съ вами, обличительныхъ цѣлей я не преслѣдовалъ, объ искорененіи зла не заботился, а имѣлъ въ виду изложить права мои на должность городского головы и разъяснить, какія выгоды могли бы послѣдовать отъ подчиненія вашихъ интересовъ такому какъ я, многостороннеобразованному и гуманному человѣку. Если рѣчь моя была иногда сим *grano salis*, то примите это за невольное прегрѣшеніе. Развѣ не расхохотесь вы въ глаза тому, кто общественный грабежъ начнетъ оправдывать тѣмъ, что «даже парижская палата общинъ не безъ грѣха въ этомъ отношеніи.» Прогуляться во Францію, чтобы «насмотрѣться всякой всячины», ни кому не возбраняется, но насчетъ тамошнихъ порядковъ благоразумнѣе бы помолчать. «Францію»—сказала недавно моя дама*),—«нельзя считать нормальною страной, коль скоро люди, занимающіе тамъ высшія общественные должности, готовы ради золота на всякое

*) Вычитала изъ „Нового Времени“; слова молодого графа Толстого.

преступлениe.» Иду далъе: можно-ли удержать улыбку, если бре-хунецъ гражданскій или уголовный начнетъ увѣрять васъ, что онъ человѣкъ идеи? Неужели не разсмѣетесь, если ростовщикъ будетъ серьезно говорить, что, дѣлая ссуды, онъ спасаетъ тысячи людей отъ погибели? Смѣхъ—единственный даръ, отличающій человѣка отъ твари. Грѣшно не воспользоваться этимъ даромъ среди житейского маскарада, гдѣ всѣ маски знаютъ другъ друга!

Однако, господа, что же мнѣ дѣлать, повторяю, теперь, когда такъ коварно лишили вы меня надежды стать во главѣ городского управления по новому городовому положенію? Только власть можетъ проникнуть въ ваше коварство и поручить мнѣ направить васъ по стезямъ добродѣтели. А знаете ли вы: отчего со мною стряслась такая проруха? А отъ того собственно, что написалъ я только четырнадцать писемъ, а число это по Эккарзгаузену для меня неблагопріятное. Чтобы поправить дѣло, заканчиваю свою переписку пятнадцатымъ письмомъ: цифра эта по наукѣ о числахъ означаетъ содержаніе любви въ справедливости*).

Кто рожденъ для великихъ дѣлъ и вѣрить въ торжество справедливости, тотъ не падаетъ подъ ударами враждебной до времени судьбы. Хотя по слабости природы человѣческой и предался я унынію на пѣсколько дней, но затѣмъ скоро воспрянулъ духомъ. Вѣрю теперь въ звѣзду мою и вотъ по какому случаю. Видѣлъ я недавно сонъ, что взбираюсь по крутыму утесу, въ толпѣ своихъ согражданъ, на высокую гору, а на ней воздвигнуты золотое предсѣдательское кресло и общественный сундукъ. Близъ самой вершины друзья-доброжелатели меня столкнули, и я скатился къ подошвѣ. Опять началъ взбираться и опять столкнули. Семьдесятъ шесть разъ повторялъ я эту пробу и семьдесятъ шесть разъ возвращался назадъ. Въ семьдесятъ седьмой удалось таки забраться на вершину и занять золотой стулъ. Снамъ придаю я большую вѣру, а потому и думаю, что не слѣдуетъ унывать отъ неудачъ, хотя бы семьдесятъ шесть разъ приходилось терпѣть пораженіе; въ семьдесятъ седьмой—возьму свое! Будьте увѣрены,

*) Эккарзгаузенъ. Наука о числахъ природы т. I стр. 237.

что это не хвастовство съ моей стороны, а полное убѣжденіе и убѣжденіе, которое никогда меня не покинетъ. Согласитесь сами: не могу же я глухнуть въ безвѣстности и въ бездѣйствіи? Нѣть, отдохну немного, соберусь съ силами и опять начну васъ бомбардировать своей перепиской. Если вода каплей по каплѣ пробиваетъ гранитную скалу, то неужели не пробью я брешь въ каменной стѣнѣ, за которой скрывается алчность и лиходѣйство, прикрытыя благонамѣренностью и безвозмезднымъ исполненіемъ такихъ обязанностей, о которыхъ никто не просить и на которыхъ никто не разсчитываетъ.

Заключаю свои письма словами Эккарзгаузена: «Писаль я не для гордецовъ, все презирающихъ, не для глупцовъ, не имѣющихъ чувствъ къ высокимъ истинамъ, не для рабовъ людскихъ мнѣній: но для спокойныхъ, беспристрастныхъ кроткихъ друзей моихъ—искателей истины!»

Сія писана въ градѣ Чингидинѣ въ лѣто 7401. Слагатай сія человѣкъ не гласный, отчина-же его познается отъ осми буквъ: сторицей сугубою начинается и единою же сугубою еръ скончавается; прочая же шесть-трехчисленная десятирица, съ десятирицею семичисленною и вторицею, паки сторица десятичисленная съ тою-же семичисленною десятирицею и вторицею.

